

Фантастический рассказ
Мурзагулов Азамат

**Хищники Каменных
Пустошей**

Азамат Мурзагулов

Хищники Каменных Пустошей

«Автор»

2026

Мурзагулов А. Г.

Хищники Каменных Пустошей / А. Г. Мурзагулов — «Автор»,
2026

Человек и хищник, разделенные тысячами световых лет, никогда не должны были делить один мир. Но судьба забросила их на забытый камень посреди космоса, отрезав от звездолетов и бластеров. Золотой век обеих цивилизаций закончился. Люди погрузились в Темные века, строя средневековые города-крепости и ведя бесконечные войны за еду и ресурсы. Они утонули в суевериях и мифах. Хищники превратились в ночных призраков пустоши. Их броня сделана из жил, а статус измеряется числом позвонков инопланетных существ, нанизанных на шею. Жестокая планета обнулила их достижения, вернув оба вида к истокам. Выживать теперь могли только самые быстрые, сильные и безжалостные. Это история о том, как легко культура превращается в пыль без машин. Как по-разному оба вида пытаются сохранить себя. Внутри каждого из нас таится зверь, помнящий пещерный мрак. А внутри каждого хищника спит терпеливый убийца, готовый нанести идеальный удар.

© Мурзагулов А. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	28
Глава 5	42
Глава 6	49
Глава 7	58
Глава 8	68
Глава 9	75
Глава 10	86
Глава 11	98
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Азамат Мурзагулов

Хищники Каменных Пустошей

Глава 1

Пролог: Рождение шрама.

В безмолвной пустоте космоса, где время измеряется зонами, а расстояния — световыми годами, одинокий космический странник завершал свой путь. Это был огромный, многокилометровый астероид, осколок давно погибшего мира, несущий в себе холод и смерть. Он неумолимо приближался к этой юной планете, чья поверхность ещё не остыла, а кора была тонкой и податливой, словно живая плоть.

Этот хрупкий мир безмятежно кружил в танце вокруг своего покровителя — газового гиганта, чья аномально слабая гравитация, как невидимая рука палача, направляла астероид-убийцу к своему новорожденному спутнику. Их встреча была предreshена. В этом не было ни злобы, ни умысла — лишь слепая математика небесной механики. Траектории пересеклись, и два безжизненных тела устремились к неминуемому столкновению. Судьба космических тел, как и судьба людей, пишется холодным, бесчувственным космосом на скрижалях пустоты. Планете было суждено получить свой первый и самый глубокий шрам.

Удар был подобен рождению новой звезды. В одну секунду высвободилась энергия, способная расколоть мир до самого ядра. Атмосфера мгновенно испарилась в радиусе тысяч километров. Кора планеты треснула, и в небо взметнулся огненный столб из расплавленной породы и пара, пронзивший тьму. На месте падения образовалась чудовищная рана — многокилометровый кратер, дно которого представляло собой кипящее озеро магмы.

Так началась история этого мира. Из хаоса и разрушения родилась новая форма. Миллионы лет спустя одна из стен этого исполинского кратера рухнет, открыв путь миллионам кубических километров лавы, что растекутся по округе, образовав безжизненную каменную пустошь на сотни километров вокруг. Но это было лишь начало. Жизнь, неистребимая и упрямая, рано или поздно должна была вернуться в эту мёртвую чашу, чтобы превратить её в самый опасный и прекрасный оазис во вселенной. А следом за жизнью всегда приходит смерть.

Холодный свет пробуждения.

Мир начался не с крика, а с беззвучной вспышки. Тысяча лет в криогенной капсуле — это не сон, это отсутствие. Его не было. Ни войн, сотрясавших Землю, ни великого Исхода. Он был просто выключен. А теперь его включили. Сознание возвращалось рывками. Сначала — боль. Каждая клетка тела, оттаяв после тысячелетней мерзлоты, кричала. Сердце, запущенное бортовым компьютером, билось с оглушительным грохотом. Он не мог пошевелиться, лишь дышал — жадно втягивая стерильный воздух капсулы.

— Системы... активированы, — прохрипел он, пытаясь сфокусировать взгляд на тусклой панели. — Добро пожаловать в сознание, капитан, — раздался в динамиках безэмоциональный голос ИИ. — Вы находились в криостазисе 1023 года, 9 месяцев, 16 дней. Миссия: колонизация планеты «Кеплер-2026EG-Вентура». Текущий статус: вход в плотные слои атмосферы. Крышка зашипела и отъехала. Тело слушалось с трудом, как у новорождённого жеребёнка. Он вывалился на холодный металлический пол и пополз к креслу пилота. Добраться до него казалось восхождением на Эверест. Рухнув в кресло, дрожащими пальцами нащупал ремни безопасности. Вокруг оживала приборная панель: десятки голографических экранов вспыхивали данными телеметрии.

— Вход в атмосферу через 60 секунд.

Главный обзорный экран ожил. Челнок пронзал золотистую дымку верхних слоёв атмосферы. Сквозь разрывы в облаках показалась она — планета нереальной красоты. Огромный сапфировый океан, континент, покрытый буйной зеленью. В атмосфере не видно следов загрязнения.

А затем всё изменилось. Челнок затрясло. Корпус завибрировал, жалобно скрипя. За бортом бушевал огненный ад. Плазма обтекала корабль, превращая его в падающую звезду.

— Температура обшивки критическая!

Плазма рассеялась, открыв иную картину. Внизу не было ни синих океанов, ни зелёных лесов. Насколько хватало глаз, простиралась бесконечная каменная пустошь — серо-коричневое море скал и высохших русел рек.

— А где... всё остальное? — прошептал он. В этот момент удар такой силы вышвырнул его из кресла.

Мир перевернулся. Раздался скрежет рвущегося металла, наступила темнота.

Боль была первой, что прорвалась сквозь тьму. Она пульсировала в затылке тупым спазмом. Затем пришёл холод — влажный ветер, пробирающий до костей. Он открыл глаза. Над ним нависал низкий металлический потолок, испещрённый ржавыми подтёками. Воздух пах озоном и солью. Попытался сесть, но тело оставалось чужим. На стене мигала красным надписью: «АВАРИЙНАЯ ПОСАДКА». Искусственный интеллект был мёртв.

Шатаясь, добрался до иллюминатора. Корабль лежал на боку, наполовину зарывшись в крупную гальку. За окном бушевало свинцовое море под низким небом цвета мокрого асфальта. А прямо внизу простиралась полоса прибоя, заваленная галькой размером с человеческую голову.

Нужно выбираться. Главный шлюз заклинило из-за деформации корпуса. Пришлось искать запасной выход. Люк технического отсека поддался с третьей попытки. В лицо ударил порыв ледяного ветра. Выбраться наружу оказалось сложнее, чем думалось. Корпус скользил от водорослей. Он спустился вниз, обдирая ладони о рваный металл.

Лежа на спине среди камней, он жадно глотал холодный воздух. Сделано. Но тут послышался новый звук — низкий утробный гул со стороны моря. Овернувшись, увидел её: гигантскую тёмную стену воды, несущуюся к берегу беззвучно и стремительно. Рванул из последних сил к гряде скал поодаль. Но волна настигла, сбила с ног и сама отнесла к камням. Та же стена ударила в борт челнока с оглушительным треском. Металл застонал. Удар подбросил многотонную машину так легко, будто та была из картона. Шаттл оторвало от берега и понесло обратно в стихию.

Всё произошло за секунды. Закрутило в водовороте пены и камней, потянуло в глубину. Последнее, что мелькнуло перед глазами, — тусклый отблеск аварийного маячка, погасшего навсегда. Он стоял один посреди этого сурового мира. Тысяча лет сна закончилась здесь, на краю каменной пустыни под штормовым небом. На берегу остался только он. Один на один с бескрайними пустошами и неприступными горами за ними. Без памяти. Без припасов. И без надежды на спасение. Единственное, что он знал наверняка, — нужно выжить. И, возможно, ответы на вопросы «кто он?» и «что случилось?» скрываются где-то там, за этими горами.

Выжить!

Его звали... Он не помнил имени. Но это было неважно. Имя — лишь слово. Выживание — вот что имело значение. Первое, что он сделал после шока от потери челнока, — провел инвентаризацию тела и окружающего мира. Мускулы были ватными после тысячелетнего сна, но рефлексy работали. Это мышечная память, заложенная глубже сознания. Он знал, как двигаться бесшумно, экономить силы. Кем был до криосна? Солдатом? Исследователем? Неважно.

Сейчас он стал охотником на этой каменной пустоши. Он быстро шел вдоль прибоя, изучая берег. Море забрало корабль, но могло дать инструменты. Через полчаса поисков улыбнулась удача: среди гальки лежал кусок обшивки — изогнутый лист прочного композита с острыми краями. Мужчина взвесил его в руке. Отличное лезвие. Оружие прежде всего.

Среди скал густо росли окаменевшие лианы: их стебли стали тверже легированной стали. Астронавт выбрал самый длинный кусок. Осколок обсидиана, острый как бритва, выбранный из десятка кусков вулканического стекла у кромки воды, намертво сел в расщепленный конец древка. Наконечник перехлестнул кабель, который вместе с эластичными трубками свисал во многих местах с термоизоляционного костюма. Получилось тяжелое надежное копье.

Голод пришел быстро. Фауна планеты оказалась скудной, но цеплялась за жизнь так же отчаянно, как и он сам. Несколько часов ушло на выслеживание. Обострившиеся чувства уловили движение между камнями. Наконец среди серых валунов мелькнул силуэт. Существо напоминало шестиногого варана, покрытого свалывшейся шерстью цвета местного камня. Цепкие когти позволяли ползать по отвесным скалам. Охотник замер в засаде за поваленной колонной древнего рифа. Когда тварь подставила бок почесаться о камень, наконечник вошел точно под лопатку. Удар древком довершил дело.

Огонь разведен примитивным способом: самодельное веретено из твердой древесины и куски плавника, которыми берег был усыпан после шторма. Сухая трава и мох вспыхнули мгновенно. Запах наполнил воздух. Первый ужин на Вентуре пах озоном, жареным мясом и паленой шерстью.

Ночь принесла холод. Спать под открытым небом нельзя. Профессиональные навыки снова взяли верх. Он нашел глубокую нишу под нависающей скалой, защищавшую от ветра. Из крупных камней сложил невысокую стенку со стороны моря. Кустарник пошел на подстилку, изолирующую от ледяной земли. Грубое, но надежное укрытие готово.

Проснувшись с первыми лучами тусклого солнца, он действовал по плану. Вода. Нужна пресная вода. Следуя инстинкту, двинулся к горам. Непрístupные на вид, они могли таить пещеры и родники. По пути собирал съедобные корни и ягоды, узнавая их каким-то глубинным знанием. К середине дня нашел искомое: узкую трещину в скале, уходящую вглубь горы. Протиснувшись внутрь, оказался в прохладной темноте. Пещера расширялась, превращаясь в небольшой грот. А в дальнем углу журчала вода. Присев на колени, увидел тонкую струйку, сочащуюся из камня и собирающуюся в естественную чашу. Чистая, холодная. Астронавт опустил ладони в воду и долго пил.

Оглядел убежище. Отсюда отличный обзор подходов. Здесь можно переждать непогоду. Есть оружие, огонь, еда и вода. Посмотрел на руки — крепкие, покрытые мозолями от работы с камнем и деревом. Он ничего не помнил о прошлом, но тело и разум знали всё необходимое для этого мира. Идеально приспособлен. И он собирался жить.

Охота.

Дни слились в бесконечный серый поток. Каменная пустошь, казавшаяся мёртвой, на деле оказалась живым дышащим организмом, полным опасностей и возможностей. Мужчина двигался по ней как призрак. Он изучил каждый изгиб береговой линии, знал, где в расщелинах прячутся жирные неповоротливые ящерицы, а в зарослях сухого кустарника можно найти съедобные корни. Ради эффективности пришлось изготовить лук и стрелы.

Он был не просто выжившим — он стал хозяином этого берега. Но рацион оставался скудным. Мелкая дичь не давала достаточно калорий для восстановления сил после криосна. Нужен был крупный зверь. И однажды он его нашёл.

Это случилось на третий день после обнаружения широкой бухты, защищённой от ветра. Её серые камни почернели от тел. Тысячи созданий размером с крупного земного тюленя лежали вповалку, греясь под тусклым солнцем. Воздух гудел от низкого утробного мычания и резкого запаха рыбы и мускуса. Настоящая сокровищница: горы мяса и толстого жира, который мог согревать долгими ночами. Мужчина замер на вершине скалы, наблюдая. Видел, как огромные самцы, втрое превосходящие самок, лениво поднимали головы и оглядывали стадо. Их глаза-бусинки были настороже. При малейшем намёке на угрозу — шорохе камня или тени хищной птицы — всё стадо устремлялось к воде и исчезало в пучине. Охота в лоб была обречена. Но он не был обычным охотником. Амнезия стёрла прошлое, но оставила навыки, вбитые на уровне инстинктов. Он умел ждать. Он был хитёр. Он не пошёл к стаду. Начал наблюдать за его ритмом. Заметил, что животные постоянно перемещались: тех, кто лежал у кромки, постепенно вытесняли те, кто хотел погреться дальше от прибой. Медленный непрерывный конвейер жизни. Он также увидел кое-что ещё. В сотне метров от основного лежбища из воды торчала плоская скала, едва заметная во время прилива. Там отдыхала пара молодых животных, слишком слабых или робких, чтобы пробиться в центр. План созрел мгновенно.

Весь день ушёл на подготовку. Нашёл подходящую яму за большим валуном недалеко от островка. Собрал охапку сухих лёгких веток кустарника. И самое главное — отыскал выбеленный солнцем кусок кости, сухой и полой внутри. С наступлением сумерек занял позицию. Ночь не принесла темноты — над пустошью повис газовый гигант, залил всё холодным серебристым светом. Самцы не спали. Их силуэты на фоне светлых камней были хорошо видны.

Мужчина достал лук и вложил в тетиву не обычную стрелу с каменным наконечником. К острию примотал сухой мох. Затем взял полую кость и тихо дунул. Раздался звук, похожий на крик ночной птицы — резкий и чуждый. Эффект оказался мгновенным. Ближайшие самцы

вскинули головы, но их взгляд скользнул вверх и в сторону — туда, откуда донёсся звук. В стаде началось лёгкое беспокойство. Мужчина ждал.

Один из молодых тюленей на скале, напуганный общим волнением, соскользнул в воду и поплыл к берегу. Именно этого момента он и ждал. Как только голова показалась из воды, мужчина чиркнул камнем о лезвие ножа. Искра упала на мох, и тот вспыхнул ярким дымным пламенем. Свист тетивы потонул в плеске волн. Огненная стрела вонзилась в воду в метре от цели. Животное нырнуло, но вынырнуло уже с другой стороны от островка — прямо напротив замаскированной ямы. В этот же миг охотник бросил в воду горящий пучок веток. Огонь зашипел, создав стену света и шума. Ослеплённое и напуганное существо метнулось к единственному тёмному участку берега — прямо в ловушку. Потребовалось одно молниеносное движение. Импровизированный нож из обшивки челнока вошёл точно под основание черепа. Всё кончилось за секунды. Он замер, прислушиваясь. На основном лежбище было спокойно — самцы лишь недовольно ворчали, успокаивая стадо после ложной тревоги. Он не убил ни одного стража. Он их обманул. Выживание — это не всегда сила. Иногда это интеллект и абсолютное понимание законов дикой природы. Он доказал это себе и этому миру. У него будет еда на много дней вперёд.

Соль Вентуры.

Он нашёл его случайно: преследуя отбившегося от стада детёныша, углубился в лабиринт прибрежных расщелин. Узкий проход, похожий на трещину в скале, вывел его в замкнутую, почти идеально круглую котловину. Ветер сюда не залетал, стояла абсолютная тишина. А в центре этого каменного кратера, словно драгоценность в оправе, покоилось небольшое озеро. Вода в нём была не просто солёной — густой, маслянистой на вид, насыщенного розовато-серого оттенка. Но самым поразительным было иное. По всей поверхности плавали белоснежные пористые глыбы — чистейшая морская соль, кристаллизовавшаяся и поднимавшаяся со дна. Берега покрывал толстый хрустящий белый ковёр из той же соли. Мужчина замер на краю, глядя на это природное сокровище. Он не успел даже сформулировать мысль, как тело пришло в движение.

Сознание ещё анализировало находку, а руки уже знали, что делать. Это был не навык, а чистый инстинкт выживания, вшитый в мышечную память. Он вернулся к добыче — туше молодого тюленя. Работа была грязной и кропотливой, но он выполнял её с пугающей эффективностью. Острым осколком обсидиана сделал длинный точный надрез на шкуре и начал аккуратно снимать её, подрезая соединительную ткань. Это заняло несколько часов. Затем началось главное. Он перенёс ещё тёплую шкуру к озеру. Расстелив её на плоском камне мехом вниз, принялся за работу. Набирая полные пригоршни крупных влажных кристаллов с берега, с силой втирал их в мездру — внутреннюю сторону шкуры. Соль жадно впитывала влагу и остатки плоти. Он работал методично, покрывая солью каждый сантиметр. Древний способ консервации; его руки помнили каждое движение. Соль не даст шкуре сгнить, вытянет воду и подготовит её для дальнейшей обработки. Пока она сохла на ветру и солнце, он разделал тушу с хирургической точностью. Мясо нарезал тонкими полосами и развесил рядом — получится отличный пеммикан, который может храниться месяцами.

Но самые ценные части ждали своего часа. Он собрал весь нутряной жир в плоский камень-ступу и начал толочь его, разогревая трением. Медленно, капля за каплей, из волокон выделялся чистый прозрачный жир. Он собирал его в самодельную глиняную плошку. Затем взял кости передних лап. Расколов их, достал костный мозг. Смешав вытопленный жир с измельчённым мозгом и добавив соли, долго и упорно взбивал смесь. Руки двигались в монотонном ритме. Спустя время масса начала меняться: густела, светлела, превращаясь в плотный однородный крем. Это было мыло. Чистое, которое не только смоет грязь и жир после охоты, но и станет бесценным товаром для обмена, если он когда-нибудь встретит других людей. Наконец, он взял самые крупные кости и позвонки. Расколов их на острые осколки, плотно набил

ими пустую раковину гигантского моллюска, служившую чашей. Добавив перетопленный жир в качестве горючей основы, получил примитивные, но эффективные светильники. К вечеру того же дня у него было всё необходимое для жизни: заготовка для одежды, запас чистого мыла для гигиены и несколько ярких факелов для освещения пещеры долгими ночами. Он не просто нашёл ресурсы — он превратил их в технологии. Он перестал быть выжившим. Он стал мастером.

Новый дом!

Период отчаянной борьбы за жизнь остался в прошлом. Он больше не был загнанным зверем, ищущим каждый кусок еды и глоток воды. Он стал чем-то большим. Хозяином. Духом этого сурового, но по-своему прекрасного края. Его убежище в скалах превратилось в настоящую базу. Стены были завешаны сохнувшими травами и кусками вяленого мяса. В выдолбленных нишах аккуратными стопками лежали заготовки для стрел, мотки высушенных кишок животных, заменявших верёвку, и куски обработанной соли. На сложенном из камней очаге всегда тлели угли. Запах в пещере тоже изменился: вместо вони сырости и смерти теперь пахло дымом, сухой травой и тонким ароматом самодельного мыла. Выживание сменилось размеренным ритмом. Каждое утро начиналось с обхода территории. Он знал каждый камень на многокилометровом отрезке побережья, где пасутся стада «тюленей», знал тропы, по которым к водопою спускались рогатые ящеры, похожие на помесь козы и варана. Он брал ровно столько,

сколько было нужно для пропитания и пополнения запасов, оставляя экосистему в равновесии. Исследование стало его главной страстью. Каменная пустошь, казавшаяся мёртвой, была полна жизни.

Он обнаружил колонии гигантских насекомых, похожих на богомолы, которые строили сложные гнёзда из засохшей глины. Наблюдал за стаями мелких пушистых падальщиков, с невероятной скоростью обгладывавших останки добычи до костей. Научился различать десятки видов растений: какие ядовиты, какие лечат раны, а какие утоляют голод. Но его манили горы. Непроступная стена, опоясывающая пустошь, больше не казалась непреодолимой преградой. Однажды он нашёл узкий разлом в скальной гряде — трещину, по которой, цепляясь за выступы, можно было подняться. Подъём оказался изнурительным и занял весь день. Но то, что открылось взгляду наверху, стоило каждого потраченного усилия. Перед ним раскинулось бескрайнее высокогорное плато. Воздух здесь был разреженным и кристально чистым. Мир внизу казался игрушечным. Но главное богатство таилось под ногами. Плато усеивали выходы пород самых невероятных цветов и форм. Здесь нашлись жилы железной руды — тёмно-красные полосы на сером камне. Обнаружились пласты чистой меди с зеленоватым налётом патины. Попадались кристаллы прозрачного минерала, который он использовал для создания лезвий острее стали. Были здесь и камни, которые он не мог идентифицировать: тяжёлые, с металлическим блеском, или лёгкие, пористые, как губка. Он начал собирать образцы. В пещере появился новый «алтарь» — плоская плита из песчаника, на которой он раскладывал свои находки: кусочки руды, кристаллы, странные окаменелости. Это была его сокровищница, его связь с этим миром. Уверенность пришла незаметно. Она поселилась вместе с теплом куртки из тюленьей шкуры, с тяжестью копья в руке и знанием того, что в тайнике есть запас еды на неделю вперёд. Он знал, что завтра будет новый день. День для исследования новой расщелины. День для наблюдения за брачным танцем гигантских ящеров. День, чтобы просто сидеть у входа, смотреть на бушующее море и чувствовать абсолютное спокойствие. Он был один во вселенной, но не был одинок. У него был дом. Была своя земля. И он был её полноправным хозяином. Память о прошлом всё ещё зияла пустотой, но теперь эта бездна не пугала. Она стала частью его истории, которая началась здесь и сейчас, на краю каменной пустоши под низким небом чужой планеты.

Хищники!

Местное светило Антарио только миновало зенит; до наступления долгой, вязкой ночи оставалось ещё несколько часов. Охотник, чьё имя давно стёрлось под гнётом выживания, первую половину дня наблюдал за многочисленным стадом тюленей. Обессиленные долгой миграцией из южного полушария, они безмятежно дремали на чёрном базальтовом берегу. Их жирные, лоснящиеся туши были слишком соблазнительной целью. Ночь обещала быть светлой: газовый гигант «Кеплер-2026GG-Доминик», висящий низко над горизонтом, заливал пустошь призрачным мертвенным светом. К тому же, судя по всему, будет тепло. Это давало шанс. До наступления темноты он успеет вернуться в своё убежище — глубокую сырую пещеру в скалах, но сейчас у него были иные планы. Он решил не тратить драгоценные силы на обратный путь. Ему нужен был отдых. Он вскарабкался на вершину крутого утёса, откуда открывался отличный обзор на стадо и подходы к нему. Пустошь неохотно делилась своими тайнами и брала за них высокую цену. За последние месяцы охотник трижды был на волосок от смерти.

В первый раз он сорвался в ледяную расщелину во время охоты на снежных крыс. Падение казалось бесконечным, но в последний миг пальцы, сведённые судорогой от холода, намертво вцепились в крошечный каменный выступ. Ему понадобилось несколько часов, чтобы выбраться наверх.

Во второй раз он чуть не стал добычей. Одна из гигантских птиц-птеродактилей, что слетались с высоких гор поохотиться на морскую живность, спикировала на него с пронзительным

визгом. Острые когти оставили глубокие борозды на плече и спине. Он выжил лишь потому, что успел укрыться в узкой каменной нише, куда не мог пролезть крылатый хищник.

А в третий раз его подвела беспечность. Он отравился ядом смертельно ядовитой железы безобидного на вид пушистого зверька, похожего на морскую свинку. Нейротоксин действовал медленно: долгие дни ушли на лечение ран от когтей птицы и выведение отравы из организма. Тогда он чётко уяснил: всё живое, что летает, ползает или бежит в пустоши, желает лишь одного — убить тебя и сожрать.

Устроившись в небольшой выемке скалы, защищённой от пронизывающего ветра, мужчина подложил под голову выдавший виды вещмешок. Он закрыл глаза, чувствуя, как гудят натруженные мышцы. Сон пришёл мгновенно — тяжёлый, восстанавливающий силы перед ночной охотой.

Что-то вырвало его из забытья — не звук и не свет. Шестое чувство, отточенное месяцами выживания, подало сигнал тревоги. Тихий, но острый, как лезвие обсидиана. Он лежал, вслушиваясь в шум прибоя, понимая: что-то не так.

Бесшумно, как тень, охотник поднялся. Осторожно выглянув, он впился взглядом в прибрежную полосу. Даже сквозь плотный полог свинцовых туч, скрывавших гиганта, его глаза, привыкшие к мраку, различили главное — движение. Стадо тюленей, обычно беспокойное, застыло. Тысячи животных сбились в плотную безмолвную массу, уставившись в одну точку на берегу. А там, у самой кромки воды, происходило нечто странное. Безжизненное тело одного из них медленно скользило по мокрой гальке прочь от моря, в сторону тёмного зева расщелины.

Не было слышно ни борьбы, ни рычания. Казалось, тушу тянула сама земля. Инстинкты сработали раньше разума. Любопытство и первобытная осторожность заставили покинуть безопасное лежбище. Прижимаясь к влажным скалам, он начал спускаться вниз, двигаясь параллельно невидимой силе. Его дыхание казалось оглушительным громом. Он подобрался к узкой расщелине, откуда исходила угроза.

Из её глубин доносились низкое урчание и шорох трущейся о камни верёвки. Затаив дыхание, он заглянул внутрь. В абсолютной черноте глазам потребовалось время, чтобы хоть что-то разобрать. Сначала — лишь движение нескольких ступков ещё более плотной тьмы. Затем свет «Доминика», пробившийся сквозь трещину сверху, на мгновение выхватил детали, которые навсегда отпечатались в памяти. Три фигуры. Гуманоидные, двуногие. Это вызвало первый всплеск узнавания. Но всё остальное кричало об обратном. Тела худые, покрытые гладкой блестящей кожей, похожей на хитин. Движения резкие, рваные, лишённые человеческой плавности.

Они стояли вокруг туши, натягивая толстую верёвку из грубой лианы. На конце был закреплён тяжёлый гарпун, глубоко вошедший в череп животного. Они работали молча, слаженно, как единый организм. Один из них почувствовал сквозняк и резко повернул голову ко входу. Охотник успел разглядеть лицо... если это можно было назвать лицом. Маска, в верхней части которой ярко горели три точки, а с боков свисали длинные дреды-щупальца.

Охотник прижался к камням всем телом, стараясь стать невидимым. Холодный пот пробежал по его спине, несмотря на ночную прохладу. Животный ужас сковал мышцы. Это был не страх перед зверем. Это был глубинный, генетический ужас перед чем-то чуждым, абсолютно враждебным и разумным. В голове, сметая остатки амнезии, вспыхнуло одно ясное слово из самых тёмных уголков подсознания:

Хищник!

Это были не животные. И не дикари. Это охотники другого вида. Теперь он знал, что здесь не один. И что сам, возможно, уже давно является частью их угодий.

Глава 2

500 лет назад... Охотничье угодье.

Слова предводителя, Великого Вождя клана «Когти Судьбы» Кхор'Раха*, передаваемые по внутренней связи корабля, прозвучали как окончательный вердикт. Его голос, пропущенный через вокодер боевого шлема, был лишён эмоций, но каждый воин почувствовал торжество момента.

— Это именно то, что мы так долго искали, — пророкотал он. Взгляд сквозь обзорный экран скользнул по бескрайней каменной пустоши, а затем поднялся к буйной зелени, поглотившей внутренние склоны кратера. — Здесь наша слава будет вечной.

Огромный корабль, похожий на чёрную обсидиановую пирамиду, медленно оторвался от края обрыва. Он завис над мёртвым базальтовым полем, идеально ровным после древнего извержения, словно природа сама подготовила посадочную площадку для богов. С гулом выдвинулись массивные опоры, и многотонная махина опустилась на планету с грацией хищного зверя, ложащегося в засаду. Приказ был отдан. Миссия началась.

Для них, «Хищников», эта планета не была миром для колонизации или добычи ресурсов. Она была величайшим охотничьим угодьем во вселенной. Каменная пустошь станет их тренировочным полигоном, где они будут учиться выслеживать жертву в суровых условиях, полагаясь лишь на тепловое зрение и интуицию. А джунгли... это уже арена для настоящих воинов. Там, в лабиринтах гигантских папоротников и топких болотах, обитают твари, чья ярость заставила бы дрогнуть любое другое существо в галактике.

Они прилетели сюда не просто охотиться. Они прилетели стать легендой. Каждый клан пришлёт своих лучших воинов, чтобы пройти последнее испытание: убить самое свирепое животное, что породила вселенная, и принести домой его череп. И теперь этот мир принадлежит им.

Великий вождь ступил на базальтовое плато первым. Под тяжёлым ботинком захрустели осколки вулканического стекла — эхо катаклизма, случившегося миллионы лет назад. Он не чувствовал ни благоговения, ни страха. Лишь холодное удовлетворение охотника, нашедшего идеальное угодье. Воздух здесь был густым и влажным, пахнувшим озоном после недавней грозы и сладковатой гнилью водорослей впереди.

Взяв двух лучших воинов, чьи доспехи мерцали, подстраиваясь под серый пейзаж, он двинулся вперёд. Группа шла молча, следуя по извилистому руслу ручья, служившему естественным ориентиром. Цель проста: выйти к берегу моря, чтобы оценить фауну прибрежной зоны.

Они вышли из ущелья внезапно. Перед ними раскинулась широкая полоса гальки. У самой кромки тёмной воды стояли чужие корабли — два драккара. Их резные носы с головами дракона были нацелены в небо, а на берегу сустились фигуры в мехах и кольчуге.

Викинги. Дети холодного мира, чья жизнь — вечная битва. Они пришли за тем же самым — за славой, достойной песен скальдов*. Их ведун* наклонился над водой, наполняя кожаные бурдюки, когда один из «Хищников» случайно пнул камень. Звук был тихим, почти неразличимым. Но для этих видов убийц тишина была родной стихией. Взгляды встретились одновременно. В глазах викинга вспыхнула первобытная ярость берсерка. В линзах шлема чужака зажёгся холодный огонёк азарта. Всё было предрешиено. Убить или умереть.

Не прозвучало ни клича, ни вызова — лишь глухой удар камня о камень разорвал тишину. Две машины смерти сцепились мгновенно. Первый «Хищник» сорвался с места не как живое существо, а как смерть, обретшая плоть. Но он не успел преодолеть и половины дистанции. В воздухе запела сталь иного рода. Десятки стрел издали протяжный свист почти одновременно. Небо потемнело от тучи древков. Это был не залп солдат, а буря, ураган из дерева

и железа. Стрелы били по броне, высекая искры, застревали в сочленениях, вонзались в щели визоров. Один из телохранителей пошатнулся: древко толщиной с палец пробило наплечный сервопривод, заставив руку повиснуть плетью. Для обычного человека это была бы смерть. Для воина клана — досадное неудобство.

Но это было только начало. На плато хлынула волна из меха и безумных глаз. Их были десятки против троих. Северяне атаковали хаотичной ревущей лавиной, где каждый сам за себя, но их ярость создавала единый сокрушительный фронт.

Второй телохранитель вскинул наплечную пушку. Красный луч прорезал воздух, испепелив сразу троих, чьи щиты не выдержали жара. Воздух наполнился тошнотворным запахом горелого мяса. Это был единственный его успех. Десятки других немедленно перестроились, используя тела павших братьев как укрытие или принимая следующий залп на окованные железом щиты. Дерево вспыхивало, обугливалось, но держало. Викинги падали, кричали, сгорали заживо, но не останавливались. Полыхая заживо, они продолжали движение на врага. Рослый берсерк, чья борода была украшена костями врагов, схватился с первым «Хищником». Удар секиры столкнулся с энергетическим клинком. Поле выдержало, но отдача вибрации прошла по руке чужака до плеча, сбивая прицел. Викинг использовал миг замешательства, чтобы толчком щита отбросить врага прямо под траекторию полёта тяжёлых топоров.

В бой вступил сам Великий вождь «Хищников». Его копьё пронзило грудь ближайшего воина быстрее, чем тот успел замахнуть мечом. Древко сломалось, но в руке уже материализовался изогнутый клинок. Он двигался как ртуть, оставляя за собой след смерти. Головы катились по земле, тела разваливались надвое, кровь щедро орошала чёрный базальт. Бой превратился в мясорубку. Планета принимала первую жертву. Поле завалено телами. Десятки храбрых северян лежали мёртвыми, сожжёнными плазмой или разрубленными. Кровь чужих смешалась на камне с человеческой. Цена победы ужасающа.

И тогда сработала тактика Ярла Бальдвина. Пока лучшие бойцы связывали пришельцев боем, десяток отборных воинов обошёл место схватки по широкой дуге. Используя складки местности и тела павших как прикрытие от смертоносного наплечника, они вышли во фланг одному из «Хищников». Телохранитель заметил угрозу слишком поздно. Он развернул пушку, но залп ушёл в пустоту, лишь оплавив базальт. На него обрушился град ударов со всех сторон. Щиты блокировали удары когтей, копья жалили в суставы, чей-то топор с хрустом вошёл в бедро, перерубая гидравлические шланги экзоскелета. Воин упал на колено. Это была агония. Ещё один удар снёс ему голову вместе со шлемом.

Великий Вождь Кхор'Рах остался один. Он видел их свирепость. Видел бесстрашие. И цену победы. Его отряд уничтожен. Трое убили тридцать. Планета приняла дань кровью. Численное превосходство и первобытная ярость оказались уравнением, которое технология не смогла решить. Ярл Бальдвин, покрытый чужой и своей кровью, шагнул вперёд. Его клинок нашёл щель в доспехах ослабевшего вождя, а топор вошёл от плеча до груди.

Последний вздох Великого охотника галактики стал хриплым стоном, заглушённым рёвом победителей. Он пришёл сюда как высший хищник. Но вступив на эту планету, он был обречён. Ибо нет в пустоши существа более свирепого и искусного в убийстве себе подобных, чем человек. Человек, чьё сердце не знает страха, а воля выковывается в горниле бесконечной войны. В тот день величайший охотник пал не от когтей космического монстра, а от удара простого топора, нанесённого рукой варвара. Это была встреча равных. Битва за право называться повелителями этого мира.

***Кхор'Рах** — Великий охотник и мудрый лидер.

***Скальд** — Древнескандинавский (норвежский, исландский) поэт-певец.

* **Драккар** — это деревянный корабль викингов.

* **Берсерк** — это воин из древнегерманской и древнескандинавской мифологии, который отличался неистовостью в сражениях, потерей контроля над собой и способностью впадать в состояние боевого экстаза.

* **Ярл** — один из высших титулов в иерархии средневековой Скандинавии, а также сословие знати.

***Ведун** — провидец.

Прах к праху.

Ветер, пахнувший солью и гарью погребального костра, трепал седые косы Ярла Бальвина. Он стоял на пепелище, где всего час назад ревело пламя, пожирающее тела павших в великой битве. Тысячу лет пути от колыбели человечества, тысячу световых лет ледяной пустоты — всё ради этого мира. Но планета оказалась жестокой хозяйкой. Она не приняла их цивилизованную суть: её гравитация неумолимо стёрла из ДНК маркеры слабости и технологий — разбудив древние гены тех, кем были их предки на далёкой Земле. Гены воинов фьордов, безжалостных охотников, для которых смерть в бою была высшей наградой. Сегодня они исполнили священный долг.

Северяне провожали своих братьев по оружию в чертоги Всеотца, а павших врагов, чья раса была неизвестна даже мудрейшим из скальдов, — к их чуждым богам. Битва была славной. Враг был силен, но ярость берсерков и мудрость ярла помогли взять верх. Вождь уже собирался развернуться к берегу, где у кромки воды ждали драккары с верной, но изрядно поредевшей дружиной, когда его взгляд зацепился за странный блеск среди серого пепла. Предмет, похожий на плоский металлический диск, лежал нетронутый огнём. На его гладкой поверхности темнели незнакомые угловатые иероглифы. Именно эту пластину носил на груди вожак поверженных — тот, что пал от руки самого Бальвина. Любопытство пересилило усталость. Ярл аккуратно поддел край находки остриём тяжёлого клинка и приподнял её над землёй. Металл, только что бывший в самом чреве адского пламени, обжигал холодом. От него веяло могильным морозом, словно он впитал эссенцию космической бездны, откуда прилетели пришельцы.

Бальдвин нахмурился. Это было не просто украшение вождя. Это был артефакт, осколок чужой технологии, переживший тысячелетия и огонь битв. Нехорошее предчувствие сжало грудь старого воина. Он сорвал со своих плеч тяжёлый меховой плащ и бережно завернул в него холодный «диск», стараясь не касаться металла голыми руками. Сверток получился увесистым. Взяв на плечо этот странный груз, Ярл Бальдвин устало зашагал прочь от пепелища. Каждый шаг давался с трудом, мышцы гудели после боя, но спину он держал прямо. Он шёл к своим драккарам, к своим хирдманнам*, которые молча ждали возвращения своего конунга*. Он нёс с собой не просто добычу: он нёс тайну. И эта тайна была холоднее льда Утгарда*.

* **Конунг** — древнегерманский термин для обозначения верховного правителя.

* **Хирдманн** — боевой дружинник в Скандинавии эпохи викингов (VIII–XI века).

* **Утгард** — в германо-скандинавской мифологии трансцендентный мир, «внешний» по отношению к земному миру Мидгарду, где обитают люди.

Глава 3

Прошло сотни лет... Штурм.

Штурм не прекращался ни на мгновение, превратившись в бесконечную грохочущую агонию. Небо над древним городом, веками служившим оплотом для гордого народа горцев, почернело от дыма пожарищ и густой завесы из тысяч стрел. Свинцовый смрад горящего дерева и смолы смешивался с тошнотворным запахом свежей крови и нечистот, превращая атмосферу в едкую смесь, обжигающую легкие. Каждый вдох давался защитникам с трудом, а каждый выдох оседал облачком пара в стылом воздухе, который скоро станет багровым от их собственной крови.

Внизу, у подножия циклопических стен, кипел настоящий ад. Захватчики и их северные наёмники — дикие гиганты с бледной кожей, поросшие густыми бородами, с глазами цвета голубого льда — накатывали бесконечными волнами. Это была не армия, а живая ревущая стихия. Их ряды казались сплошной стеной из окованных железом щитов, над которой щетинился частокол копий и хищно поблескивали лезвия боевых топоров. Они шли вперёд без жалости, подгоняемые жаждой наживы и приказом вождей.

Сверху на эту копошащуюся массу обрушивался смертоносный град. Стрелы с глухим стуком вонзались в дерево щитов, пробивая кольчуги и шлемы. То тут, то там в плотных рядах захватчиков образовывались бреши, когда очередной воин падал навзничь с оперённым древком в глазнице или горле. Но на его место тут же вставал другой, перешагивая через ещё теплое тело товарища, и стена щитов смыкалась вновь, неумолимо продвигаясь к твердыне.

Но главный ужас исходил от тарана. Это было воплощение неотвратимой механической жестокости: могучая конструкция из цельного ствола векового дуба, окованная сталью и подвешенная на толстых цепях. Десятки наёмников, лоснящихся от пота и грязи, раскачивали это чудовище в едином нечеловеческом ритме. Каждый удар сотрясал землю и заставлял вибрировать камни древней цитадели.

БАМ! — первый удар лишь заставил дубовые ворота содрогнуться.

БАААМ! — второй сорвал массивную железную накладку.

БААААМ! Третий проломил первую доску, и в образовавшуюся щель брызнул веер острых щепок.

С каждым сокрушительным ударом створки стонали, как живое существо. Дуб трещал и лопался, исторгая фонтаны щепы, калечившей лица тех, кто стоял слишком близко. Это был звук самой гибели — методичный, ритмичный грохот, отсчитывающий последние мгновения свободы города. Он звучал громче криков раненых, громче рёва рогов. Звук неизбежности. С каждым толчком дубовые створы поддавались всё больше, прогибаясь внутрь под чудовищным давлением стали и мускулов. Защитники видели, как рушится их последняя надежда, и понимали: ещё несколько таких ударов — и путь будет открыт, впуская волну ничем не сдерживаемого насилия.

Очередной толчок, сотрясший саму землю, стал последним. Вековые ворота, хранившие покой многих поколений, не выдержали натиска. Раздался оглушительный треск ломающегося дерева и рвущегося металла, и массивные створки рухнули внутрь, подняв тучу пыли. Этот звук стал погребальным звоном для города.

В образовавшийся пролом хлынула не армия, а первобытная бесформенная стихия. Сплошная волна из стали и звериного меха, ошетилившаяся лесом копий, топоров и секир. Тысячи ног в тяжелых сапогах с железными подковками топтали поверженные ворота, и вся эта масса с нечеловеческим утробным рёвом растеклась по улицам. Это была лавина разрушения. Захватчики не шли — они сметали всё на пути. Врывались в дома, круша двери и вышибая окна. Пламя мгновенно охватывало соломенные крыши, и вопли жителей тонули в треске

пожара. На узких улочках завязывались короткие яростные схватки. Горстки защитников — кузнецы с кувалдами, старики с рогатинами, юноши с кухонными ножами — бросались на закованных в броню воинов. Их героизм до последнего вздоха был обречён.

Удар боевого топора раскалывал щит вместе с черепом. Выпад копья пронзал тела насквозь. Тяжелый сапог опускался на лицо упавшего, превращая его в кровавое месиво. Захватчики не брали пленных. Они оставляли за собой лишь абсолютное опустошение.

Улицы превратились в бойню. Повсюду, в черной жиже, лежали изуродованные тела. Их лица застыли в гримасах боли. Руки всё ещё сжимали бесполезное оружие. Под ними растекались густые тёмные лужи, которые смешивались с грязью, превращаясь в липкую багровую жижу. Воздух пропитал тяжёлый металлический запах свежей крови, гарь и кислая вонь выпущенных кишок. Каждый дом стал братской могилой для тех, кто сражался за свой очаг до конца.

Беги!

Королева-мать Фрейя, чьи пальцы побелели от напряжения, ворвалась в свои покои, волоча за собой юную дочь Эрику. Её прекрасное лицо было искажено маской первобытного ужаса, а дыхание с хрипом вырывалось из груди. Она не вбежала — она вломила в комнату, спасаясь от звуков резни, которые уже доносились из коридоров дворца: криков, звона стали и утробного рёва захватчиков.

Не медля ни секунды, она навалилась всем телом на тяжёлый дубовый засов, с грохотом опуская его в пазы. Удар металла о металл прозвучал как похоронный колокол. Дверь содрог-

нулась от мощного толчка снаружи — кто-то уже ломился внутрь, но засов пока держал. Времени почти не оставалось.

Королева метнулась к стене. Её рука лихорадочно зашарила по холодным камням кладки. Пальцы нащупали едва заметную трещину. Она нажала со всей силой отчаяния. Один из камней беззвучно ушёл вглубь стены, повинаясь древней магии или хитрости строителей.

В дальнем углу просторной комнаты раздался скрежет ржавого железа, от которого стыла кровь. Широкий, богато украшенный гобелен, изображавший мирную охоту, дрогнул и отъехал в сторону вместе с участком каменной стены. За ним зиял чёрный провал потайной двери, ведущей к узкому ходу и призрачной надежде на спасение. Из тёмного проёма пахло сыростью и могильным холодом.

Мать грубо, почти жестоко схватила дочь за плечи и подтащила к этой чёрной дыре. В последний миг она ослабила хватку и вместо этого крепко, судорожно обняла девушку, словно пытаясь вдавить её в себя, защитить своим телом от всего мира. Королева заглянула дочери в глаза. Этот взгляд был невыносим. В нём смешались всепоглощающая материнская любовь, животный ужас перед надвигающейся гибелью и ледяное, абсолютное осознание конца.

— Беги! — выдохнула она, и это слово было похоже на предсмертный хрип. — Не оглядывайся! Что бы ты ни услышала... что бы ни случилось... они не должны найти тебя!

Королева-мать содрогнулась всем телом. Её взгляд метнулся к двери, которая уже ходила ходуном от ударов. Время вышло.

— Только выживи, выживи несмотря ни на что, — закончила она с леденящим спокойствием приговорённой, — ради меня. Ради нашего народа.

Её голос сорвался. По щеке скатилась слеза, оставив чистую дорожку на покрытой пылью и копотью коже. Она с силой толкнула дрожащую девушку в темноту хода. А затем, выпустив дочь, королева-мать резко повернулась. На её лице больше не было страха — лишь суровая, трагическая решимость.

Она шагнула обратно в комнату, навстречу грохоту ломаемой двери, чтобы встретить свою судьбу и дать ребёнку несколько драгоценных секунд форы. В руках блеснули острые кинжалы. Её жертва началась.

Хаос .

Как только сопротивление было сломлено, начался грабеж. Захватчики врывались в дома. Всё ценное выносили подчистую: инструменты, одежду, ткани, меха, еду. Домашнюю утварь разбивали в поисках спрятанных монет. Священные реликвии из храмов выбрасывали на улицу и топтали ногами. Женщины стали главной целью опьяневших от победы варваров. Насилие творилось прямо на улицах. Матери прятали дочерей в погребах, но их находили и там.

Время приближалось к полуночи, но тьма над павшим городом была неестественной, живой. Её рвали лишь оранжевые сполохи пламени и прыгающий свет факелов. Сквозь дымящиеся ворота текла бесконечная река победителей. Они сновали туда-сюда, словно муравьи-людоеды, волоча окровавленные ковры, связки мехов и домашнюю утварь. Воздух был густым и едким, пропитанным гарью догорающих крыш и тошнотворно-сладким запахом свежей крови.

Принц Радомир шёл сквозь этот ад, и каждый его шаг отдавался глухой яростью в груди. Он был здесь своим по крови и титулу, но сейчас чувствовал себя чужаком, случайно забредшим в преисподнюю. Он видел всё. Видел, как его воины, его «братья», с хохотом врываю-ются в жилища. Слышал крики девушек, которым не суждено было пережить эту ночь. Видел, как добивают раненых защитников, просящих о пощаде. Видел старика, пытавшегося закрыть собой проход и зарубленного просто так, для забавы. Это была не война. Это была вакханалия зверей, упивающихся властью над беззащитными.

Сжав зубы так, что заныли скулы, он направился к цитадели — последнему высокому островку сопротивления в море хаоса. Там должен был находиться его отец, король Казимир Завоеватель.

Дверь в тронный зал была сорвана с петель. Внутри пахло смертью. Посреди зала на полу лежали тела. Могучий старик с седой бородой, вождь клана «Поющих Гор» и король Эвандер, пронзённый несколькими копьями; рядом — его супруга, королева-мать Фрейя, чьё прекрасное лицо застыло в маске немого ужаса; чуть поодаль — тела двух принцев, Малкольма и Бриана, изрубленных в последней схватке. А над этим алтарём скорби глумились победители. Опыянные вседозволенностью варвары окружили последнего живого защитника в зале.

Юная принцесса нарушила предсмертный наказ матери и вернулась в пылающую цитадель. Она была ещё совсем ребёнком, но в ней проснулась ярость истреблённого рода. С безумными, широко распахнутыми глазами, в разорванном платье, едва державшемся на плечах, она сжимала обеими руками тяжёлый меч отца. Оружие было слишком велико для её тонких рук, но она размахивала им с отчаянием загнанного зверя. Силы быстро покидали её. Она не нападала — это был танец отчаяния. Она защищала мёртвых.

— Смотрите, как дрожит птичка! — гоготал рыжебородый наёмник, пиная сапогом тело одного из принцев.

— Оставьте её мне на ночь, и она станет шелковой! — вторил ему другой, с гнилозубой ухмылкой делая шаг вперёд.

Её взгляд скользнул по телам. Отец-король с застывшим гневом на лице. Мать-королева... Её мир лежал здесь, растоптанный и холодный. Она поняла всё. Поняла абсолютную безысходность. Поняла, что живой отсюда не выйдет. В оглушительном хохоте варваров, встретившем её жалкий выпад, она приняла решение. Это был единственный выбор. Её пальцы сжали рукоять до побелевших костяшек. Одним ловким, отчаянным движением, никак не вязавшимся с её измождённым видом, она перевернула тяжёлый клинок острием к себе. Холодная сталь уткнулась ей в сердце, пронзив тонкую ткань платья. На долю секунды время остановилось. Она в последний раз окинула взглядом тела родных. В её глазах читалась не мольба о спасении — лишь отчаянная молитва о скорой встрече за гранью. И девушка с криком бросилась на ближайший каменный выступ.

— НЕТ! — крик Радомира прорезал воздух подобно раскату грома.

Это был не крик ярости. Это был приказ, продиктованный инстинктом самосохранения чужой души. Он среагировал мгновенно. Его клинок вылетел из ножен со скоростью молнии и со звоном ударил по гарде меча принцессы за долю секунды до того, как эфес коснулся бы камня. Меч вылетел из её ослабевших рук и покатился по полу. Но инерция броска никуда не делась. Сила собственного порыва швырнула её вперёд. Принцесса с глухим стуком ударилась о холодную стену. Удар выбил из лёгких остатки воздуха. Её тело обмякло и сползло вниз, рухнув на окровавленный пол бесформенной грудой тряпья.

В зале повисла тяжёлая, звенящая тишина. Пьяное веселье сменилось глухим ропотом разочарования. Король Казимир Завоеватель медленно вышел из тени колонны. Он провёл рукой по лицу, словно стирая невидимую грязь.

— Что ты наделал... — глухо произнёс он, глядя на сына. В его голосе не было гнева — лишь бесконечная усталость от вида человеческой слабости.

Его братья, Яромир и Святогор, выругались с досады, сплюнув на пол. Их лишили зрелища и добычи. Принцесса лежала без сознания. Она была жива. Но её душа только что разбилась о стену тронного зала вместе с последним ударом сердца её надежды.

Город пал. Его гордое сердце вырвали и втоптали в грязь. Повсюду валялись тела убитых защитников. Немногие выжившие жались друг к другу в центре площади — измождённые, потерявшие всё. Гордость народа горцев была растоптана. Их независимость уничтожена не столько силой оружия, сколько жестокостью победителей. Победители получили горы награбленного добра, но потеряли человеческий облик. А выжившие навсегда запомнили эту ночь как конец своей истории, лелея теперь лишь одну мысль — месть, которая тлела в сердцах среди пепла родного очага.

В путь!

Драккары, низко осевшие в воде под тяжестью награбленного золота, мехов в окованных железом сундуках, медленно растворялись в серой дымке у горизонта. Они уходили сытые, отяжелевшие, оставляя на берегу лишь смрад гниющих отбросов трёхдневного пира да чёрные язвы пожарищ.

А по разорённой земле, прочь от дымящихся руин некогда гордого города, змеилась многокилометровая колонна пеших воинов. Захватчики шли не строем — грязной, измождённой ордой. Каждый тащил свою долю: кто взвалил на плечи тяжёлый гобелен или связку серебряной посуды, кто волок за собой грубо сколоченную волокушу с трофеями. Над этой процессией висела густая пыль, поднятая тысячами ног, смешанная с запахом пота и звериных шкур.

В королевском шатре, разбитом на холме с видом на дымящуюся долину, воздух был спёртым, пахло кожей, вином и металлом. Король Казимир, чья кольчуга была забрызгана чужой кровью, а лицо почернело от копоти и усталости, закончил отдавать отрывистые приказы сотникам. Когда полог опустился, он ещё долго стоял молча, глядя на сына. Принц Радомир замер, ожидая решения своей судьбы и участи той, кого он спас. Взгляд короля был тяжёл, как

могильная плита. Он смотрел на Радомира так, словно видел перед собой не родного ребёнка, а досадную помеху, камень на дороге к абсолютной власти. Решение было принято давно, но произнести его вслух казалось равносильным яду.

— Видимо, сами боги рукой моего сына решили сохранить ей жизнь... — наконец промолвил король глухим, надтреснутым голосом. Это были слова не отца, а монарха, взвешивающего политические риски. — Но её не должно быть в наших землях никогда. Для всех нас будет лучше, если она исчезнет. Исчезнет навсегда, как и весь её род, до последнего младенца. Ты же понимаешь это, сын?

Радомир выдержал этот взгляд. В его глазах не было ни вызова, ни страха — лишь стальная решимость.

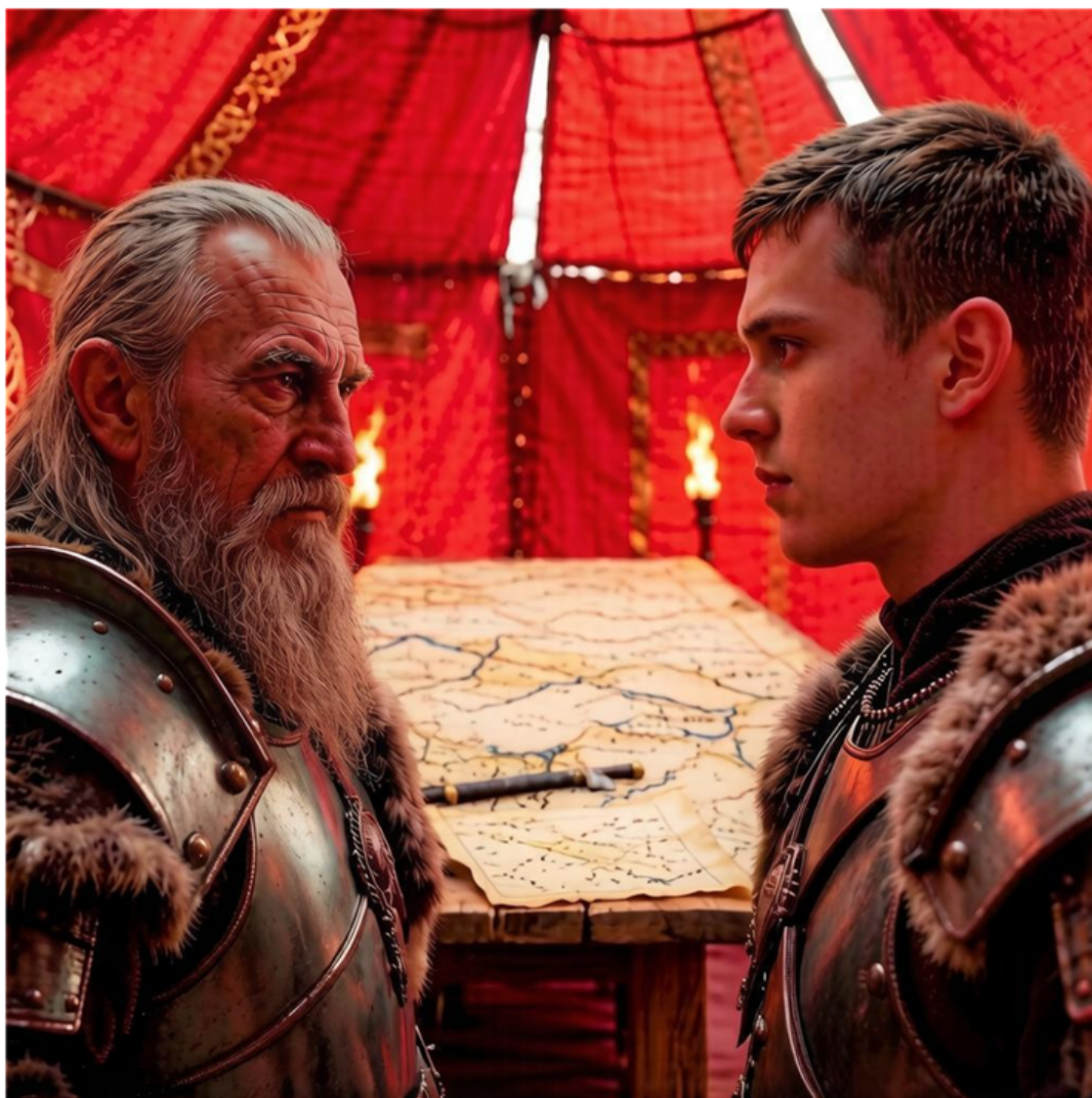
— Да, отец, понимаю. И поэтому я лично отвезу принцессу Эрику к её дяде, Ярлу Рагнару, в забытый богами край у Великой Каменной Пустоши, — ровно ответил принц.

Его голос звучал спокойно, но в нём звенела скрытая сталь. Король Казимир медленно кивнул, будто эти слова лишь подтвердили его худшие опасения. Он подошёл к карте, расстеленной на походном столе, и ткнул пальцем в точку на самом краю пергамента.

— Это очень далеко, Радомир. На самой границе обитаемого мира. Если ты хочешь вернуться до зимы, тебе следует выдвинуться немедленно. Дороги небезопасны даже для сильного отряда.

— Да, мой король. Я отвезу её и вернусь ещё до морозов, клянусь! — ответил Радомир, прижав кулак к сердцу.

Клятва прозвучала твёрдо, но оба знали, что это ложь во спасение. Оба понимали, что это путешествие может стать дорогой в один конец.

Вечером того же дня, когда багровое солнце садилось за горизонт, окрашивая небо в цвет пролитой крови, небольшой отряд покинул лагерь. Их было всего четырнадцать: сам принц, десяток верных ему людей, угрюмый ветеран-наставник Сигурд, служивший ещё отцу Радомира, молодой оруженосец Эван, пожилая горничная Ютта и принцесса Эрика. Всадники покачивались в сёдлах, тогда как горничная везла принцессу на тяжело гружённом провизией возу.

Эрика уже не была тем безумным, израненным существом, которое Радомир вырвал из лап смерти в тронном зале. Физически её раны затянулись благодаря заботам лагерного лекаря, но душа умерла там, среди тел родных. Она молчала. Целыми днями смотрела в одну точку, не реагируя на тряску, скрип колёс и голоса мужчин. Её огромные глаза, казалось, смотрели сквозь холст повозки прямо в вечность. Иногда Радомиру казалось, что он везёт не живую девушку, а призрак.

Принц ехал впереди, но мыслями оставался позади, в повозке. Он нёс бремя своего выбора. Спас тело девушки, чтобы спасти собственную душу от проклятия детоубийства, но теперь ему предстояло доставить эту сломленную девочку в каменное изгнание. Он чувствовал ответственность за неё — странную смесь жалости, вины и зарождающегося уважения к силе духа, которая позволила ей выжить после такого удара. Он знал, что король-отец ждёт вестей о её смерти. Любая задержка, любая случайность на этом пути могла стать смертным приговором. И каждый вечер, разбивая лагерь в укромном месте, он первым делом проверял,

дышит ли она, жив ли ещё этот хрупкий огонёк, который он поклялся защищать вопреки воле собственного отца.

Чужой мир.

Ради безопасности пришлось пожертвовать скоростью, выбрав самую долгую дорогу: путники намеренно огибали уходящую за горизонт каменную стену. Это был шрам, который человечество оставило на теле планеты, отчаянно пытаясь отгородиться от первобытного ужаса.

За первую сотню лет, обладая самыми передовыми технологиями, колонизаторы смогли лишь возвести города-крепости и этот колоссальный вал, бросив на это всю свою бесчисленную армаду строительной техники, пытаясь отсечь экваториальную часть планеты — дикий, необузданный мир, так и не покорившийся человеку, а лишь терпевший его присутствие на своей поверхности.

Экватор представлял собой единый, бескрайний организм — океан хищной плоти. Флора и фауна этой необузданной планеты были настолько дико переплетены, что за первое же столетие они перемололи всё, что напоминало колонистам об их цивилизации.

Однако в этом сокрушительном поражении крылось и спасение — горькое, как сок ядовитых растений экватора. В мире, где технология оказалась хрупким прахом, бессильным перед всепожирающей биологической мощью планеты, единственным верным инструментом выживания стала эволюция.

Судьба привезённой с Земли жизни была жестока: большая её часть погибла в первые же десятилетия, не выдержав конкуренции со стороны всепожирающей флоры и фауны планеты, став лишь органическим удобрением для её чуждой ненасытной почвы. Но то небольшое, что приспособилось... Оно не просто выжило. Оно переродилось. Земные организмы мутировали с пугающей скоростью, сливаясь с дикостью нового дома в симбиозе отчаянной борьбы за место под тусклым солнцем. Бактерии научились вырабатывать ферменты, способные нейтрализовать местные нейротоксины, превращая яд в пищу. Многие животные обросли рогами, броней, шкурой или хитином, их чувства обострились до предела. Они уже не были животными Старой Земли; это были химеры, порождённые союзом двух враждебных миров. Больше всего мутации подверглись представители дикой земной жизни, в то время как домашние животные, растительные культуры и человек мало чем изменились.

Так человечество нашло свой новый путь. Города-крепости не были сияющими мегаполисами из стекла и стали. Это был вынужденный шаг назад, архитектурный регресс к раннему средневековью. Люди укрылись в «базальтовых норах», с низкими сводами и метровыми стенами. Им удалось обжить лишь жалкую часть территорий на прохладных и каменистых просторах полюсов.

Мы перестали быть завоевателями, несущими факел разума, и смиренно стали частью экосистемы — ещё одним видом, борющимся за существование. И именно эта новая, химерическая жизнь стала настоящими стражами и хозяевами тех жалких клочков суши, что титаническими усилиями удалось отвоевать у джунглей. Она разрослась и расплодилось на границе вечного льда и зелёного ада, став живым щитом, который ежедневно, ежечасно откусывал у первобытного хаоса территорию, давая людям призрачный шанс выжить.

А что касалось самих колонистов... Их ждала иная, более страшная участь. Лишившись цифровых кладезей знаний, которые планета перемолола в пыль вместе с серверами, и вынужденные заниматься выживанием, а не образованием, они с каждым следующим поколением всё глубже тонули во мрак нового средневековья. Великие научные принципы стирались из памяти, уступая место мифам и суевериям. Сложные механизмы выходили из строя без возможности ремонта, и их секреты забывались. Их мир сужался до размеров каменных стен города-крепости. Цивилизация не погибла в огне войны — она медленно угасала, забытая сво-

ими же детьми, пока люди боролись за каждый кусок хлеба, становясь такими же дикими и первобытными, как мир вокруг них.

Месяц изнурительного пути, выжженный солнцем и вымороженный ледяными ночами, остался позади. Но когда отряд, взобравшись на последнюю, казавшуюся бесконечной грядку, замер на её вершине, все лишения показались ничтожной платой за то, чтобы увидеть это. Перед ними, до самого горизонта, простиралась она — Великая Каменная пустошь. Не просто земля, а исполинский шрам на теле мира. Место, куда, согласно легендам, упала «яркая звезда» — не божественное знамение, а древний, чужеродный корабль, чья катастрофа исказила саму ткань реальности. Из этого искажения родились кошмары: не живые и не мертвые твари, сплетенные из окаменевшей плоти, пульсирующей энергии и самой сути враждебной, непостижимой жизни. Бесчисленное количество людей сгинуло в её бесконечных лабиринтах, и их крики до сих пор эхом блуждали в каньонах из черного базальта.

И прямо из этого первородного хаоса, вырастая из его плоти, подобно опухоли или божественному наросту, в самом подножии циклопической стены виднелось оно. Слово «замок» казалось кощунством, жалкой попыткой человеческого разума классифицировать непостижимое. Это был город-крепость, монолитный бастион, высеченный не из камня, а из самого тела Великой стены. Его циклопические башни, увенчанные массивными куполами-шлемами древних титанов, пронзали свинцовое небо. Между ними паутиной безумного паука тянулись километры подвесных мостов и боевых галерей. На острых шпилях флажштоков безвольно висели выцветшие до состояния призраков знамёна. Замок выглядел абсолютно неприступным. Но вместе с тем он казался заброшенным и одновременно пугающе живым.

— Вот мы и пришли, принцесса, — тихо произнёс Радомир, останавливая коня перед мрачной цитаделью. — Это край обитаемого мира, владения вашего дяди, Ярла Рагнара. Дальше лишь каменные пустоши да старые легенды.

Глава 4

Три года спустя...

Судьба, эта безжалостная ткачиха, обошлась с принцем Радомиром крайне жестоко. Он не мог представить, что через три года вновь окажется у подножия титанической стены — там, где когда-то впервые увидел границу обитаемого мира и преддверие Пустоши, пропитанное безумными легендами. Чувства смешались в калейдоскопе: казалось, это было только вчера — пыль дорог, скрип повозки и безмолвная тень в холсте. И в то же время прошла целая вечность с того дня, как он покидал эти богом забытые земли, оставляя сломленную девочку на вечное изгнание.

Теперь всё изменилось. Пока его братья правили цветущими провинциями королевства, купаясь в роскоши и славе, отец, король Козимир-Завоеватель, отправил его с миссией на самый край континента — в земли, которые на картах значились «не имеющими стратегической ценности». Что скрывалось в том послании? Приглашение к союзу? Ультиматум? Или приказ об изоляции этих территорий перед лицом надвигающейся угрозы? Радомир не знал. Он был лишь клинком, доставляющим волю короля.

Его путь лежал по узкой полосе суши — единственной артерии, соединявшей крепость с внешним миром. Справа высились горные хребты, упирающиеся в небеса неприступными заснеженными вершинами, где жили лишь ледяные ветра да мифические крылатые хищники. Слева простирались смертоносные топи до самого горизонта, булькающие ядовитыми газами и кишащие тварями, порождёнными древним хаосом.

Он стоял в небольшом тронном зале цитадели. Воздух здесь был спёртым, пахло старым камнем и дымом факелов. Дюжина верных людей выстроилась за спиной; их лица были суровы и непроницаемы. С почтением, но без подобострастия, принц передал тяжёлый свиток правителю замка.

На скромном троне сидел Ярл Рагнар — правитель этих земель, седой феодал, чьё лицо было иссечено шрамами не от дворцовых интриг, а от настоящих битв. Он поблагодарил принца за столь неожиданный визит и тут же, сломав сургучную печать, приступил к чтению.

Тишину, нарушаемую лишь треском огня в камине и шуршанием пергамента, прервал громкий режущий слух скрип. Дверь в дальнем конце зала распахнулась с такой силой, что показалось — сейчас слетит с петель. В зал быстрым решительным шагом вошла принцесса Эрика.

От той потерянной девчонки с пустым взглядом не осталось и следа. Перед ними стояла высокая стройная молодая женщина с осанкой королевы и огненно-рыжими волосами, водопадом спадающими на плечи. Она держалась с уверенностью хищника на своей территории. Не спросив дозволения, она встала между сидящим на троне Ярлом и принцем.

— Миледи! Где ваши манеры? — громогласно спросил Ярл Рагнар, отрываясь от свитка. Но Эрика даже не взглянула на него. Её взгляд был прикован исключительно к принцу. Медленной грациозной поступью хищницы она направилась к нему. Каждый её шаг был наполнен напряжением.

— Вы тот самый сын короля Козимира-Завоевателя? Один из тех кровожадных убийц, что жестоко расправились с моей семьёй? — её голос был тихим, но в нём звенела сталь. Она сверлила его взглядом, полным такой концентрированной ненависти, что люди принца невольно сделали полшага назад. В рядах гостей почувствовалось замешательство. Правая рука Эрики медленно, почти незаметно для непосвящённого глаза, скользнула за спину, к рукояти кинжала.

— Миледи! — уже громче и строже окликнул Ярл Рагнар, понимая, что в любую секунду может произойти непоправимое. Охрана ярла, стоявшая по периметру зала у колонн, пере-

глянулась. Напряжение стало почти осязаемым. Люди Радомира, почувствовав тревогу, тоже начали медленно разворачиваться лицом к вооружённой страже замка, их руки инстинктивно легли на эфесы мечей.

— Да, миледи, — с полным ледяным спокойствием ответил принц. — Я тот самый принц Радомир, сын короля Казимира-Завоевателя.

Он не дрогнул, не отступил ни на дюйм.

— И кого же именно из моей семьи вы так вероломно лишили жизни? — продолжала допрос принцесса, подходя всё ближе с грацией хищницы, готовящейся к смертельному прыжку.

— Эрика! — уже не скрывая гнева, рявкнул Ярл Рагнар.

Напряжение в тронном зале достигло пика. Охрана ярла медленно взяла гостей в кольцо, их клинки со зловещим шелестом начали покидать ножны.

— В тот злосчастный день мне довелось лишь раз взмахнуть своим мечом, миледи! — невозмутимо продолжал Радомир, глядя прямо в глаза фурии. — И то лишь для того, чтобы спасти вам жизнь!

Принцесса подошла к принцу вплотную. Её грудь вздымалась от гнева. Она была готова вонзить ему кинжал в сердце прямо сейчас. Но в последний момент её рука дрогнула. Медленно, словно борясь с собой каждым мускулом, она убрала ладонь от оружия.

— Добро пожаловать в Замок Каменных Стражей... принц Радомир... — дрожащим от напряжения голосом произнесла она и, развернувшись, отошла к Ярлу Рагнару, встав подле трона.

Словно по команде невидимого дирижёра, люди принца и охрана замка одновременно выдохнули с облегчением. Сталь со звоном вернулась в ножны. Кризис миновал. Но все понимали: это было лишь затишье перед бурей.

— И чего же хочет от нас король-завоеватель? — Голос её звенел в гулкой тишине, напоенный нескрываемым презрением. Он эхом отразился от древних сводов, заставив стражу снова сжать эфесы. — Уверена, вы проделали этот долгий и смертельно опасный путь не ради наших бесплодных скал, сырых камней и гнилых болот. Может быть, королю Козимиру нужны наши никчёмные жизни? Наше униженное преклонение? Присяга, вырванная из глоток умирающих?

— Он хочет, чтобы я выдал тебя замуж за принца Радомира, — с замешательством в голосе произнёс дядя принцессы, Ярл Рагнар, растерянно глядя на прочитанное послание.

Слово «замуж» взорвало зал подобно грому среди ясного неба. Два голоса — мужской и женский — слились в единый отчаянный вопль неверия:

— Что?!

На обычно невозмутимом лице Радомира застыло выражение полнейшего ошеломления. Сама же принцесса пошатнулась, как от незримого удара. Воздух стал густым и тяжёлым, каждый присутствующий замер, боясь вздохнуть, и лишь переглядывался в полном замешательстве.

Но шок длился мгновение. В следующую секунду тишину разорвал крик, полный жгучей первобытной ненависти и боли, от которого содрогнулись древние стены. Это была уже не принцесса в шелках, а раненая волчица, защищающая своё логово.

— Принц Радомир, ваш отец сошёл с ума! Я лучше сгину в пустоши, позволю чудовищам выпить мою кровь до последней капли, чем выйду за вас замуж! — её глаза метали молнии, лицо исказилось гримасой отвращения. — Чтобы я связала свою судьбу с родом убийц моей семьи?! Да мой отец, моя мать, мои братья проклянут меня с того света, если я совершу такое предательство! Она стояла посреди оцепеневшего зала — воплощение непокоренной ярости.

Повисла гнетущая тишина. Старый ярл подался вперёд, и свет от чадающих факелов выхватил из полумрака его лицо — суровую маску воина, на которой читалась плохо скрываема досада. Он смотрел на принца как ветеран на юнца, ещё не познавшего вкуса настоящей войны.

— Я хорошо знаю твоего отца, принц Радомир. Мы плечом к плечу отбивали у этой дикой планеты жалкие клочки земли для наших поселений. Я помню его молодым и безрассудным. Я помню его мудрым и безжалостным. Он сделал паузу, обводя взглядом присутствующих. В его глазах плясали отблески огня, но в самой их глубине таился лёд.

— Король Козимир мудр. Он коварен, как северная лисица, и хитёр, как старый змей. И я абсолютно уверен, — Ярл впери в Радомира тяжёлый немигающий взгляд, — что он хорошо всё продумал, прежде чем отправить тебя на другой край света. Это не просто посольство. Это ход в партии, которую он начал разыгрывать ещё до того, как первые вороны принесли весть о гибели её семьи. Ярл тяжело вздохнул и откинулся на спинку трона. Его голос упал до едва слышного шёпота, но в наступившей тишине он прозвучал громче боевого рога.

— Всё, что будет происходить дальше... это не что иное, как воплощение его плана. Каждый наш шаг, каждое слово уже вписаны в его замысел. И только одному ему известно... — он снова замолчал, и эта пауза была страшнее любого проклятия, — ...чем всё это закончится.

Слова старого воина придавили присутствующих тяжестью неизбежности. Принц смотрел на свиток с королевской печатью как на ядовитую змею. Он наконец понял: он был не посланником мира. Он был лишь фигурой на доске своего отца. И партия только началась.

Туман.

Бледный свет едва занимался над восточными холмами, когда Эрику вырвал из объятий сна резкий вибрирующий звук. Это была не трель птицы и не завывание ветра в бойницах — это был хлопок спущенной тетивы со стрельбища у подножия её башни. Принцесса рывком села на ложе, сердце тревожно забилося о рёбра.

Она босиком пересекла комнату по холодным каменным плитам. Ржавые петли окна поддались с протяжным скрипом, обдав лицо волной промозглого воздуха, пахнущего сырой землёй и вереском. Эрика тщетно всматривалась в густое непроницаемое молоко тумана, скрывавшее мир внизу.

Кутаясь в тяжёлую шкуру гигантского медведя, пропахшую дымом и диким зверем, она сунула озябшие ступни в меховые полусапожки и спустилась по винтовой лестнице. Холодная спираль казалась бесконечной, уходящей в самый камень замка. У подножия башни путь ей преградили двое стражей. Массивная дубовая дверь приоткрылась лишь после короткого кивка внешнего охранника, подтвердившего безопасность.

Мир снаружи укутал плотный саван. Видимость не превышала пяти шагов, но принцесса знала каждый камень цитадели как свои пять пальцев. Она пошла на звук — ритмичный свист рассекаемого воздуха и глухой чавкающий удар о дерево.

Принц Радомир стоял один на стрельбище, окутанный молочной пеленой. Без плаща, в одной простой рубахе, пар от его дыхания смешивался с туманом. Он действовал с механической точностью: брал из плетёной корзины стрелу, накладывал на лук, натягивал тетиву до самого уха и замирал на долю секунды, превращаясь в живую статую. Затем следовал резкий выдох, короткий посвист, и стрела исчезала в белой мгле. Глухой удар эхом отражался от древних стен.

— Что вы здесь делаете, принц? — голос Эрики прозвучал неожиданно даже для неё самой.

Радомир не вздрогнул. Выпустив очередную стрелу, он медленно повернулся. Его поклон был едва заметен — скорее кивок головы, исполненный холодной вежливости.

— Миледи? Я разбудил вас? Прошу прощения. Туманное утро — лучшее время для размышлений.

— Вы же пускаете стрелы в пустоту?

— Это помогает собраться с мыслями и придаёт ясности там, где её нет.

— И какими же мыслями можно занимать себя в такое раннее утро?

— Именно сейчас, миледи, прежде чем говорить или действовать, мы должны очень хорошо подумать о последствиях.

Лицо Эрики мгновенно ожесточилось.

— Принц Радомир, я вчера ясно выразила своё решение. Оно окончательно, и ничто меня не заставит его изменить!

На губах принца промелькнула тень снисходительной улыбки.

— Я много о вас слышал, принцесса Эрика. Ходили слухи, что вы умны и мудры не по годам... Но, видимо, это досужие вымыслы бардов. Вы недалёковидны. Вас ждёт одно: провести жизнь здесь, на краю мира, в этой каменной клетке, без малейшей возможности воплотить то, чего вы жаждете больше всего. Как бы вы ни пытались, вам не подойти к моему отцу и братьям ближе полёта стрелы ради возмездия. Даже к воротам дворца.

Принцесса на миг потеряла дар речи от такой дерзости. Её глаза расширились от искреннего удивления.

— Выйдя замуж за меня, вы получили бы исключительную возможность подойти к убийцам вашей семьи на расстояние вытянутой руки. Но ваш разум затуманен гневом и гордыней, вы неспособны узреть очевидного.

Слова были подобны пощёчине. Гнев захлестнул Эрику с новой силой.

— Вы ещё большее чудовище, чем я представляла! Истинный сын своего отца! — выдавила она сквозь зубы. — Клянусь кровью и пеплом моего дома: я убью вас всех. Чего бы мне это ни стоило!

Не удостоив её ответом, Радомир выпустил последнюю стрелу, опустил лук в корзину. Его голос прозвучал тихо и бесстрастно:

— Что ж, удачи в ваших бесплодных попытках, миледи.

С лёгким поклоном он развернулся и растворился в тумане.

Всему есть место и время.

Эрика стояла неподвижно, глядя на боевой лук в корзине. Её била мелкая дрожь — то ли от холода, то ли от ярости. Вздрогнув, будто очнувшись от морока, она пристально посмотрела туда, куда летели стрелы, тщетно пытаясь пронзить взглядом белёсую стену. Любопытство оказалось сильнее гнева. Медленно ступая по росистой траве, она прошла около пятидесяти шагов сквозь молочное марево и наконец наткнулась на него — плетёный из тростника полтораметровый круг мишени. Он был сплошь утыкан десятками стрел точно в центр.

Это невозможно, — пронеслось в сознании, но мысль эта прозвучала не как приговор, а как вопрос, брошенный в пустоту.

Девушка замерла, разглядывая ошетилившийся пучок древков. В густом тумане эти белые оперения казались не творением рук человеческих, а диковинным цветком, проросшим сквозь дерево. Каждая стрела нашла цель в самом сердце, слившись в единый смертоносный монолит. Физическое воплощение невозможной точности. Доказательство того, что можно бить без промаха, не видя цели.

И в этот миг на неё снизошло прозрение — холодное и ясное, как утренний воздух. Она перевела взгляд с мишени на свои руки, всё ещё сжимавшие медвежью шкуру, затем снова

установилась на плотный пучок стрел. Всё, что кажется невозможным... недостижимым... имеет своё время... и место... — стучало у неё в висках.

Принц был прав. Не в своей надменности, а в сути. Он стрелял в туман, в пустоту, в неизвестность. Он не видел мишень, но верил в её существование. Отсекал лишнее: страх, гнев, жажду немедленной мести. Он видел лишь траекторию и конечную точку. Он развеял туман не перед глазами — он рассеял его в собственном разуме.

Губы Эрики медленно изогнулись в улыбке, от которой повеяло могильным холодом. Это была не радость примирения. Это была ухмылка хищника, увидевшего брешь в броне врага. Ненависть никуда не делась, она лишь сменила маску. Стала холодной, расчётливой и бесконечно терпеливой.

Она поняла всё. Брак — это не капитуляция. Это пропуск за ворота вражеской крепости. Возможность подойти к убийцам её семьи вплотную. Это и есть её стрела. Её выстрел в туман будущего. И теперь она знала, куда целиться. Мгла в её душе рассеялась, уступив место ледяной решимости. Цель была недостижима вчера. Но сегодня... Сегодня её время ещё не пришло. Но оно придёт.

Мысли, словно обезумевший табун вороных коней, оглушительным топотом отдавались в висках, грозя расколоть череп изнутри. Обрывочные, стремительные, противоречивые — пытаясь ухватить каждую, Эрика не заметила, как ноги сами донесли её до массивной двери опочивальни. Лишь захлопнув тяжёлые створки и отрезав себя от внешнего мира, она смогла перевести дух, хотя тишина комнаты давила не меньше, чем недавний гвалт в голове.

Ей предстояло сделать невозможный выбор. Перед ней расстилалась сеть троп, уходящих в неизвестность, и лишь одна, самая коварная и неприметная, могла привести к цели. Любой другой путь означал вечное прозябание на краю света и пожирающую душу ненависть. Ей придётся взвесить всё: каждый риск, каждую ложь, каждую каплю яда, которую предстоит носить в сердце.

Эрика рухнула на кровать и накрылась той же тяжёлой медвежьей шкурой. Простыни обжигали льдом, а подушка хранила отпечаток её головы, словно насмехаясь над поспешным бегством. Свернувшись калачиком, превратившись в беззащитный свёрток из меха и плоти, она закрыла глаза. Измученное сознание, истощённое бесконечным потоком мыслей, вскоре сдалось тревожному сну, полному неясных теней.

В пустошь!

Сон, тяжёлый и вязкий, как болотная трясина, отпустил Эрику лишь к полудню, когда солнце начало клониться к западу. Пробуждение было резким, словно падение с высоты. Она очнулась не от пения птиц или шума ветра, а от звенящей, абсолютной тишины — чужеродной после ночного хаоса мыслей. В висках всё ещё отдавался затихающий топот призрачного табуна.

Служанка, принеся кувшин с тёплой водой, едва не выронила его от волнения. Её голос дрожал: — Миледи... Принц Радомир отбыл. Ещё на рассвете.

Эрика резко села в кровати. Сон как рукой сняло.

— Что значит «отбыл»? Куда?

— На север, в Каменную пустошь, — прошептала девушка, пугливо оглянувшись на дверь. — Они взяли всех своих людей и ушли.

Каменная пустошь. Синоним смерти. Безжизненное плато, продуваемая ледяными ветрами и усеянная острыми скалами. Место, откуда не возвращался никто. Что могло заставить его пойти на такое безумие? Что оказалось важнее их противостояния, её унижения и его триумфа? Вопросы жгли калёным железом. Накинув медвежью шкуру поверх сорочки, Эрика бросилась из опочивальни. Босые ноги не чувствовали холода ступеней. Она взлетела по винтовой лестнице самой высокой башни, задыхаясь от предчувствия непоправимого.

Она нашла Ярла Рагнара там, где и ожидала. Старик стоял у парапета, неподвижный, словно изваяние из серого гранита. Ветер трепал его седую бороду. Он не обернулся, лишь его огромная ладонь с побелевшими костяшками сжала камень зубца. Эрика подбежала к краю. Мир укрывало плотное молочное марево, но даже сквозь него она различила маленькую тёмную колонну, медленно ползущую на север. Отряд казался горсткой муравьев на спине мёртвого гиганта.

— Это безумие! — выдохнула она. — Зачем он пошёл туда? Надо срочно вернуть их!

Ярл медленно повернул голову. На лице старика застыла маска вековой усталости.

— Вернуть? Дитя... Свадьба — это политика. А там, — кивок в сторону исчезающей точки, — смерть. Он ищет то, что лучше оставить погребённым подо льдом. Он ищет Сердце Пустоши.

Надежда на глупую браваду растаяла вместе с силуэтами в тумане. Он ушёл навстречу ужасу древних легенд. И её тщательно выстроенный план мести в один миг потерял всякий смысл перед лицом этой безрассудной реальности.

Вихрь лихорадочной деятельности охватил башню. Теперь это была воительница, чье сознание работало с холодной точностью клинка.

— Мою походную одежду! Весь боевой арсенал! Каждый кинжал, каждый метательный нож! Заверни в шкуру и спусти во двор! — рявкнула она служанке.

Девушка опрометью бросилась выполнять приказ. Эрика подбежала к узкому окну-бойнице:

— Эй, ты! Седлай двух вороных! Самых выносливых! Живо! Затем она обернулась к горничной: — Собери провизии! Мясо, сыр, хлеб и мехи с водой! На два дня пути!

Эрика одевалась с яростью берсерка, затягивая ремни доспеха так, словно петлю на шее врага. Когда она была готова, взгляд упал на тяжёлый лук. Перед глазами встал образ мишени в тумане.

Нет, — прошептала она. — Я не буду стрелять в туман.

Схватив лишь длинный кинжал и короткий меч, она сбежала вниз. Во дворе ждали оседланные кони и увесистая скатка из шкуры. Не оглядываясь на изумленных слуг, Эрика взлетела в седло. Вороной жеребец издал нетерпеливое утробное ржание, выбивая копытами фонтанчики воды. Но благородная ярость скакуна была скована весом второй лошади — тяжело нагруженной вьючной кобылы со свертком оружия внутри.

Принцесса заставила коня остановиться у подножия башни. Наверху всё так же стоял Ярл Рагнар.

— Ярл! Откройте ворота! Я должна их догнать!

Старый воин медленно повернул голову. Его лицо оставалось каменным. Он не стал отговаривать её. Лишь коротко кивнул стражникам. Тяжелая дубовая створка со скрипом начала открываться, являя путь в холодную неизвестность. Эрика вонзила шпоры в бока жеребца и рванулась вперед.

У самой границы Каменной пустоши она натянула поводья. Граница эта была гигантской расщелиной, уходящей во тьму. Мох уступал место голому граниту, покрытому пятнами лишайника цвета засохшей крови. Принцесса спешила и опустилась на одно колено, изучая следы подков. Они были свежими. Очень свежими.

Мертвую тишину разорвал грохот копыт. Со стороны замка неслась группа всадников — личная гвардия Ярла Рагнара. Дюжина воинов осадил коней вокруг принцессы. Лёгкие доспехи из вываренной кожи, меховые плащи, боевые топоры и шипастые булавы. Забрала шлемов были подняты. На Эрику уставились глаза, лишённые страха. В них читалась первобытная ярость волков, загнавших добычу.

Вперед выехал воин с серебряной гривой волос. Шрам пересекал левый глаз, навсегда оставив его слепым.

— Миледи, — прогудел он голосом, похожим на скрип старого дуба. — Ярл велел нам догнать вас. Сказал, что только безумец может сунуться в Пустошь в одиночку. А мы... мы служим своему ярлу. И теперь, похоже, вам. Он протянул ей флягу с крепким медом. — И мы идем с вами. Куда бы этот путь ни привел.

Лагерь.

Отряд Эрики нагнал людей Радомира в тот самый миг, когда те, измотанные дневным переходом, начали обустривать лагерь для ночлега. Они нашли приют в одной из бесчисленных расщелин гигантского каменного лабиринта — узком ущелье, похожем на ножевую рану в теле скалы, где ветер завывал, словно хор неприкаянных душ. Воины принца уже сбрасывали тяжелые дорожные мешки, пытаясь собрать жалкую охапку высохших лиан — единственное подобие топлива в этой пустыне. В воздухе пахло дымом и походной похлебкой.

Но её взгляд не задержался на них. Спрыгнув с коня пружинистым шагом хищницы, она окинула стоянку взглядом. Лицо, освещенное отблесками пламени, искажилось от досады.

— Где он? — голос прозвучал резко, как удар хлыста. Один из бойцов, седой ветеран с лицом, похожим на кору старого дуба, молча поднял руку. Его палец указывал не вперед или в сторону, а вверх. Эрика проследила за жестом. Высоко над ними, на вершине неприступного плато, черным силуэтом на фоне темнеющего неба стоял принц. Он казался частью мертвого камня — такой же холодный, твердый и одинокий.

Она не стала тратить время на слова. Решение пришло мгновенно. Ярость, смешанная с тревогой и иррациональным чувством ответственности, придала ей сил. Она не будет кричать снизу. Она поднимется. Сбросив тяжелую меховую шкуру, которая упала на камни бесформенной грудой, Эрика отстегнула пояс с элегантным мечом — символом титула. Оружие звякнуло о гранит. Оставив при себе лишь кинжал за голенищем сапога, она лишилась всего лишнего и теперь напоминала дикую рысь. Воины внизу замерли, их разговоры стихли. Все взгляды были прикованы к хрупкой женской фигуре у подножия скалы. То, что произошло дальше, заставило выдавших виды мужчин уважительно покачать головами. С невероятной ловкостью, порожденной годами тренировок и яростным желанием добраться до цели, Эрика начала восхождение. Пальцы находили мельчайшие трещины, носки сапог упирались в едва заметные выступы. Она двигалась по отвесной стене с грацией дикой кошки. Это был танец со смертью на высоте сотни локтей, где одно неверное движение означало гибель на острых камнях. Несколько минут — и она стояла на краю плато, тяжело дыша, но с триумфом во взгляде.

Радомир не обернулся на звук шагов. Он неподвижно вглядывался в ночное небо. Над их головами, занимая полнебосклона, висел холодный свет газового гиганта. Его призрачное голубоватое сияние заливало безжизненный ландшафт, превращая скалы в застывшие волны серого океана и отбрасывая от фигуры принца длинную тень. Он был похож на древнего короля, молящегося своим богам. В этом свете его лицо казалось высеченным из того же камня, что и сама пустошь.

— Что ты здесь делаешь? — его голос был тихим, но в нем слышался звон стали. Он так и не повернулся. — Ты должна быть внизу. В тепле.

— Я могла бы спросить тебя о том же! — выпалила она, подходя ближе. — Зачем ты повел их на верную смерть? Твоя стрельба в туман была лишь игрой? Ты сам не знаешь своей цели?

Он медленно повернулся. В холодном свете гиганта его глаза казались двумя осколками льда.

— Смотрю на звезды, миледи. В Пустоши они... другие. Ближе. И они не лгут. В отличие от людей внизу. А моя цель всегда неизменна. Но чтобы её достичь, нужно видеть не только мишень. Нужно видеть весь путь к ней. Даже если он лежит во тьме.

— Нужно прекратить это безумие! — голос Эрики разорвал могильную тишину вершины. Она шагнула к нему, её фигура отбросила на камень искаженную тень. — Вы ведёте

своих людей на страшную смерть! Чем они заслужили такую участь? За что вы обрекаете их на гибель?

Она отчаянно пыталась достучаться до него, отговорить от самоубийственной авантюры. В её словах смешались гнев, недоумение и нотки почти женской мольбы.

— За тысячи лет никому не удавалось вернуться из Пустоши живыми! Там нет ни городов, ни сокровищ. Ещё не поздно повернуть назад!

Радомир медленно, словно нехотя, оторвал взгляд от бархатной черноты неба. Посмотрел на неё. В его глазах не было эмоций, лишь холодное отражение газового гиганта.

— Что вы хотите здесь найти? — дрогнувшим голосом повторила Эрика. — Здесь нет ничего, кроме вечного холода, бездонных расщелин и голодных монстров! Здесь только смерть!

Он лишь хмыкнул. Короткий, сухой звук был подобен удару хлыста.

— Хм! Вы говорите о легендах? Эрика, пора повзрослеть и перестать бояться сказок прошлого. Ваши страхи — это цепи, которые вы куёте для себя сами.

Его слова, настолько абсурдные на фоне мертвой земли, ввели принцессу в слепящую ярость. В эти дни она вообще перестала понимать этот мир, где холодный расчет переплелся с безумием.

— Что... вы... хотите... здесь... найти! — теперь её голос звучал как скрежет металла.

Медленно, твёрдо, вбивая каждое слово в камень под его ногами, глядя прямо в глаза. Это был ультиматум. Принц не шелохнулся. Лишь едва заметно пожал плечами и, продолжая смотреть в ночное небо, спокойно ответил:

— Я хочу найти упавшую звезду.

Мир для Эрики замер. Звук собственного дыхания оглушил. Она потеряла дар речи. Её большие зелёные глаза в призрачном свете показались ещё больше. Гнев, бушевавший секунду назад, испарился. На его место пришла ледяная, всепоглощающая жалость. Самые тяжёлые опасения подтвердились с ужасающей ясностью.

«Он безумен», — пульсировало в голове. «Не просто безумен. Принц Радомир окончательно потерял связь с реальностью».

И самое страшное заключалось в том, что эта мысль принесла не облегчение, а парализующий страх. Ей предстояло следовать за сумасшедшим туда, откуда нет возврата.

Ночь и безумие.

Ночь в Каменной пустоши была не просто временем суток. Это был живой хищник, высасывающий тепло из костей и сковывающий разум первобытным ужасом. Эрика чувствовала это с мучительной ясностью. Она так и не смогла сомкнуть глаз до рассвета. Её мир, тщательно выстроенный за последние дни, холодные надежды и кровавые мечты о мести рухнули в одночасье, превратившись в пыль под ногами безумца. Душа сжалась в тугой комок боли — хотелось кричать, но горло перехватило сухим спазмом. Перед внутренним взором бесконечной чередой проносились образы: отец с его доброй улыбкой, тёплые объятия матери, братья, вечно спорящие о чём-то своём... Каждый призрак вызывал новый поток горячих слёз, которые высыхали на ледяном ветру, оставляя солёные струпья на щеках. Глаза воспалились от усталости и горя.

С первыми лучами чужого, враждебного светила лагерь Радомира ожил. Люди принца двигались слаженно и молча, как единый механизм. Быстро свернули стоянку, погасили костры и построились в походную колонну. В авангарде шли следопыты-разведчики — тени среди теней, мгновенно растворявшиеся в утреннем сумраке лабиринта.

Воины Эрики ждали внизу. Дюжина лучших бойцов клана Рагнара стояла у подножия скалы, обратив лица вверх. Лёгкие доспехи надеты, оружие проверено, лошади оседланы. Они ждали только одного — её решения. В их взглядах читалось суровое понимание воинов, знающих цену выбора.

Эрика смотрела на них сверху вниз, и тяжесть этого взгляда была почти физической. Путь назад отрезан. Вернуться в замок с позором, признав поражение перед безумием? Нет. Идти вперёд вслед за Радомиром? Обречь этих верных людей на смерть ради призрачной цели сумасшедшего?

В этот момент в её душе что-то окончательно сломалось и тут же закалилось заново, став твёрже алмаза. Осталась лишь одна эмоция — глухая, всепоглощающая решимость. Если она

не может остановить его, значит, должна быть рядом. Должна видеть всё своими глазами. Если он найдёт то, что ищет, она обязана присутствовать, чтобы понять, как этим управлять... или уничтожить. Решение пришло само собой, холодное и окончательное, как гранит скал вокруг.

— По коням! Мы идём за ними, — её голос прозвучал хрипло, но когда она спустилась со скалы, в нём зазвенел металл. — До конца!

Она легко вскочила в седло вороного жеребца. Тот всхрапнул, почувствовав перемену в хозяйке, и ударил копытом о камень. Два воина подвели выючную лошадь с оружием и провизией. Два отряда снова двинулись вглубь лабиринта.

Пейзаж, открывшийся впереди, мог потрясти самое смелое воображение: хаос гигантских скал, острых как бритва и уходящих в небо. Лабиринт из камня, созданный обезумевшим богом. Отряд Радомира уже начал спуск в очередной разлом, исчезая из виду. Антарии поднималось выше, заливая мёртвый пейзаж слепящим светом, а впереди лежала неизвестность, неумолимо обрекающая идущих на забвение.

Эрика прищипорила коня. Холодный ветер Пустоши ударил в лицо, высушивая остатки слёз. Внутри неё больше не осталось места для горя. Боль не ушла, но кристаллизовалась, превратилась в нечто твёрдое и острое. Если Радомир ищет «упавшую звезду» — пусть так. Она найдёт эту проклятую звезду первой. И если это действительно оружие, она использует его по назначению. Не для того, чтобы свергнуть короля-завоевателя. А для того, чтобы уничтожить весь их род, начиная с одного сумасшедшего принца.

В лабиринтах.

Шла третья неделя пути. Время в Каменной пустоши измерялось не днями, а глотками воды из почти опустевших фляг. Каждый рассвет был маленькой победой над безжалостным ландшафтом, каждый закат — обещанием новой ночи в ледяном мире. Этим утром привычный ритуал сворачивания лагеря проходил в гнетущем напряжении. Люди двигались механически, но их движения стали скованными, а взгляды метались по сторонам, цепляясь за малейшие детали мертвого пейзажа. Именно в этот момент тревожная весть от следопытов обрушилась на отряд как ледяной водопад.

Первая новость была необъяснимой и пугающей до тошноты: в радиусе километра вокруг них не было ни единого живого следа. Совсем. Следопыты, способные прочесть историю камня, вернулись с докладом, звучавшим как приговор. Ни помета птиц, парящих в поисках падали, ни нор мелких тварей в расщелинах. Но самое страшное заключалось в другом: там, где они сами прошли вчера, протащив тяжелые тюки и оставив глубокие шрамы на мхах, теперь лежала нетронутая, девственная поверхность. Казалось, камень поглотил их вчерашний путь, стерев его из реальности. Это сводило с ума.

Вторая весть была ещё загадочней и страшней. На рассвете два лучших разведчика выдвинулись проверить узкий проход между скалами. Они не вернулись к оговоренному времени. Их ждали час, другой... Тишина стала ответом. Отправленный патруль вернулся ни с чем. Никаких следов борьбы, крови или обрывков одежды. Двое опытных воинов просто растворились в воздухе.

В этот миг Пустошь изменилась абсолютно. Непрекращающееся завывание ветров сменилось гробовой, оглушающей тишиной. Звук исчез. Стук копыт о гранит, звон сбруи, сорванные голоса людей — всё поглощалось ватной, давящей пустотой. А затем с севера пополз туман. Он не клубился, а спускался густой массой прокисшего молока, тек по земле, заполняя каждую трещину и обволакивая ноги лошадей до колен. Влага оседала на доспехах, делая кожу скользкой и ледяной. Это ощущение незримой опасности стало физически осязаемым. Оно давило на плечи, заставляло мышцы каменеть, а сердце — пропускать удары. Радомир, ехавший во главе колонны, резко вскинул руку, приказывая остановиться. Его лицо, обычно непроницаемое, сейчас было напряжено до предела. Он медленно достал лук и наложил стрелу на тетиву, хотя перед ним не было никакой видимой цели.

— К оружию! — его голос прозвучал глухо, искаженный акустикой тумана. — Сомкнуть ряды! Щиты держать поднятыми!

Эрика почувствовала, как по спине пробежал ледяной озноб, не имеющий ничего общего с утренней прохладой. Её рука сама легла на эфес кинжала. Она всматривалась в белую мглу, чувствуя, как первобытный ужас поднимается из самых темных глубин души. Легенды оказались правдой. Пустошь проснулась, она была голодна и больше никого не отпустит. Пути назад нет.

Дни и ночи слились в единый кошмарный сон наяву, сотканный из липкого марева и сводящей с ума тишины. Разведчики исчезали первыми — бесшумно, словно тени, поглощенные мглой. За ними начали пропадать ветераны сотен битв. И каждое исчезновение сопровождалось звуками, от которых стыла кровь. Сначала это был лишь шорох осыпающихся камней в вышине лабиринта. Затем ему на смену пришел он — тихий, сухой щелчок, похожий на треск ломающейся ветки или... клёкот высокогорной птицы. Но звук был чуждым, металлическим, резонирующим прямо в черепе. Он эхом отражался от стен ущелий, заставляя людей вздрагивать и до боли в пальцах сжимать оружие.

— Они здесь, — голос Радомира прозвучал хрипло, но твердо, прорезав гнетущую тишину. Он не спрашивал, а констатировал факт. — И они охотятся на нас.

Где ты, сын?

Прошло ещё несколько дней. Из дюжины лучших воинов остались трое: Радомир, Эрика и один седой ветеран, чье лицо превратилось в застывшую маску ярости и усталости.

— Держаться вместе! Не разделяться! Сомкнуть щиты! — его команды были короткими и сухими, как удары кремня о сталь. Принц не давал чувству опасности сломить оставшихся. Он был скалой посреди бушующего моря безумия.

Наступила третья бессонная ночь. Густой туман обволакивал их, превращая мир в крошечный пятячок света от слабого костерка. Изможденные, голодные, они стояли спина к спине, образовав последний рубеж обороны. Их мечи дрожали в трясущихся от усталости руках. Звук щелчков приближался. Теперь он слышался со всех сторон сразу — сверху, снизу, из-за спины. Казалось, сама тьма клацает невидимыми челюстями, сужая кольцо.

— Подходите, твари! — внезапно прорычал седой воин. Его крик был полон не страха, а яростного вызова. Слова эхом разнеслись по каменным лабиринтам, бросая вызов пустоте.

И ответ пришел мгновенно. Из стены тумана метнулась тонкая лиана. Она двигалась с невозможной скоростью, описав смертоносную петлю. Петля захлестнула шею ветерана и резко стянулась, прервав его хрип на полуслове. Силой рывка тело воина оторвало от земли и беззвучно утащило вверх, во мрак расщелин. Радомир и Эрика кинулись за ним инстинктивно, но через пару шагов уткнулись в холодную поверхность отвесной скалы. Шум короткой борьбы, хруст позвонков и звуки удушья доносились откуда-то сверху еще несколько секунд. Затем наступила абсолютная, давящая тишина.

Они остались вдвоем. Стоя спиной к спине под бескрайним небом Каменной пустоши. Мир сузился до пятячка влажного камня. Щиты стали бесполезным грузом и были брошены. Остались только мечи — тяжелые, выкованные для честного боя, сейчас они казались неподъемными. Из последних сил, сжимая рукояти двумя руками, они размахивали ими, разрубая туман в отчаянной попытке создать островок безопасности. Свист клинков стал единственным звуком в этой оглушающей мгле. Из тумана перед Радомиром промелькнула смазанная тень. Слишком быстрая для человеческого глаза, искаженный силуэт, не принадлежащий ни зверю, ни птице. А затем раздался голос. Он прозвучал не снаружи, а прямо в голове:

— Радомир, сын! Где ты? Это был голос отца. Но не холодный, властный тон короля-завоевателя. Этот голос был наполнен тревогой и той глубокой теплотой отцовской любви, которую принц помнил лишь из далекого детства.

— Отец?.. — прохрипел Радомир. В горле пересохло. — Это ты? Тень замедлилась, обретая форму. Из марева вышел король Козимир в полном боевом снаряжении. Лицо короля было встревоженным, но в глазах плескалась безграничная любовь.

— Как далеко вы зашли, сын! Мы с трудом нашли вас!

Меч выпал из рук Радомира и со звоном упал на камни. Ноги подкосились. Он подался вперед, уткнувшись лицом в широкую грудь отца, чувствуя запах кожи и металла. Слезы сами собой брызнули из глаз. Всё кончено. Отец обнял его сильной рукой. Но вместо слов утешения из уст короля вырвалась какофония громких, ненавистных щелчков монстров Пустоши.

Радомир вздрогнул и вырвался из объятий кошмара. Он сидел на земле, прислонившись к скале. Правая рука продолжала крепко сжимать рукоять меча. Туман рассеялся, уступив место предраусветной серости. Он быстро оглянулся.

— Эрика? — хрипло позвал он.

Ответом была тишина. Он вскочил на ноги:

— ЭРИКА!

Лишь глухое эхо отразилось от стен лабиринта. Паника придала ему сил. Он обошел все близлежащие расщелины, заглядывая в каждый угол, но спутницы нигде не было. Она просто исчезла. Возвращаясь обратно к месту привала, он замер. В звенящей пустоте раздался один-единственный щелчок. Принц поднял меч, вслушиваясь и пытаясь разглядеть хоть что-то среди камней. Он осторожно сделал шаг вперед. В тот же миг его нога попала в невидимую петлю из тонкой лианы. С чудовищной силой она взметнулась вверх. Мир перевернулся. Через мгновение Радомир уже висел вниз головой, раскачиваясь из стороны в сторону. Краем глаза он увидел стремительно приближившуюся тень. Последовал сильный удар по затылку, и сознание принца погасло, погрузив его в беспросветную тьму.

Глава 5

Засада.

Добравшись до своего убежища — неглубокой пещеры в теле скалы, — Охотник действовал как автомат. Страх и инстинкт выживания сплелись воедино, отключив лишние мысли.

Первым делом он принялся уничтожать следы. Каждый отпечаток ноги на влажной земле был стерт пучком жесткой травы. Остывшие угли кострища он раскидал и присыпал серым пеплом, чтобы ни одна искра тепла не выдала его присутствия. Он истреблял запахи, втирая в кожу и одежду едкий сок местных растений, сбивая со следа их обостренное обоняние.

Затем настал черед экипировки. Сняв тяжелую меховую одежду, он начал её трансформацию. Острой пластиной обсидиана охотник срезал всё лишнее, а затем вплел в швы пучки местного лишайника, сухие ветки и комья глины. Меховая накидка перестала быть просто одеждой, превратившись в живой слепок скалы, идеально повторяющий её фактуру.

Собрав скудные припасы — связку вяленого мяса, бурдюк с мутной водой, верный лук из рога тауроида, копье с каменным наконечником и колчан со стрелами, — он установил перед входом несколько смертоносных ловушек: заточенные кольца под слоем дёрна и натянутую жилу у самой земли, готовую послать отравленный дротик в неосторожную ногу.

Перебравшись на соседнюю вершину, охотник устроился в небольшой нише на высоте добрых пятидесяти метров. Тщательно замаскировав её камнями и мхом, он сам превратился в безжизненный выступ базальта. Охотник слился со скалой, превратив своё тело в холодное пятно, неразличимое для ока тепловизора. Отсюда открывался идеальный сектор обстрела для его лука.

Это случилось в первую же ночь.

Он не спал. Он перестал быть человеком и стал частью камня. Его дыхание замедлилось до предела, а сердце билось так тихо, что он едва слышал его сам. Но слух, обострившийся до звона в ушах, уловил то, от чего внутренности сжались в ледяной ком: шорох осыпающихся камней. Не случайный шум падающего обломка, а мягкий, контролируемый звук шагов.

Всё стало до боли ясно. Они всё-таки выследили его. Похоже, чужаки закончили свои дела в этом секторе и теперь явились навестить своего новоявленного соседа.

Внизу, в мертвенном свете газового гиганта, тени пришли в движение. Медленно, с грациозной хищной плавностью, они приближались к брошенному убежищу с трёх сторон, замыкая идеальное кольцо оцепления. Они не спешили. Их силуэты плавно перетекали от валуна к валуну, внимательно сканируя пространство перед собой. Это был не поиск — это была проверка капканов.

Охотники оказались опытнее любого зверя. Они двигались по невидимым тропам, которые он упустил при установке засад. Один небрежно ткнул древком копья в дерн над заточенным колом — ловушка даже не шелохнулась. Другой перешагнул через натянутую жилу с такой точностью, словно видел её сквозь камень.

Они обошли все его ухищрения с презрительной легкостью существ, для которых подобные примитивы были детской забавой. Три высокие фигуры замерли у темного зева пещеры. Убедившись, что логово пусто, они не издали ни звука. Незнакомцы просто растворились в ночи, уйдя так же тихо и неотвратно, как появились, оставив после себя лишь звенящую пустоту и липкий холод.

Наш герой не спешил покидать свою нишу. Он пролежал в укрытии ещё сутки, не шевелясь, позволяя мышцам деревенеть и превращаясь в изваяние. Он ждал. Ждал, пока ритм собственного сердца не сменится ровным пульсом, а лёгкие снова вспомнят, как дышать без режущей боли в груди.

Бегство.

Через сутки погода испортилась окончательно. Это было не просто изменение климата — это была ярость самой планеты. Свинцовые тучи, тяжелые и низкие, пришли с севера, затянув всё небо и погрузив мир в сумерки задолго до заката. Ветер не просто дул — он ревел, словно раненый зверь, пытаясь сдуть с лица земли всё живое. Он поднимал волны цвета мокрого асфальта, которые с грохотом разбивались о подножие скал, окатывая их мириадами ледяных брызг.

В этом хаосе был его шанс. В такую непогоду тепловые сканеры и обоняние хищников станут бесполезными. Ветер и соль сотрут любой след. Осторожно, дюйм за дюймом, охотник начал освобождать тело из каменного панциря. Мышцы протестующе заныли, но он заставил себя двигаться плавно, избегая резких движений. Припадая к земле, он пробрался к краю пропасти.

Перед ним разверзлась бездна. Внизу бесновался океан, вверх — небеса. Но целью был не водный горизонт. На многие километры тянулся иззубренный хребет, похожий на гребень исполинского дракона. Там, на вершине, среди голого камня, он станет недостижимым.

Он начал восхождение. Это была битва со стихией. Ветер рвал маскировочную накидку, пытаясь сбросить человека вниз, как назойливое насекомое. Порывы были настолько сильны, что приходилось вжиматься в камень всем весом, цепляясь за малейшие трещины окоченевшими пальцами. Мелкий, колючий дождь бил в лицо, смешиваясь с соленым туманом и мгновенно вымораживая тепло из тела. Каждый шаг давался ценой невероятного усилия. Скала под руками стала скользкой и предательски хрупкой. Один раз обломок опоры с сухим треском отвалился и исчез в ревущей пустоте внизу.

Но он полз вверх. Медленно, упорно, метр за метром отрывая себя от скалы и тут же вгрызаясь в неё снова. Он знал: там, наверху, ветер будет ещё яростнее, но там же будет и свобода. Господствующая высота — единственный козырь в игре против существ более высокого порядка.

Поднявшись на вершину, он не позволил себе ни минуты передышки. Лишь на мгновение обернулся, когда порыв ледяного ветра хлестнул по лицу, едва не сбив с ног. Окинув взглядом лежащую как на ладони бескрайнюю пустошь, он увидел лишь серое море и темные пики гор. Никаких следов. Но он знал — это иллюзия безопасности. Они где-то рядом. Наблюдают. Ждут.

Развернувшись, он двинулся вдоль хребта так быстро и бесшумно, как только позволял изрезанный рельеф. Он уходил всё дальше от проклятого места, инстинктивно выбирая самые непроходимые тропы. Горы казались абсолютно мёртвыми. Это был каменный склеп, где каждый вдох давался с трудом, а выдох обращался в пар и тут же уносился ветром. Редко удавалось найти хоть что-то съестное. Голод стал вечным спутником, тупой болью впиваясь в живот.

Выживание превратилось в изощренное искусство. Разоряя редкие гнезда огромных хищных птиц, чьи гортанные крики были единственным звуком в этой пустыне, ему удавалось поддерживать тлеющие угли жизни. Он ел сырое мясо и пил тёплую кровь, не чувствуя вкуса — механически восполняя калории для следующего перехода.

Однажды, исследуя очередной морской обрыв, он заметил внизу тихую бухту. От сотен других её отличала одна невозможная деталь. Прямо от кромки воды вверх вела каменная лестница. Древняя, изъеденная ветром и солью, поросшая черным мхом, она упиралась прямо в основание отвесной скалы, словно приглашая войти в монолит.

Любопытство разогрело воображение. Кто мог построить это здесь? Какая цивилизация обладала могуществом пронзить камень таким образом? В сознании вспыхнули десятки теорий — от древнего храма до входа в подземный бункер. И в этот миг он понял страшную вещь: теперь ему нет покоя. Тайна лестницы станет наваждением, которое окажется сильнее голода и страха.

Сомнений не осталось. Его путь лежит вниз, к берегу моря. Теперь у него появилась цель, ради которой стоило рискнуть всем.

Как только ноги коснулись береговой гальки, последняя преграда между ним и спасительной твердью исчезла. Обессиленный, он рухнул на мокрые камни; удар показался мягким, как падение на пуховую перину. Жадно хватая ртом влажный воздух, он чувствовал, как тот обжигает легкие изнутри, словно расплавленный металл. Это была боль, но это была жизнь. Голова кружилась с тошнотворной силой, мир плыл и двоился, а руки и ноги отказывались повиноваться, превратившись в бесполезные отростки. Так он пролежал около часа, лишь хрипло втягивая дыхание моря.

Немного восстановив силы, он с огромным трудом приподнялся на локтях. Зрение всё ещё мутнело, но сквозь пелену он увидел её. Та самая лестница. Она действительно была здесь, всего в двадцати метрах. Вырубленная из гигантских блоков размером с небольшой дом, она вела во тьму пещеры.

Сил встать не было. При одной мысли о том, чтобы подняться на дрожащие ноги, тело пронзала такая слабость, что хотелось сдаться. Но терпение иссякло. Тайна тянула к себе с непреодолимой силой магнита.

И тогда наш герой пополз. Двигаясь как изломанная ящерица, каждое движение — неловкое подтягивание тела на несколько жалких сантиметров — отдавалось вспышкой ослепительной боли. Он цеплялся за мокрую гальку скрюченными пальцами, оставляя глубокую борозду в песке. Каждое мучительное усилие сопровождалось не криком, а глухим, утробным рёвом — первобытным звуком существа, бросившего вызов смерти ради утоления безумного любопытства. Этот звук вырывался из самой глубины естества, сотрясая изможденное тело и пугая чаек, круживших над пустынной бухтой.

Усыпальница.

Это был не просто склеп, а рукотворная усыпальница, вырубленная в самом сердце скалы. Глядя на это циклопическое сооружение с идеально обтёсанными стенами, он с холодным ужасом осознал: даже после смерти её хозяин обладал такой властью, что его предсмертное желание было исполнено с фанатичной точностью. Это был монумент абсолютному авторитету, переживший своих создателей.

Возраст мавзолея измерялся сотнями лет. Скромная по оформлению — здесь не было ни золота, ни драгоценных камней, лишь голый, суровый камень, — она поражала своим мёртвым пространством и гнетущей первобытной мощью. Воздух внутри стоял неподвижный и тяжёлый, пропитанный вековой сыростью и запахом тлена.

На полу, выложенном гигантскими плоскими плитами, словно в сухом доке, покоились останки. Это был не саркофаг. Перед ним лежали длинные, широкие очертания того, что когда-то рассекало морские волны под полными парусами. Древний корабль превратился почти в прах: мачта рассыпалась в труху, борта срослись с каменным основанием, а палуба стала последним ложем для своего капитана.

Вдоль этого костяка корабля, по обе стороны от призрачного киля, застыли каменные истуканы. Их лица были лишены эмоций, но в позах читалась нечеловеческая скорбь или слепая преданность мёртвому повелителю. На стенах едва виднелись письмена — строки, стёртые безжалостным временем и ветрами, которые проникали сюда сквозь невидимые щели в скале.

А там, в самом центре некрополя, среди остова уничтоженного стихией судна, смутно угадывались человеческие останки. Скелет, облачённый в истлевшие доспехи, покоился на капитанском мостике. Костлявые пальцы всё ещё сжимали то, что когда-то могло быть штурвалом или скипетром власти.

Лишь одно не вписывалось в эту мрачную и гнетущую картину. Среди всего этого покрытого плесенью и мхом рукотворного чуда, прямо в самой куче трухи и праха, где покоились останки капитана и его судна, лежал он. Сверкающий. Отполированный до зеркального блеска

и исписанный неизвестными иероглифами металлический диск. Он выглядел так, словно его изготовили только вчера: ни единой царапины, ни следа коррозии. Идеальный круг из неизвестного сплава, который насмеялся над самой идеей времени и тлена. Он был здесь чужаком. Посланием из будущего... или прошлого, которое ещё не наступило.

Охотник поднял диск с останков. Он был неправдоподобно лёгким, словно сделан не из металла, а из спрессованного воздуха, и в то же время его тяжесть ощущалась на какомто ином, метафизическом уровне. Взяв его в руки, он внимательно осмотрел обе стороны, провёл пальцами по идеально гладкой, отполированной поверхности, чувствуя подушечками пальцев холод, который, казалось, проникал до самых костей. Он прикинул его вес — тот был несомым, но диск не поддавался изгибу, оставаясь абсолютно жёстким. На его поверхности не было ни швов, ни креплений, лишь с десятков отверстий по кругу и вязь чуждых иероглифов, которые не складывались ни в один знакомый ему символ. Перебрав в уме все варианты возможного практического применения — от оружия до инструмента — и не найдя ни одного подходящего, наш герой выбрал, по его мнению, самый верный. Глядя на его лёгкость, запредельную прочность и идеальный диаметр около двадцати пяти сантиметров, он решил использовать его в качестве дополнительной защиты грудной клетки. Он впихнул холодный металл за пазуху своей меховой куртки. Диск плотно прижался к телу, и от него исходило едва уловимое, чужеродное тепло.

Бухта была небольшой, надёжно укрытой от внешнего моря высокими скалами. Вода в ней казалась кристально прозрачной и обманчиво спокойной — тёмное зеркало, застывшее до самого дна. Охотник без труда разглядел усыпанное моллюсками дно — настоящий ковёр из еды.

— А вот и ужин, — выдохнул он.

В предвкушении сытости, которая сейчас была слаще любой победы, он отбросил последние сомнения. Голод пересилил страх перед ледяной водой. Он быстро скинул тяжёлые ботинки и штаны, оставшись лишь в нижней рубаше. Засучив рукава по локоть и обнажив жилистые, покрытые шрамами руки, ступил на мокрые камни.

Вода обожгла холодом, но охотник только стиснул зубы. Сделав глубокий вдох, он нырнул. Тишина сомкнулась над головой, отрезая его от мира. Пространство сузилось до мутного пятна света наверху и каменистого дна внизу. Пальцы тут же погрузились в скользкую, колышущуюся массу, нащупав твёрдую ребристую раковину. С силой вырвав её из колонии и почувствовав, как острые края царапают кожу, он вынырнул с громким хрипом. Жадно глотнув воздуха, швырнул первую добычу на берег. Это было начало. Он снова нырнул, и ещё раз, и ещё. Охота началась.

Через десять минут на берегу лежала целая груда влажных раковин. Выбравшись из воды, он дрожал всем телом — от холода и азарта. Силуэты скал вокруг больше не казались угрожающими. Сейчас у него была еда. И странный металлический щит. И тайна, ждущая своего часа.

Чем дальше охотник уходил в горы, тем круче и неприступнее они становились. Склоны превращались в отвесные стены, а узкие тропы обрывались в бездну, где ревела невидимая река. Воздух истончился; каждый вдох давался с трудом, обжигая лёгкие морозом. Остановившись на очередном уступе и окинув взглядом каменный хаос впереди, он с леденящей ясностью осознал: если в пустошах у него ещё был призрачный шанс побороться за жизнь, то здесь, среди продуваемых всеми ветрами вершин, выжить невозможно. Это была каменная ловушка — медленная смерть от истощения.

Он развернулся. Решение родилось не из страха, а из холодной логики охотника. Путь назад, к морю, был отрезан — там его ждали. Оставался единственный вектор движения — вглубь материка.

Дорога обратно заняла остаток дня. К вечеру он вышел на край плато, и перед ним раскинулась бескрайняя пустошь. Серая, мёртвая равнина тянулась до самого горизонта, испещ-

рённая трещинами и усеянная валунами. Судя по всему, он уже оставил далеко позади прибрежную полосу. Теперь он находился в самом сердце чужого мира.

Опустившись на холодный камень, охотник смотрел на закатное небо над равниной и выстраивал новую тактику. Его ждёт изматывающая война на истощение. Он станет партизаном. Днём, соблюдая предельную осторожность и используя каждую складку местности для маскировки, будет спускаться в пустошь за пищей — редкими грызунами, чахлыми корнями или съедобными насекомыми. Насытившись и собрав припасы, с наступлением сумерек он будет возвращаться под прикрытие горного хребта, чтобы переночевать в относительной безопасности. Так, шаг за шагом, продвигаясь вдоль границы камня и песка, он уйдёт всё глубже на материк, прочь от берега и преследователей.

Это был единственный путь к спасению. Путь по лезвию ножа между голодом и смертью.

Дым вдалеке.

Вечерело. Охотник сидел на краю скалы, свесив ноги в бездну. Он методично счищал жёсткую грязь с найденного съедобного корня, наслаждаясь редким моментом покоя и величественной панорамой под ногами. Огромное багровое солнце медленно тонуло за горизонтом, заливая пустошь кровавым светом. Животный и растительный мир материковой равнины был скуден по сравнению с побережьем. Но постоянное, грызущее чувство голода — ничтожная плата за жизнь и безопасность.

И тут его взгляд, бесцельно блуждавший по кромке мира, зацепился за чужеродное. У самого слияния неба и земли он увидел призрачные полосы дыма. Они лениво поднимались в вечерний воздух и растворялись в холоде. **Люди!** Слово взорвалось в голове набатом, заглушив шум ветра и урчание в животе. Сердце пропустило удар, а затем забилось в бешеном ритме. Это могли быть такие же беглецы. Шанс или ловушка. Но оставаться в стороне он больше не мог.

Как всегда в критические моменты, решение пришло мгновенно — ясное, холодное и окончательное. Сомневаться было некогда. Отбросив не почищенный корень, Охотник поднялся на ноги, последний раз взглянул на дымные столбы, запоминая направление, и начал спускаться во тьму пустоши. Он шёл к людям. К неизвестности. К тому, что ждало его у горизонта.

Он двигался как тень — безмолвно и быстро, скользя между валунов и прижимаясь к земле. Путь пролегал через настоящий каменный лабиринт из гигантских глыб, узких ущелий и каньонов. Единственное, что раздражало в этом подгорном мире — постоянные тупики. Каждый выход из каменного мешка означал лишь одно: лишнюю, изнуряющую трату сил и драгоценного времени, которого оставалось всё меньше.

Через два дня непрерывного пути он достиг цели. Стоянка брошена совсем недавно. Ощущение было сродни прикосновению к чужой, ещё тёплой жизни. Кострища давно остыли, превратившись в чёрные пятна пепла, но люди были здесь. Следов почти не осталось — их замёл вечный ветер, — однако они были повсюду. Примятая галька, обугленный кусок дерева, неестественно ровный осколок кремня. Сомнений не возникало.

Волнение, острое и пьянящее, накрыло охотника, заставив на секунду замереть. Присев на корточки, он изучил отпечатки. Небольшой отряд — человек десять-двенадцать — шёл строго на северо-восток, в самое сердце пустоши. Они двигались целенаправленно. У них была цель.

Охотник выпрямился, его взгляд стал жёстким. Теперь это гонка. Экономить силы бессмысленно. Он решил ускорить шаг до предела человеческих возможностей, сократив сон и отдых до абсолютного минимума. Сон стал непозволительной роскошью. Он должен нагнать их. Должен узнать их тайну.

Эта стоянка оказалась последней. Дальше простиралась первозданная пустошь, стёршая все следы человеческого присутствия. Отряд словно растворился в воздухе. Но чем дальше

охотник продвигался на северо-восток, тем зловещей становилась эта тишина. Лишь изредка ему попадались предметы, которые совершенно не вписывались в пейзаж из камней и сырости. Это были шрамы, оставленные на теле мира неведомой силой.

Вот в трещине торчит отломанная рукоять кинжала. Металл покрыт странной патиной, а дерево расщеплено так, словно его сдавили в стальных тисках. Чуть дальше, втоптаный в грязь, лежит искорёженный щит. Его умбон вогнут внутрь чудовищной силой, а герб какого-то воинственного клана превратился в бесформенное месиво металла и краски. Казалось, по нему ударил молот бога войны. В другом месте ветер трепал рваную кожаную перчатку, пропитанную потом и задубевшую от холода. А рядом, нанизанный на острый скол камня, висел нашейный оберег — грубо вырезанный из кости тотем. Он всё ещё хранил запах страха своего владельца.

Каждый предмет был молчаливым свидетельством не просто гибели, а полного уничтожения. Это была не битва. Это была бойня. И чем меньше следов находил охотник, тем яснее становилось: то, что забрало этих людей, не оставило отметин, потому что само являлось чем-то невозможным для этого мира. Страх перед преследователями показался ему теперь бледной тенью того ужаса, который ждал впереди.

Звук.

Этот звук... Он узнал бы его из тысячи других, даже если бы тот был тише шёпота призрака. Ветер донёс его издалека — едва уловимый металлический шелест, похожий на трение клинка о точильный камень. Но он узнал его сразу. Сомнений быть не могло: эти звуки издавали они.

Тот леденящий страх, который он считал похороненным в горах, вернулся с удесятёрённой силой. Они здесь. Где-то совсем рядом. Возможно, именно они виновны в таинственном исчезновении отряда и разбросанных по пустоши искорёженных вещей. Охотник что есть сил вдавил себя в холодную скалу, пытаясь слиться с ней, стать её частью. Его глаза судорожно обшаривали каждый валун и каждую тень, выискивая всё чужеродное и мгновенно реагируя на малейший шорох.

Щелчки приближались с невероятной скоростью и, казалось, со всех сторон одновременно. Внезапно они оборвались. Наступила гнетущая, абсолютная тишина, нарушаемая лишь бешеным стуком собственного сердца. Рука до боли сжала кусок обшивки челнока, служивший ему ножом.

И тут сверху пронеслась гигантская тень. Секундой позже в расщелину плато прыгнул один из тех таинственных "Хищников-охотников". Приземлившись на обе ноги с кошачьей грацией, он возник прямо в десяти шагах от человека, выпрямился во весь свой огромный рост и замер, стоя лицом к лицу. Он сверлил охотника чёрно-жёлтыми нечеловеческими глазами, в которых не было ни ярости, ни злобы — лишь холодное, академическое любопытство энтомолога, разглядывающего редкого жука.

Выследили. Заманили. Нашли. Поймали. «Что ж, это будет славный бой», — подумал человек. Мысль была ясной и холодной. Он сбросил на камни копье, бесполезный лук и колчан со стрелами — сейчас они только мешали бы. Медленно, без резких движений, выступив из тени, он выставил перед собой своё жалкое оружие — зазубренный кусок металла.

Сверху промелькнули ещё несколько теней. Инстинктивно вскинув голову, охотник увидел вершины скал по обе стороны ущелья. Там, наблюдая за ними, сидели с дюжину таких же "Хищников". Они просто смотрели. Значит, бой будет честным. Один на один.

Стоявший напротив монстр вытянул правую руку ладонью вниз. Она с сухим механическим щелчком получила продолжение: два пятидесятисантиметровых спаренных лезвия выскочили из наручей, образовав смертоносные «когти».

Напряжение возросло до звона в ушах. И охотник с яростью загнанного в угол зверя и диким воплем устремился в атаку.

Но атака захлебнулась, не успев начаться. На расстоянии вытянутой руки воздух внезапно уплотнился, материализовавшись в мерцающую сеть. Человек врезался в неё на полном ходу, запутался в липких прочных волокнах и рухнул на острые камни у самых ног монстра. Последовал сокрушительный удар, и мир погрузился во тьму.

На несколько мгновений он приходил в себя, и реальность обрушивалась тупой, адской головной болью. Чувствуя, как его несут словно дичь на палке — беспомощный свёрток, туго спелёнатый в сеть, — он спасался от мучений, снова проваливаясь в темноту. Это был цикл: секундная ясность, сменяющаяся долгим забытьём.

Постепенно мгновения сознания начали сливаться воедино, превращаясь в минуты, а затем и в часы. Головная боль стихла до глухой, ноющей пульсации. Почувствовав, как его бесцеремонно бросили на землю, он понял, что сеть сняли.

Человек с трудом поднялся на дрожащие ноги. Его не подгоняли остриями копий — нужды в этом не было. Огромное количество мыслей проносилось в голове. Зачем он им живым? Что стало с остальными? Он пленник, но не труп, и эта крошечная деталь оставляла искру надежды. Путь продолжался около суток.

И вот, уже в полночь, они пришли. Пройдя через широкий проём меж высоких стен, его подвели к невысокому зданию, у которого даже купол был выложен из камней.

Массивные железные двери, покрытые ржавчиной, со скрипом отворились, и его с силой зашвырнули внутрь. Кубарем прокатившись по каменному полу, он замер.

Из единственного круглого окна-иллюминатора на вершине купола падал призрачный свет небесного гиганта. В его серебристом сиянии он отчётливо увидел пару десятков силуэтов. Они спали. Кто-то лежал на холодном камне, кто-то сидел, прислонившись к стене. Оборванные, измождённые, но это действительно были люди.

Охотник остался стоять посреди комнаты, в центре круга из спящих пленников. Одинокая фигура под прицелом света. Из его глаз текли слёзы. Он не знал, отчего плачет: от внезапного облегчения, подаренного отсутствием всепоглощающего одиночества, которое так долго было его единственным спутником... или от горя и безысходности их общего плена.

Глава 6

Заточение.

Боль. Она была первым, что прорвалось сквозь вязкую пелену беспамятства — тупая, пульсирующая в затылке, словно от удара кузнечным молотом. Радомир резко втянул затхлый воздух подземелья и рывком сел на холодный каменный пол. Сердце колотилось где-то у самого горла, отбивая бешеный ритм паники.

Тьма. Не та уютная темнота ночи под звездным небом, а абсолютный, давящий мрак каземата. Воздух был тяжелым, пропитанным запахами сырости, крови и страха. Он оглянулся, шаря взглядом по едва различимым силуэтам. Лицо принца, освещенное тусклым светом, исказила гримаса невыносимой тревоги, смешанной с глухой тоской. Они проиграли. Их предали или заманили в ловушку, но исход был один: позорный плен.

— Эрика... — имя сорвалось с пересохших губ не криком, а хриплым шепотом, полным отчаяния. Это было единственное слово, которое имело смысл в этом кошмаре.

— Эрика! — он вложил в этот повторный зов всю свою волю, заставив голос зазвенеть сталью.

— Я здесь, принц Радомир, — услышал он тихий, но твердый ответ за спиной.

Он развернулся так стремительно, что хрустнули шейные позвонки. В тусклом свете её фигура казалась сотканной из теней. Жива. Его взгляд жадно впился в лицо девушки, выискивая раны. Мир сузился до одной точки — до неё.

— Ты цела? Ранена? — вопрос прозвучал требовательно, почти грубо, выдавая бушевавшую внутри бурю эмоций.

— Я в порядке, — ответила она, и эта короткая фраза принесла ему краткое, мучительное облегчение.

Они были не одни. Вокруг, стиснутые со всех сторон шершавым камнем, сидели и лежали их воины. Верные клинки, закаленные в десятках битв, теперь выглядели жалкой горсткой побитых псов. У многих сочились кровью глубокие ссадины, багровели ушибы, алыми пятнами темнели порезы на лицах. Но главное — они дышали. Все до единого. Пока живы. Эта мысль обожгла хуже каленого железа. Плен. Позор. И неизвестность.

Радомир и Эрика медленно двинулись вдоль рядов своих людей. Каждый шаг отдавался гулким эхом. Принц опускался на колени перед каждым, осматривая раны и помогая перевязать самые тяжелые. Прикосновение к окровавленной плоти возвращало его в реальность. Последнее, что помнили почти все выжившие — густой ядовитый туман, летящие сверху камни, затягивающаяся на шее невидимая петля, сокрушительный удар и спасительная тьма обморока.

— Нас не убили, значит, мы им нужны живыми, — наконец нарушил тягостное молчание Радомир. Его голос звучал низко, утробно, как рык загнанного зверя. — Надо выяснить, где мы, кто эти монстры и что им от нас нужно.

Эрика кивнула, её пальцы машинально сжались на рукояти кинжала, которого при ней не оказалось. Её взгляд скользнул в дальний, самый темный угол камеры и замер. Там, сжавшись в комок, сидел ещё один пленник. Охотник. Судя по одежде и снаряжению — чужак.

— И кто это такой? — холодно спросила принцесса, указывая на него подбородком.

Они подошли ближе. Чужак поднял голову. В его глазах не было ни покорности, ни страха — лишь настороженное любопытство дикого зверя. Радомир присел на корточки, внимательно изучая незнакомца. Тот был крепок, жилист, и даже в этой унижительной позе от него веяло скрытой угрозой.

— Кто ты? — властно спросил принц.

Охотник вслушивался в звуки чужой речи, пытаясь уловить хоть одно знакомое слово, найти зацепку, понять намерения этих странных людей. Тщетно. Для его слуха их язык был бессмысленным набором звуков. А когда они, глядя прямо ему в лицо, произнесли очередную фразу с явной вопросительной интонацией, он понял лишь одно: объясниться словами не выйдет. Оставался универсальный язык. И тогда, нарушая все законы этого мира, он ответил. Ответил вопросом, который знал каждый человек:

— Ду ю спик инглиш?

В камере повисла мертвая тишина, которую нарушало лишь тяжелое дыхание десятков людей. Радомир и Эрика переглянулись. На их лицах отразилась целая гамма чувств: шок, недоверие, благоговейный ужас.

— Он говорит на языке Древних?! — выдохнул Радомир, не скрывая подлинного первобытного удивления, граничащего с трепетом. Голос принца дрогнул, впервые за всё время потеряв привычную твердость. Перед ними стоял живой осколок легенды, миф, обретший плоть. И это меняло абсолютно всё.

Колизей.

Железный лязг засовов, подобный похоронному звону, и протяжный скрип ржавых петель разорвали могильную тишину темницы. Массивная дверь нехотя поддалась, и в проёме возник он. «Хищник». Он не вошел — вплыл в сумрак камеры, заполнив собой всё пространство. В левой руке он сжимал небольшой овальный щит из темного металла, словно впитавшего ночь. Правая же покоилась на древке смертоносного копья — двустороннего клинка, чье телескопическое тело, отполированное до зеркального блеска, говорило о пугающем совершенстве технологий его создателей. Он медленно, с ленивой грацией абсолютного хозяина положения, повернул голову. Его дреды, живые змеи, изящно колыхнулись в такт движению. Холодный, немигающий взгляд прошелся по сгрудившимся пленникам, оценивая их как скот на бойне. Не сказав ни слова, развернулся и вышел, уступая проход ярким лучам дневного света.

Хозяйка-звезда Антарио уже начала свой путь. Она поднималась над каменными стенами, меняя утренний алый окрас на яростное расплавленное золото. Двери остались распахнутыми — безмолвное, издевательское приглашение на свободу, которая обернется лишь новой клеткой.

— На выход! — хрипло скомандовал Радомир. Голос наполнился сталью и глухой яростью. Воины, помогая друг другу встать на дрожащие ноги, начали выбираться наружу. Это была жалкая процессия: гордые солдаты превратились в стаю раненых зверей. Они хромали, придерживая вспухшие от ушибов бока и перевязанные грязными тряпками раны. Каждый шаг давался с трудом, но оставаться в каменном мешке было равносильно смерти. Выбравшись на свет, они замерли. Мир оказался еще одной ловушкой.

Они стояли посреди огромного двора, вымощенного идеально подогнанными плитами. Место до боли напоминало гигантскую тренировочную площадку. Со всех сторон их окружала циклопическая кладка из блоков настолько правильной формы, что казалась творением богов. Но взгляды притягивали не стены. Вдоль них ровными рядами стояли открытые армуары. Их содержимое ослепляло: немыслимое разнообразие оружия всех форм и размеров — от кинжалов до двуручных мечей, от рапир до тяжелых топоров. Каждый клинок был начищен до зеркального блеска и сверкал под лучами Антарио так яростно, что глазам было больно. Выставка идеальной смерти. Вдоль стен виднелись площадки с деревянными истуканами для отработки ударов, а в центре этого каменного колизея стоял длинный стол. Он ломился от яств: горы лепешек, дымящееся мясо неведомых животных, спелые фрукты, свежая рыба и напитки всех цветов радуги в изящных кувшинах.

При виде этого изобилия у охотника внутри что-то оборвалось. Из самых темных глубин подсознания начали всплывать чужие образы — эхо чужой истории и боли. «Колизей...» — гулко прозвучало в голове. Перед мысленным взором пронеслись картины: арена, песок, впи-

тавший литры крови; рев обезумевшей толпы; звон стали; искаженные предсмертной гримасой лица товарищей; неизбежный финал. «Гладиаторы... Арена... Кровь... Смерть...» Это было не просто приглашение к трапезе. Ритуальное подношение. Их откармливали перед закланием. Хозяева хотели увидеть их в лучшей форме перед тем, как выпустить на эту идеальную арену для последнего боя. Радомир сжал кулаки так, что побелели костяшки. Он понял всё. Они были не пленниками. Они были гладиаторами. И их первая битва уже была не за горами.

Запах еды был почти невыносим. Он плыл в нагретом воздухе, смешиваясь с ароматами целебных трав из открытых дверей саун, и сводил с ума. Воины, изможденные, с потрескавшимися губами и ввалившимися глазами, стояли неподвижной стеной. Тела молили о хлебе и воде, но воля была скована ледяным ужасом. Каждый понимал: этот стол — не дар, а приманка. Шаг к нему — первый шаг на арену.

Тишину нарушил голос Радомира. Он прозвучал не как приказ, а как приговор, который принц выносил самому себе.

— Что бы они ни задумали, нам нужны силы, чтобы этому противостоять, — его голос был хриплым, но в нём звенела несокрушимая сталь. Он не спрашивал, он утверждал. — И нужно исцелить раны. Приступайте к трапезе, братья.

Это было не разрешение, а приказ командира, берущего на себя ответственность за риск. Этого оказалось достаточно. Дисциплина, вбитая годами тренировок, оказалась сильнее животного голода. Один за другим воины, сохраняя достоинство, которое у них пытались отнять, начали медленно двигаться к столу. Они не набрасывались на еду, как дикие звери. Ели методично, заставляя измученные тела принимать пищу, восстанавливая силы для последней битвы.

Охотник действовал иначе. Он не присоединился к общей трапезе. Взяв лишь пресную лепешку, приличный кусок мяса и сунув сочный фрукт в карман куртки, он отделился от группы. Его взгляд не блуждал по яствам; он был прикован к периметру двора. Охотник шел вдоль стен, изучая и запоминая. Путь лежал мимо дверей, ведущих в другие здания. За ними скрывались уборные. Дальше — сауны с каменными ваннами, наполненными горячей водой, от которой поднимался пар с запахом незнакомых целебных трав. А за ними — оружейная мастерская. На столах были разложены инструменты для подгонки доспехов и заточки клинков. Это было не просто место для отдыха. Это была кузница, где гладиаторам позволяли подготовить свое единственное право на достойную смерть — оружие.

Прошло три дня этого изощренного «гостеприимства». Магия места начала действовать. Раны, глубокие порезы и ушибы, которые должны были заживать неделями, затягивались с пугающей скоростью. Синяки желтели и исчезали, отеки спадали. Тела воинов вновь наливались силой. Но вместе с телесным исцелением происходило нечто более страшное. Из глаз пленников медленно, капля за каплей, исчезало чувство опасности. Напряжение, державшее их в тонусе, спало. Его место занимала обманчивая апатия и покорность судьбе. И тогда началось самое жуткое. Каждый день воины по очереди проходили вдоль армуаров. Их пальцы скользили по смертоносной стали — острой как бритва, идеально сбалансированной. Мучительное искушение. Но они не поддавались ему сразу. Искали то единственное лезвие, ту рукоять, которая ложилась в ладонь как продолжение руки. Медленный, почти священный ритуал выбора своего палача и единственного шанса на один-единственный удар. Постепенно каждому удалось найти именно то оружие, что идеально подходило для сечи — для их последней сечи. Они вооружались не для жизни. Они вооружались для смерти.

Время истины.

Три дня. Три бесконечных, изматывающих дня, которые Радомир превратил в одну затянувшуюся агонию. Три бесконечных, изматывающих дня, которые Радомир превратил в одну затянувшуюся агонию. Едва оправившись от ран, его воины, словно кроты, вгрызались в камень. Они искали малейшую трещину в полу, слабое сочленение в циклопической кладке стен.

Самые мощные секиры и боевые молоты, выбранные из арсенала с маниакальной тщательностью, обрушивались на неподатливый базальт. Но всё было тщетно. Ни одна плита не сдвинулась ни на волос. Камень был глух к их ярости. Надежда на побег испарялась, как утренний туман над холодным озером, оставляя после себя лишь едкую пустоту и горькое послевкусие отчаяния.

За эти же три дня Радомиру, Эрике и Охотнику так и не удалось пробить стену непонимания. Их попытки объясниться на языке жестов были неуклюжи и бесплодны. Они были заперты не только в каменном мешке, но и в клетке из чужого, непостижимого молчания.

И вот настал тот день. День, для которого многие из них родились и жили. День, чтобы сцепиться в жестокой схватке со смертью, обрекая себя на вечную славу — или на вечный позор плена. День их последней битвы.

На четвертый день, когда Хозяйка-звезда Антарио замерла в зените, сжигая всё живое безжалостными лучами, тишину разорвал низкий, вибрирующий звук боевого рога. Он не звал — он приказывал. В монолитной стене беззвучно открылся широкий проём. Он не приглашал — требовал. За ним виднелся тёмный зал с единственным выходом, ведущим прямо на слепящую белизну арены.

Принц резко развернулся. Его голос прогремел подобно металлу, перекрывая стрекот трибун:

— Слушать мою команду! Никакой паники. Дышите медленно. Страх сжигает воздух быстрее, чем бег. Вспомните присягу. Вспомните грязь пустошей и холод ледяных перевалов. Мы прошли через всё это не для того, чтобы стать кормом для подземных червей. Сегодня наши имена либо споют в легендах, либо втопчут в песок вместе с костями. Я выбираю первое. Братья. Родичи по оружию. Каков бы ни был ваш бог — молитесь ему про себя. А когда ворота откроются — сражайтесь за того, кто стоит слева. Забудьте обо мне. Забудьте о короне. Просто будьте стеной, которую нельзя проломить. Мы встретим их сталью.

Воины медленно двинулись вперёд. Их новая броня вспыхнула так яростно, словно каждый был выкован из чистого серебра. Солнечные блики плясали на зеркальной заточке двуручных топоров и полуторных мечей. Свежая кожа ремней скрипела ровно и туго. Кольчужные звенья сливались в единую чешую, скрывая старые раны под безупречной вязью металла. Они больше не выглядели как стая побитых псов. Запах озона, крови и раскаленного камня ударил в ноздри. К выходу шагнули вестники смерти — холодные, прекрасные и абсолютно чуждые этому миру. По периметру на них с любопытством смотрели «Хищники», чьи силуэты чернели на фоне света.

Радомир встретился взглядом с Эрикой. Она лишь коротко кивнула, плотнее перехватывая кинжал. Затем принц посмотрел на Охотника, который стоял чуть в стороне, спокойно наблюдая за выходящими воинами.

Один из тюремщиков шагнул на площадку. Не говоря ни слова, он указал пальцем поочередно на троих воинов. Затем подошел к Охотнику. В руке блеснуло что-то тяжелое. Тюремщик вложил это в ладонь человека — тускло-серый металлический ошейник раба. Ткнул пальцем в шею пленника и удалился.

Глаза Охотника вспыхнули яростью.

— Но я не раб! — выругался он на языке Древних, вкладывая в слова всю злость последних дней. — Да чтоб вас всех! Чтоб вы сдохли, твари!

Он замолчал на полуслове. Потому что все повернулись к нему. Все: Радомир, Эрика, воины... и «Хищники». В их глазах читалось не просто удивление — там был шок, граничащий с суеверным ужасом. Они поняли каждое грязное слово, каждый оттенок гнева. Ожерелье. Это был не ошейник. Это был переводчик. До Охотника дошла чудовищная ирония ситуации. Три дня они бились о стену непонимания, пока ключ был у тюремщиков. И теперь этот ключ был

у него. Ярость в его глазах сменилась новым, холодным и расчетливым огоньком хищника, осознавшего свое преимущество.

Трое избранных воинов, которых когтистым пальцем выбрал «Хищник»-распорядитель, шагнули из сумрака коридора к решетчатым воротам. Сквозь прутья им открылась гигантская чаша арены — идеальный овал из древнего камня. А над ней нависала живая масса трибун. Сотни существ вибрировали в унисон, создавая звук, похожий на скрежет мироздания — голодный рев зрителей, жаждущих крови.

Охотник встал перед воинами. Знание того, что его понимают все, придавало ледяную уверенность полководца. Не обращая внимания на град вопросов Радомира и Эрики, он поднял руку, требуя тишины, и быстро приступил к инструктажу:

— Монстров зовут «Хищники». Прирожденные воины и охотники. Они крупнее и сильнее нас, но неповоротливы, как скалы. Ваша сила — в скорости. Наносите один-единственный смертельный удар. Если с первого раза не получилось — не повторяйте. Никогда. «Хищники» мгновенно учатся. Ваш промах для них — открытая книга; они превратят его в вашу смерть молниеносной контратакой. Либо вы ломаете хребет сразу, либо он ломает вам шею через секунду. Никаких красивых замахов. Изматывайте их. Цельтесь в суставы. Бейте по ногам, режьте сухожилия и артерии. Бейте по глазницам масок — в темноте без шлемов они слепы. И помните про кровь... Она ярко-зелёная, светится и токсична. Избегайте её попадания на кожу любой ценой.

Мгновение помолчав, он добавил тише, почти шёпотом:

— Арена для них священна. Мы осквернили её своим присутствием. Выражайте ей дань уважения своей яростью. И самое главное... мы, люди, уже убивали их. ...Много раз.

Он обвел тяжелым взглядом первую тройку, вбивая эту истину прямо в сознание бойцов.

— Идите и убейте их снова!

Слова летели из глубин подсознания. Откуда взялись эти знания, никто не имел представления, но в их правдивости не было ни капли сомнения. Первая тройка повернулась к нему. В их взглядах не было страха — лишь мрачная, обречённая решимость. Они впитывали каждое слово. Пришло время истины, не требующей сложных формул и заумных речей. Всё было намного проще, до первобытной, звенящей ясности: убей или умри. Умри, покрыв себя славой, а выжив — стань легендой воплотить.

Арена.

Арена до позднего вечера превратилась в кипящий котёл смерти. Закатное солнце, багровое и безжалостное, заливало трибуны кровавым светом, превращая песок в раскалённый ад. Схватки утонули в хаосе, где не было пощады.

Воздух, густой от жары, наполнился запахом бойни: скрежетом стали, влажным хрустом ломающихся костей, чавкающим звуком входящего в плоть металла и глухими ударами падающих тел. Всё это сливалось в утробный, первобытный рёв, в котором ярость «Хищников» смешалась с предсмертными хрипами людей. Горячий песок и древние стены были забрызганы отвратительным коктейлем из алой и жёлто-зелёной крови. Токсичная зелень «Демонов Пустоши» дымилась на раскалённом камне, прожигая борозды и оставляя уродливые язвы. Запах стоял невыносимый: медный привкус человеческой крови сплетался с едкой химической вонью внутренностей «Хозяев Арены».

Бойня прекращалась лишь для того, чтобы подготовить арену к новой жатве. Служители, чья кожа была дублёна солнцем и равнодушием, выходили на окровавленный песок, когда стихал последний хрип. В их руках поблескивали лишь грубые крючья для растаскивания туш и тяжёлые грабли. Они молча, с пугающей деловитостью, собирали то, что осталось от гладиаторов. Иногда это было целое тело, перекинутое через плечо как мешок. Но чаще — лишь части: рука, всё ещё сжимающая меч; отсечённая голова с застывшим криком; торс, выпотрошенный ударом клинка.

И если павший был достоин, если его агония заставила трибуны взрывать от восторга, они не пользовались крючьями. Два или три служителя подходили к останкам с мрачной торжественностью. Они выносили героя на руках. Под эту процессию арена взрывалась аплодисментами. Это была высшая похвала — быть унесённым не как падаль, а как легенда.

Затем тяжёлые ворота со скрежетом открывались снова. На несколько мгновений воцарялась тишина, нарушаемая лишь нетерпеливыми щелчками с трибун. И в этот вакуум выходила новая партия обречённых. Они шли утолить вечный голод арены и её нечеловеческих хозяев, которые с холодным любопытством взирали на всё со своих почётных мест.

Сегодня побоище достигло пика за всю пятистолетнюю историю амфитеатра. Древние камни стали свидетелями столкновения двух миров, достигших совершенства в искусстве убийства. С одной стороны — человечество, чья жестокость отточена бесконечными войнами на выживание. С другой — «Хищники», раса, превратившая охоту в священный культ, где смерть является высшей формой искусства. Это была проверка прочности двух эволюционных вершин. Арена дрожала от ужаса и восторга, наблюдая, как её песок становится эпицентром вселенской бойни.

Над полем повисло напряжённое молчание. Песок под ногами начал оседать, поглощая последние капли крови. Здесь остались только трое, которых распорядители приберегли на десерт. Принц Радомир, наследник древних земель, воплощал собой холодную рассудительность. Его серо-стальной взгляд проникал в самую суть противника, выискивая слабость там, где другие видели лишь непробиваемую броню. Он просчитывал траекторию первого удара. Рядом — принцесса Эрика. Высокая, гибкая, с волосами цвета меди. Она сжала рукоять меча так, что костяшки побелели, но губы кривились в усмешке. Она приняла неизбежность этой последней битвы. Третий — Охотник. Худощавый и быстрый, он месяцами изучал повадки животных в пустошах. Вместо тяжёлого оружия в его руках блестели короткие кинжалы. Он полагался не на силу, а на точность. Эти трое смотрели на противников со смесью уважения и ненависти. Ведь они вышли сюда не просто выжить. Им нужно было доказать, что человек — не добыча, а соперник.

В противоположных воротах возникли три фигуры. Отсутствие привычных боевых масок и доспехов делало их лишь страшнее. Их грубая серая кожа бугрилась мышцами и была испещрена шрамами: белыми рубцами от когтей и рваными отметинами клыков неведомых зверей. Это были "Хищники" — гладиаторы, элита, лучшие из лучших, чья плоть сама по себе стала броней, закалённой в тысячах поединков. Какофония щелчков с трибун усилилась, подтверждая их статус.

Они подняли правые руки с клинками и полоснули по левым ладоням, окропив песок своей кровью в дань уважения арене и павшим. Медленно вступив в круг, они поприветствовали публику и сидящих в отдельном ложе вождя и старейшин. Первый гладиатор вооружился небольшим железным щитом и двулезвийной секирой. Второй держал сеть и телескопическое копьё. Третий выпустил из наручей продолговатые спаренные когти-кинжалы. Все трое, как по команде, приняли боевую стойку. Медленно, с хищной грацией и оскалом, они начали окружать троицу людей, беря их в клещи.

Танец смерти.

У троицы людей, как и у "Хищников", было достаточно времени, чтобы изучить тактику ближнего боя друг друга. Сердца Радомира и Эрики переполняла холодная ярость при виде того, как на их глазах самоотверженно бьются и гибнут братья по оружию. Перед тем как выйти на арену, Охотник поделился наблюдением, что "Хищники" не пользуются грязными приемами даже перед смертельной опасностью.

— Нам нечего терять, — прошептал Охотник. — Хищник гордится своей честью. Они не станут бить в спину или целиться в пах. Этим мы и воспользуемся.

— Они благородны? — спросила Эрика.

— Они высокомерны, — поправил Охотник. — Удар снизу считается оскорблением их мастерства. Они ожидают лобового размена. Заставьте их уворачиваться, сбейте им прицел резким уходом вниз. Когда такой гигант пытается повернуться на месте, его инерция становится его слабостью.

Смертельная схватка началась. Это был настоящий танец смерти. Искусство владения оружием поражаало воображение: молниеносные выпады сменялись точными блоками, а контратаки приходили оттуда, откуда их ждали меньше всего. Трибуны ревели в экстазе.

Однако после десяти минут ожесточенного боя силы начали покидать Радомира, в то время как его противник не выказывал ни малейшего признака усталости. И тогда принц сделал вид, что выдохся: опустил плечи и ослабил хватку на мече. "Хищник-гладиатор" с секирой сразу клюнул на наживку. Он шагнул ближе, занося оружие для смертельного удара сверху вниз. Вместо этого Радомир резко присел. Секира со свистом прошла над плечом, а меч принца снизу вверх, вспорол брюхо Хищника. Тот взвыл от боли, но не от злобы — от унижения. Потеряв равновесие, под следующим ударом он рухнул замертво.

Эрика действовала иначе. Она увидела, как её противник раскручивает сеть. Женщина сделала шаг назад, притворяясь растерянной. Когда Хищник бросил тяжелую ячеистую паутину, она скользнула в сторону и швырнула ему в лицо горсть мелкого аренного песка. Пока монстр судорожно тер ослепленные глаза, принцесса нанесла серию коротких, хирургически точных ударов: сначала по суставам рук, затем под ребра. Последний удар рассек гортань. Демон пустоши упал на колени, захлебываясь кровью, так и не веря, что его одолел столь ничтожный противник.

Охотник играл на психологии. Он позволил своему врагу зайти за спину, а затем стремительно развернулся. Его короткий клинок метил не в жизненно важные органы, а в пах. Прием был трусливым, грязным, но эффективным. Хищник взревел от дикой смеси боли и ярости, пошатнувшись, но Охотник уже нанес следующий удар — точно в висок.

Эта стратегия сработала благодаря простому факту: "Хищники-гладиаторы" считали человеческие уловки признаком слабости и страха. Троица людей воспользовалась этим слепым высокомерием, добавив к своему мастерству коварство. Так начался обратный отсчет. Этот бой доказал простую истину: кодекс чести хорош для турниров, но на арене выживает лишь тот, кто готов сломать любые правила ради победы.

Только один!

Наступила мертвая тишина. Казалось, даже зрители затаили дыхание. Трое выживших обменялись быстрыми взглядами, и в их сердцах ледяной иглой шевельнулась тревога. Внезапно раздался скрежет огромных ворот. Звук вернул ощущение реальности. На арену вышел "Хищник-чемпион". Его тело представляло собой сплошную массу рельефных мышц — он был крупнее всех своих сородичей. Кожа была увешана оберегами из черепов мелких животных и птичьих перьев. Боевой раскрас переливался оттенками синего и черного в свете факелов — знак высшего ранга. Он медленно обошел бойцов, разглядывая их, затем издал серию щелчков разной частоты.

— Он говорит, что уйти живым может только один из нас, — перевел Охотник через амулет на шее. — Решайте, кто именно.

Герои переглянулись. Предложение прозвучало как издевка. Выбор между жизнью друзей?

— Нет, — тихо произнес Радомир. — Мы не станем выбирать. Лучше умереть всем, чем продать право на жизнь за счет других.

— Тогда покажем им настоящее мужество, — добавила Эрика. — Вместе.

Чемпион удовлетворенно кивнул. Битва возобновилась, но теперь ставки выросли многократно.

Гладиатор замер в центре арены. Его черные дреды мягко качались на ветру. Он не взял оружия — его тело само было арсеналом. Длинные пальцы оканчивались когтями, острыми как бритвы и прочными как легированная сталь. Они поблескивали в полумраке, жажда плоти.

— Начнем! — прогремел чемпион, и трибуны взорвались стрекочущим гулом. Радомир, Эрика и Охотник заняли классическую боевую стойку. Они знали, что это финал.

Чемпион сделал шаг вперед и просто исчез из одной точки пространства, чтобы возникнуть прямо перед Радомиром. Реакция принца была безупречной — клинок со свистом рассеял воздух там, где мгновение назад стоял враг. Но гладиатора там уже не было. Лишь порыв горячего ветра взметнул песок.

Человеческий глаз не способен уловить такую скорость. Радомир почувствовал колебание воздуха слева. Слишком поздно. Лапа Хищника, длиной с человеческую руку, проткнула кольчугу и вошла в грудь. Это было чудовищное, методичное проникновение. Когти вошли между ребер с влажным хрустом, словно нож в масло. Принц захлебнулся воздухом, глаза расширились от невыносимой боли. Он смотрел вниз, видя чужую руку по локоть в своей плоти. Чемпион не спешил. Наклонив уродливое лицо к лицу человека, он наслаждался моментом абсолютного превосходства. Затем пальцы сжались внутри грудной клетки. Раздался звук разрывающейся ткани. Одним молниеносным движением Гладиатор вырвал руку. Последнее, что увидел принц, — собственное сердце в когтистой лапе. Оно еще билось несколько мгновений, разбрызгивая кровь на белый песок. Тело обмякло, рухнуло навзничь и дернулось в последней конвульсии. Над ним возвышалась фигура убийцы, держащая в окровавленной ладони еще теплое сердце.

Эрика закричала. Этот крик был наполнен не страхом, а чистой яростью. Она бросилась вперед, ведомая слепым желанием мести. Ее выпад был отчаянным и предсказуемым. Хищник небрежно отбил меч тыльной стороной ладони; металл жалобно зазвенел, вылетая из рук принцессы. Прежде чем она успела осознать потерю оружия, он оказался у нее за спиной. Одно стремительное движение. Острые когти прочертили идеальную горизонтальную линию поперек ее живота. Мир для Эрики сузился до огненной полосы боли. Она почувствовала, как горячие внутренности начинают вываливаться сквозь разрезанную ткань одежды, обжигая кожу. Ноги подкосились. Она упала на колени, глядя на руки, которые инстинктивно пытались затолкнуть обратно то, чему положено оставаться внутри. Кровь хлестала ручьем, смешиваясь с песком в липкую грязь. Жизнь покидала тело вместе с теплом, оставляя лишь ледяной ужас.

Охотник остался один. Время для него замедлилось, растянулось в пытку. Ярость затмила страх. Он зарычал, низко и утробно, ринувшись в атаку. Чемпион возник прямо перед ним. Не став блокировать удар, он шагнул навстречу и выбросил руку вперед. Удар кулаком пришелся точно в центр груди. Это было похоже на столкновение с тараном. Воздух мгновенно покинул легкие, послышался глухой хруст ломаемых костей. Силой инерции Охотника подбросило в воздух и швырнуло назад. Он пролетел несколько метров и врезался спиной в каменную стену. Сползая по кладке, оставляя кровавый след, он замер бесформенной грудой у подножия трибун. Он был жив, сознание мутилось от болевого шока, но тело больше не слушалось команд мозга. Каждое движение отзывалось адской болью в сломанных ребрах.

Чемпион подошел к нему. В руке возникло телескопическое копье одного из погибших Хищников. Наступив на грудь Охотника, он с наслаждением смотрел, как тот борется за каждый вдох. Амулет-переводчик четко транслировал громогласный треск трибун:

— Убей! Убей! Убей!

— Ты храбр, — прошипели щелчки. — Но твой род обречен. Копье взметнулось в небо. Чемпион прицелился, смакуя момент. И с тихим свистом вонзил его в грудь.

За гранью.

То, что произошло дальше, находилось за гранью понимания как для Хищников, так и для Эрики. Принцесса сидела у стены Арены, вся в крови, обречённо цепляясь за последние мгновения жизни и пытаясь удержать внутренности внутри.

Как только острый наконечник копья коснулся груди Охотника, из-под его нагрудника вырвалась ослепляющая вспышка молнии. Раздался оглушительный треск электрического разряда, сопровождаемый мощной ударной волной. "Хищника-Чемпиона" отбросило назад с такой силой, что он с громким хрустом переломанных костей врезался в массивные ворота Арены и мгновенно скончался.

Вся арена замерла в ужасе. Наступила гробовая тишина. Массивные створки ворот приоткрылись, и бездыханное тело чемпиона рухнуло на песок. В направлении Охотника вышли Великий Вождь Клана «Когтей Судьбы» и Главный Старейшина. Подойдя к дымящемуся телу, вождь увидел привязанный к его груди круглый диск и, указывая на него, спросил:

— Что это, отец?

— Это наш путь домой, сын! — с волнением ответил старый "Хищник", старейшина.

— Что?! — изумился вождь.

— Сын мой, мы летим домой! — уже твердо произнес Главный Старейшина, положив руку на плечо Великого Вождя.

По трибунам, скованным страхом, прокатился ропот любопытства. Вождь повернулся к трибунам, поднял жезл власти и громогласно заявил:

— Мой народ! Мои братья и сестры! Время наших долгих поисков и скитаний подошло к концу. Мы летим домой!

Сначала трибуны молчали. Затем раздалась робкие щелчки одобрения. Постепенно они переросли в мощный хор, и вскоре амфитеатр вновь взорвался радостными возгласами.

Великий вождь присел на корточки, чтобы забрать диск, но Старейшина остановил его жестом.

— Вождь, мы не можем забирать трофеи у живых врагов. Только у мертвых. Так гласят наши древние законы!

— Но он же... — Вождь осекся на полуслове.

Тело Охотника содрогнулось в кашле. Хриплый звук возвестил о том, что он жив.

— Срочно людей в лазарет! Немедленно! — громко приказал Старейшина. Служители арены в мгновение ока подхватили тела Охотника и принцессы Эрики, унося их прочь.

— Но Отец, лишь один из них может покинуть арену. Таков закон!

— Верно, Великий Вождь. Но наш чемпион мертв, а значит, формально новым чемпионом является Охотник. Женщина-воин с таким ранением долго не протянет, считай, что она уже мертва. Но сейчас она нужна нам живой, чтобы заполучить этот диск. Он — старт-ключ нашего корабля.

— Верно, Великий Вождь. Но наш чемпион мертв, а значит, формально новым чемпионом является Охотник. Женщина-воин с таким ранением долго не протянет, считай, что она уже мертва. Но сейчас она нужна нам живой, чтобы заполучить этот диск. Он — старт-ключ нашего корабля.

— Твоя мудрость освещает нам путь во тьме, отец!

Глава 7

Я вспомнил всё!

Охотник очнулся. Ощущения напоминали криокапсулу, вот только здесь было намного теплее. Обшарив руками пространство, он понял, что лежит в ванне, погруженный в густую теплую жижу. Охотник сел и сорвал с лица дыхательную маску. Диск-спаситель всё так же был крепко привязан к его груди. Сердце забило чаще, дыхание участилось. На лице отразилась целая гамма чувств: удивление, радость и волнение. Еле сдерживая эмоции, он прошептал:

— Я вспомнил... я вспомнил всё!

Перед внутренним взором пронеслись добрые лица родителей, первая учительница, пыльные аудитории университета, отряд астронавтов, бесконечные тренировки, тесты, полеты, прощание с Землей и трагичную гибель жены. Но потом что-то пошло не так.

Она очень была похожа на Землю — на ту, какой та была триста миллионов лет назад: дикую, первобытную, окутанную непроходимыми джунглями, занимавшими почти всю поверхность, не знавшую ни топора, ни огня. Открытие этой планеты стало для умирающей колыбели человечества не просто надеждой — оно было подобно Второму пришествию. Последним шансом на спасение.

Мартин Джетт Батиста, капитан межзвездного корабля «Ковчег» со ста миллионами колонизаторов в состоянии криосна на борту, прибыл к спутнику газового гиганта «Кеплер-2026GG-Доминик», «Кеплер-2026EG-Вентура». Корабль, дрейфовавший тысячелетие в абсолютной пустоте, наконец, достиг цели. Математика не подвела. Но путь к этому спасению был вымощен не молитвами фанатиков, а холодным расчетом астрофизиков и титаническим трудом инженеров. Складки пространства-времени, сшитые сверхчеловеческими усилиями давно вымерших конструкторов, привели их сюда. Так закончился первый этап миссии.

Начался второй этап — не менее долгий и изматывающий. Тысячу лет кипела колоссальная работа. Бортовой ИИ «Ковчеха» не стал уничтожать этот мир. Он начал его переписывать. Первым делом — небесная механика. В системе доминировал газовый гигант «Доминик». Его аномально низкая гравитация на дальней орбите стала ключом к спасению. Используя сеть гравитационных буксиров и колоссальные термоядерные двигатели на захваченных астероидах, машины начали корректировку орбиты «Вентуры». Это был танец на лезвии бритвы. Сдвинуть планету на градусы и миллионы километров, чтобы стабилизировать климат и приблизить сутки к земным. Наклонить её ось вращения относительно гиганта так, чтобы сгладить сезонные перепады температур, укротить бесконечные муссоны и гигантские приливы. Планета сопротивлялась: тектонические плиты отзывались чудовищными землетрясениями, океаны выходили из берегов. Но машины были терпеливы. Они просчитывали каждое действие на тысячелетия вперед. Медленно, век за веком, климат становился предсказуемее. Затем — биосфера. С орбиты распылили споры модифицированных лишайников и цианобактерий, способных связать избыток кислорода и подготовить почву. Далее подошла очередь растений, насекомых, птиц и животных. Планета продолжала сопротивляться: её собственная жизнь оказалась слишком агрессивной и конкурентной.

И когда климат стабилизировался, пришло время людей. Планово, партиями, равномерно распределяя колонизаторов по отвоеванным территориям, те приступили к завершающей стадии колонизации, вооружившись бесчисленной армией строительной техники. А затем произошло непредвиденное. Это не было атакой в привычном понимании. Не было ни метеоритного дождя, ни извержения вулкана. Планета словно сделала единый осознанный вдох, и вся мощь, скрывавшаяся в глубинах бескрайних джунглей, бросилась на пришельцев. Она отторгала чужеродную жизнь с яростью первобытного бога. Это была единая, разумная био-

масса — живой ураган из миллиардов существ. Это был не гнев, а иммунный ответ. Колонизация сменилась фортификацией. Вся строительная мощь человечества была брошена на одну задачу — отделиться от планеты. Стены. Не жалкие периметры вокруг баз, а исполинские укрепления планетарного масштаба. Вдоль границ отвоеванных секторов начали расти монументы отчаяния и надежды.

Совет.

Зал Совета, казавшийся монолитным куском обсидиана, был поглощён тьмой. Лишь тусклое пульсирующее свечение биолюминесцентных лиан, оплетающих стены, выхватывало из мрака хищные силуэты Старейшин клана. Их дреды-щупальца нервно подрагивали в такт мерцанию. Взору Капитана открылся колоссальный зал, увешанный трофеями тысяч цивилизаций: черепами невообразимых тварей, покорёженными экзоскелетами и оружием, принцип действия которого Мартин не мог даже вообразить.

Тишину, плотную, как саван вакуума, разорвали сухие щелчки Старейшины. Они не звучали — они впились в мозг, и лишь ожерелье-переводчик на шее Мартин превращало эту какофонию в понятную речь.

— Ты единственный человек, чей взгляд не стекленеет от первобытного ужаса при виде нас, — проскрипел переводчик. — Твоя психика не рассыпается в прах. Значит, ты уже знаком с нашей расой. Твой родной язык... он странен. В отличие от языка «древних», для нас это закрытая книга, зашифрованный шепот мёртвой звезды. Это странно, ведь в наших архивах есть диалекты всех разумных существ и даже предсмертные крики зверей с окраинных миров. Полагаю, ты с того мёртвого звездолёта, что уже несколько тысяч лет кружит на орбите, словно надгробный памятник сгинувшей эпохе. Как тебя зовут, воин? Откуда ты?

Голос ожерелья был тихим, но каждое слово било точно в цель, эхом отражаясь от чёрных стен зала.

Мартин почувствовал ледяной разряд вдоль позвоночника. Он сжал кулаки так, что побелели костяшки и заныли старые шрамы. Все инстинкты кричали об опасности, требуя бежать или драться, но сейчас его волновало лишь одно. Холодный пот прошиб спину, а сердце пропустило удар, ухнув куда-то в пустоту.

— Меня зовут Мартин Джетт, — хрипло выдохнул он, и голос дрогнул от едва сдерживаемой паники. — А где Эрика? Что с ней? Она... она жива?

Старейшина медленно, с механической грацией повернул массивную голову. Его глаза-бусины не выражали ничего — ни сострадания, ни злобы. Это был взгляд вечности.

— Она в безопасности, — проскрежетал переводчик. — Её раны были смертельными для вашего вида, но наши лекари удерживают её дух в теле, сплетая нити жизни заново. Возможно, они смогут её исцелить. Всё зависит от вас.

Его голос оставался спокоен, как мёртвая, изъеденная кратерами поверхность луны.

Мартин шумно втянул воздух. Надежда, острая и болезненная, пронзила его насквозь.

— Я капитан звездолёта «Ковчег», — он выпрямился во весь рост, глядя прямо в непроливаемые лица Хищников. — Да, я знаком с вашей расой. Тысячелетиями вы тайно прилетали на мою планету в самый жаркий год. Племена индейцев называли вас духами джунглей, мы же — «Хищниками». Собрав лучших воинов со всей планеты, вы устраивали на них сафари. Считали нас своей дичью. Он сделал паузу.

— А то, что координаты моей планеты и мой язык вам неизвестны... говорит лишь об одном: никто из ваших охотников не возвращался живым.

В зале повисла звенящая тишина. Вождь клана — массивная гора мышц, возвышавшаяся над остальными на добрых полметра, — медленно подался вперёд. В его позе читалось не недоумение, а искреннее непонимание того, как такая кощунственная концепция может существовать в упорядоченной вселенной.

— Что значит — «не возвращался живым»? — пророкотал он. В его голосе не было страха, лишь холодное любопытство высшего хищника.

— Это значит, что те, кого вы считали дичью, убивали самих охотников, — спокойно ответил Мартин.

Реакция была мгновенной и оглушительной.

— Что?! — с нескрываемым первобытным гневом вождь вскочил на ноги. Мощные когти царапнули подлокотник трона. — Хищник не может быть дичью! Мы — вершина!

— Для себя — да, — голос Мартин оставался ровным, хотя внутри всё клокотало. — А для людей — нет.

На мгновение вождь застыл. В его чёрно-жёлтых глазах мелькнула искра хищного интереса.

— Хм... На вашей планете очень хорошие охотники. Я бы с удовольствием посетил её. Для меня это было бы честью! Получить такой трофей... — сев обратно на каменное кресло, он мечтательно провёл когтем по подбородку.

Мартин горько усмехнулся, и эта усмешка была страшнее любого крика.

— Уверю вас, Вождь, в этом было бы мало чести. Люди-охотники убили бы вас так же хладнокровно, как вы убивали их. А вашу голову прибили бы как трофей к стене над камином.

Это стало последней каплей. Вождь взревел так, что вибрация прошла по полу зала, заставив мелкую крошку осыпаться со стен. Он вскочил во весь исполинский рост, сотрясая воздух негодованием. Его лицевые мандибулы и клыки-отростки заходили ходуном на искажённом яростью лице, с них закапала густая слюна.

Старейшина же не шелохнулся. Он был неподвижен, как сама вечность. Медленно подняв руку, он обратил раскрытую ладонь к беснующемуся вождю. Этот простой жест обладал большей властью, чем любой крик.

— Великий Вождь, усмирите свой гнев, — с абсолютным спокойствием произнёс Старейшина. Его голос прозвучал подобно монолитной скале посреди бушующего океана ярости — Ожерелье-переводчик не определило в его словах лжи или искажения смысла. Значит, в их правдивости сомнений нет. Это меняет всё. Нам пора выдвигаться. Путь к Истине требует действий и хладнокровия, а не криков уязвлённой гордыни.

Погребальный костёр.

Пламя погребальных костров взмывало к темному небу, поглощая останки павших. Голубой огонь биолюминесцентного хвороста отбрасывал на лица живых причудливые тени. Великий Вождь клана «Когтей Судьбы» Тар'Кхор* стоял у самого края каменного парапета, глядя на то, как серебристый пепел человеческих достижений развеивается ветром.

Он медленно повернул свою массивную голову. Его глаза-бусины, в которых отражалось пламя, уставились на Охотника.

— Пятьсот циклов назад наши предки прилетели сюда, — проскрежетал переводчик, но Мартин слышал не механический голос ожерелья, а древнюю боль, стоявшую за каждым словом. — Их вела великая мечта — превратить эту забытую всеми пустошь в самое грандиозное охотничье угодье во всей галактике. Оно идеально подходило для этого!

Вождь сделал широкий жест когтистой рукой, обводя безрадостный пейзаж.

— Неисчислимое количество хищных, смертельно опасных тварей, что обитали на этой планете и в ближайших системах, обещало нам тысячелетия славы. Мы видели этих существ... Гиганты! Идеальная добыча для истинных воинов.

Он замолчал на мгновение, и в этой паузе слышался лишь вой ветра в скалах да треск пожираемого огнем дерева.

— Люди уже были здесь. Жалкие, грязные создания. Они занимались выживанием. Их слабость и примитивность нас не привлекала. Вы не охотники. Вы падальщики, копающиеся в земле.

Вождь шагнул ближе. От него пахло озоном, кровью и раскаленным металлом.

— Тогдашний Великий Вождь клана Кхор'Рах решил лично ознакомиться с потенциалом пустоши. Он вошел в лабиринты нижних пещер для разведки, но бесследно пропал. Как и бывший при нём старт-ключ от звездолёта.

Мартин почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он подошел почти вплотную, и капитан физически ощутил исходящую от гиганта волну сдерживаемой веками ярости и бессилия.

— А без старт-ключа все основные системы корабля мертвы. Двигатели спят, щиты погашены. Мы застряли здесь, на этой проклятой планете. Пятьсот лет!

Его голос сорвался на рык, эхом отразившийся от стен Арены.

— Пятьсот лет мы — величайшие охотники галактики — сидим в клетке собственного позора! Все эти пятьсот лет несколько поколений не прекращали ни на день поиски останков Вождя и самого ключа. Мы заглянули под каждый камень, в каждую расщелину, в каждое пересохшее русло реки пустоши. Мы прочесали каждый километр этого ада! Но всё было тщетно.

— Это было долгим и тяжёлым испытанием для всего нашего клана, — тише продолжил он, сжимая рукоять своего жезла так, что затрещали костяшки пальцев. — Испытанием нашего духа, нашей веры. Но мы прошли его с честью и достоинством! И теперь я вижу знак...

Вождь посмотрел на капитана в упор.

— Наши предки не оставили нас! — проревел он прямо в лицо человеку. — Раз духи наших предков ниспослали нам тебя! Ты пришел оттуда же, откуда пропал Великий Вождь Кхор'Рах. Твой язык закрыт для нас, значит, ты хранишь много тайн.

Вождь отступил на шаг, тяжело дыша; его мандибулы нервно дергались.

***Тар'Кхор** - Страж и защитник своего народа.

Эхо предков.

Небольшой отряд, состоявший из Старейшин клана, Вождя, его лучших воинов и Мартина, выдвинулся в путь. Дорога лежала к космическому кораблю клана «Когти Судьбы».

К полудню третьего дня изнурительного марша, когда пот, смешанный с вездесущей пылью, превратился в грязную корку на коже, а лёгкие горели от раскалённого сухого воздуха, они достигли цели. Воздух дрожал и плавился над Великой каменной пустошью под испепеляющими лучами Антарио, рождая призрачные миражи озёр и тенистых рощ. Но то, что открылось их взорам за очередным хребтом из чёрного базальта, не было иллюзией.

Это был он — древний межзвёздный корабль, мёртвый остов, погребённый в камне. Его исполинские размеры подавляли волю и разум. Он не стоял на земле — он врезался в неё, словно колоссальный чёрный кинжал, брошенный рукой разгневанного бога, или металлический айсберг, рухнувший с небес. Его покатый, хищный силуэт, наполовину скрытый в толще скал, всё ещё хранил в обводах память о запредельной скорости и разрушительной мощи, которые он нёс сквозь холодную пустоту тысячелетия назад. Мартин, вынужденный запрокинуть голову так, что заломило шею, ощутил себя пылинкой у подножия рукотворной горы.

До самой середины некогда гладкий, зеркальный корпус укрывал живой саван. Многовековые лианы, иссушенные зноем до каменной твёрдости, но всё ещё цепкие, как сама смерть, туго оплетали броню, словно пытаясь удержать гиганта на месте. Вездесущий серый мох и лишайники, питающиеся металлом и влагой редких туманов, превратили обшивку в подобие древней скалы, стирая грань между творением разума и бездушной природой. Лишь в некоторых местах из-под этой органической поросли проглядывали тусклые символы клана, покрытые густой патиной, — единственное напоминание о том, кому принадлежал этот космический левиафан.

Вождь остановился у подножия монолита. Его лицо, испещрённое шрамами и глубокими ритуальными насечками, впервые исказила гримаса столь сложная, что её невозможно было прочесть. В ней смешались благоговение перед величием предков и глубокая личная скорбь. Он смотрел на своего мёртвого прародителя.

Пробуждение древнего гиганта.

— И как его запустить? — голос капитана, хриплый от жажды, ввевшейся пыли и нечеловеческого напряжения, дрогнул. В нём смешались скепсис, ставший частью костей, и внезапно вспыхнувшая отчаянная, почти безумная надежда. Он сделал ещё один шаг к мёртвому исполину, и гравий под сапогами показался оглушительно громким.

— Приложи диск, что на твоей груди, к корпусу корабля, — голос Старейшины был подобен шелесту тысячелетнего песка, но в этой звенящей тишине его слышали все. — Это ключ, созданный из генетического кода нашего рода. Он признает кровь.

Сердце Мартина колотилось где-то в горле, заглушая вой ветра в пустоши. Медленно, словно боясь спугнуть хрупкий мираж или рассыпать всё в прах резким движением, он развязал тугие верёвки накидки, врезавшиеся в кожу и натёршие шею. Металлический диск, который он носил все эти дни, не зная его истинного предназначения, скользнул в ладонь. Металл был тёплым, почти живым, и пульсировал едва заметным внутренним светом. Капитан сделал последний шаг. Воздух вокруг казался густым и тяжёлым. Он осторожно, почти благоговейно, прижал диск к заросшему жёстким мхом и окаменевшим лианами борту звездолёта.

Всё замерло. Казалось, само время остановилось, скованное напряжением момента. Воины клана затаили дыхание так, что их могучие грудные клетки перестали вздыматься. Даже дреды-щупальца, обычно жившие своей нервной жизнью, безвольно опали и застыли. У старейшин, чьи лица были непроницаемы, теперь заметно тряслись сухие когтистые руки.

Но ничего не произошло. Прошла секунда. Другая. Десятая. По-прежнему лишь ветер свистел в скалах, насмехаясь над надеждой. Блеск, мелькнувший было в нечеловеческих глазах Вождя, неумолимо вытеснялся глухим разочарованием и свинцовой тяжестью веков. Один за другим "Хищники" опускали головы, их плечи ссутулились под гнётом пятисотлетней безысходности. Пятьсот лет поисков закончились здесь, у порога дома, в который им не суждено войти.

— Нет! — взревел Вождь. Его рык был полон такой звериной ярости и отчаяния, что мелкие камни у подножия корабля задрожали. — Этого не может быть! Ключ должен работать! Должен!

И вдруг... капитан почувствовал это. Лёгкую, едва заметную дрожь под кончиками пальцев. Она была похожа на первый толчок пробуждающегося вулкана — слабая, неуверенная, но несомненная пульсация жизни. Дрожь нарастала с каждой секундой, переходя из вибрации в глубокую, утробную пульсацию сердца.

— Тихо! — хрипло крикнул Мартин, вскидывая свободную руку так резко, словно хотел поймать этот звук в воздухе. Глаза его были широко раскрыты и блестели от шока. — Слушайте! Что-то происходит там... глубоко внутри!

Вождь отреагировал мгновенно. Одним текучим прыжком он оказался у корпуса и с размаху приложил к нему обе свои огромные ладони. Замерев на долю секунды, он резко оторвал их от металла с гортанным возгласом, похожим одновременно на крик боли и экстаза. Его взгляд, полный неверия и первобытного восторга, пополз вверх по обшивке.

Через минуту тишину разорвал звук, от которого стыла кровь. Это был долгий стон пробуждающегося гиганта: невыносимый визг заржавевших приводов смешивался с низким гулом реактора и скрежетом металла о металл. На теле исполина, прямо над головами застывших в ужасе "Хищников", появилась тонкая раскалённая щель. Она стремительно расширялась, исторгая ослепительное белое сияние и клубы пара там, где свет касался векового льда внутри. Гигантские ворота посадочного шлюза начали медленно, с мучительным скрипом открываться

наружу. Из чёрного чрева вырвался многовековой спёртый воздух — ледяной поток затхлого холода, сухой пыли и призраков прошлого. Это был последний вздох мёртвого корабля перед тем, как он окончательно вернулся к жизни.

Межзвёздный дом.

Медленно, словно боясь спугнуть чудо, вся группа переступила порог исполинского шлюза. Воздух внутри был спёртым, вековым, пахнувшим озоном и чем-то древним, но он был живым. Первый шаг по палубе отозвался гулким эхом, прокатившимся по отсекам. Воины двигались с опаской; их шаги были полны священного трепета и детского любопытства. Они вернулись домой.

Внутреннее пространство освещалось тусклым жёлтым светом аварийных ламп, выхватывающим из полумрака фрагменты реальности. Стены испещряла сложная вязь иероглифов и клановых меток, высеченных в металле с нечеловеческой точностью. Они шли по длинным коридорам, поднимая облачка вековой пыли. Вдоль стен стояли статуи древних Великих вождей и легендарных охотников. Их каменные лица были суровы, а в глазницах некоторых тускло мерцали драгоценные камни. За спинами в нишах покоились трофеи — отполированные черепа существ, которых не смог бы вообразить ни один земной ксенобиолог.

Поднявшись по широким винтовым лестницам из тёплого на ощупь материала, похожего на чёрный мрамор, они достигли сердца корабля. Отсек управления представлял собой полусферический зал с гигантской консолью. Главный Старейшина подплыл к главному пульту и указал когтистым пальцем на круглую, потемневшую нишу.

— Положи диск сюда. Это гнездо для ключа-генератора.

Капитан Мартин, у которого пересохло во рту, сделал шаг вперёд. Аккуратно вставив диск в паз, он услышал тихий щелчок, похожий на удар часов в полночь. И корабль проснулся. Ниша вспыхнула чистым белым светом, побежавшим по контурам консоли живой ртутью. Ожили приборы: замелькали строки данных на голографических экранах, зажглись объёмные карты звёздных систем. Тишину взорвал симфонией жизни низкий гул реактора, слившийся с писком диагностики и шелестом сервоприводов. Освещение сменилось с жёлтого на ровный белый дневной спектр.

Воины и старейшины, забыв о выправке, разбрелись по кораблю. Они касались панелей дрожащими руками, проверяя показания. На их лицах-масках читалось чистое восхищение. Они гладили броню предков и перешёптывались на своём языке. А главная консоль проводила полную диагностику всех систем — от щитов до вооружения, возвращая к жизни величайшую машину смерти из когда-либо созданных.

Свободу!

Запасы провизии, очищенной воды и сжатого воздуха были пополнены до максимума. Всё необходимое для долгого полёта сквозь пустоту загрузили в бездонные трюмы пробудившегося левиафана. Звездолёт был готов.

Великий Вождь со свитой из лучших воинов, Старейшины в церемониальных масках и капитан Мартин вышли к грузовому шлюзу. Тяжёлые створки ворот распахнулись, образуя широкий проход, залитый внутренним светом и ведущий в новую жизнь. Перед ними, у подножия опущенного трапа, колыхалась огромная пёстрая толпа — весь клан. Зелёно-серо-жёлтая масса тел, дредов и брони, освещённая безжалостным солнцем Антариио.

Вождь воздел руку, и над пустошью разнёсся его усиленный динамиками голос:

— Наследники «Когтей Судьбы»! Наша пятивековая ярость утолена! Эта планета усеяна костями поверженных нами чудовищ, чьи трофеи прославили наш народ! Ковчег «Звёздный Охотник» стряхивает пыль веков! Его двигатели вторят зову бездны, призывая нас в путь! Объявляю начало посадки! Открыть посадочный шлюз! Отправляемся домой — к нашим истинным звёздам!

Толпа издала единый оглушительный рёв восторга и медленно, организованно, словно единый организм, поползла вверх по широченному трапу. Это было величественное и пугающее зрелище — исход целого народа. Однако у подножия трапа осталась стоять значительная группа. Они не двигались с места, словно вросли корнями в выжженную землю.

Вождь и Старейшины, выслушав последние слова благодарности от поднявшихся на борт, недоуменно обратили взоры на тех, кто медлил. Терпение правителя иссякло.

— Почему вы встали?! — прогремел его голос. — Не задерживайте вылет! Все на борт!

Из толпы вышел один из Хищников. Без шлема, его лицо покрывали шрамы не от охоты, а от тяжёлого труда. Он шагнул вперёд и громко ответил:

— Мы не летим с вами! Мы решили остаться здесь! Его голос звучал твёрдо. Для элиты это прозвучало как гром среди ясного неба.

— Что?! — Вождь задохнулся от ярости. Это было святотатство. Его рык сорвался на хрип. Он взмахнул рукой, и личная гвардия мгновенно выстроилась в линию у трапа. Воины синхронно активировали когти, клинки и копья. Воздух наполнился низким гудением готового к бою оружия.

— Кто это? И почему они отказываются лететь? — тихо спросил капитан у стоявшего рядом Старейшины. — Это Нароби, — так же тихо проскрипел тот. В его голосе слышалось презрение и скрытый страх. — Низшая каста. Слуги, рабочие, фермеры, шахтёры...

— Если вы сейчас же не подниметесь на корабль, вас ждёт смерть! — громогласно заявил Вождь. Его воины одновременно издали боевой клич — вибрирующий рёв, от которого стыла кровь. Они ждали лишь команды к атаке.

Но произошло неожиданное. В руках слуг возникло оружие, мало чем отличавшееся от боевого арсенала элитных охотников. Мартин похолодел. Это была не горстка рабов, а маленькая армия. А в их глазах больше не было покорности — пылала первобытная решимость тех, кому нечего терять.

— Да как вы смеете, чернь, брать в руки оружие! Эта привилегия принадлежит только воинам! Приготовиться к бою! — скомандовал Вождь.

— Мы хотим быть свободными! — раздался крик из толпы, подхваченный десятками глоток. — И мы останемся здесь! Живыми или мёртвыми!

Напряжение достигло пика. Две группы вооружённых «Хищников» стояли друг против друга. Казалось, сейчас прольётся кровь. И тут вперёд выступил Главный Старейшина Кхор'Ят*. Он медленно поднял открытую ладонь, останавливая готового броситься в бой Вождя. Окинув взглядом серьёзно настроенную «чернь», он заговорил. Голос его был спокоен, но разносился над пустошью с силой удара молота:

— Нароби! Вы нарушаете священные законы! Ваша каста всегда служила нам — клану «Когтей Судьбы». Без нашей защиты вы погибнете все до единого за считанные месяцы! Подумайте о своих женщинах, стариках и детях! Вам не выжить здесь без нас!

— Мы лучше погибнем здесь, чем полетим с вами! — скандировала толпа. — Свободу Нароби!

Слова ударили в уши Вождя, словно пощёчина. Он стоял на вершине трапа, отбрасывая длинную тень на тех, кого привык считать инструментом. Мартин видел, как напряглась каждая мышца гиганта, чувствуя волну ярости, почти физически осязаемую.

Ситуация стала катастрофической. После гладиаторских боёв ряды воинов сильно поредели. Сейчас у Нароби был численный перевес — целая армия, облачённая в полную экипировку и сжимающая оружие, равное по мощи оружию элиты. Любое столкновение стало бы взаимным истреблением.

Старейшина повернулся к Вождю. Его голос дрожал от едва сдерживаемой ярости:

— Вождь! Или мы летим сейчас, оставляя их, либо перебьём друг друга в бессмысленной бойне, и тогда уже никто никогда не покинет эту проклятую планету!

Великий Вождь замер. Он перевёл пылающий взгляд с беснующейся толпы на свой корабль. Он взвешивал шансы. Шансы выжить в этой бойне были ничтожно малы — близки к нулю. Решение разрывало его гордость в клочья.

С рёвом, в котором смешались гнев, отчаяние и покорность неизбежному, он принял решение.

— Да будьте вы прокляты во веки веков! — взревел Вождь так, что перекрыл крики толпы. Это был вопль смертельно раненного зверя. Он сжал кулаки так, что металл брони заскрипел. — Воины! Старейшины! Все на борт! Закройте шлюз! Приготовиться к взлёту!

Я не палач!

Вождь развернулся. Его взгляд, ещё пылающий яростью от недавнего унижения, остановился на капитане, который молча стоял рядом. Между ними повисла тяжёлая тишина.

— Что вы хотите взамен старт-ключа корабля? — голос гиганта был низким и хриплым, словно скрежет металла. Это был голос существа, привыкшего к тому, что за всё в этой вселенной есть цена.

— Он и так спас мне жизнь, — ответил Мартин, и собственный голос показался ему чужим. Он смотрел не на Вождя, а на жезл в его руке. — Мне ничего не надо. Меня волнует только Эрика. Спасите ей жизнь.

Вождь издал звук, похожий на смешок, но лишённый радости.

— Её жизни ничто не угрожает, — уверенно пророкотал он. — Два-три месяца, и она будет полностью здорова. Наши лекари искусны.

Он сделал шаг вперёд и протянул металлический жезл, исписанный светящимися иероглифами. Это был символ власти.

— Держите, капитан Мартин Джетт! Теперь вы полноправный хозяин Великой Каменной Пустоши! Для меня честь знать вас. Прощайте!

Не дожидаясь ответа, он отвернулся. Бросив последний полный яда взгляд на тех, кто остался внизу — на своих бывших слуг, ставших свободными, — Вождь вошёл внутрь корабля. Словно отсекая прошлое от будущего, створки гигантского шлюза начали медленно смыкаться с оглушительным скрежетом, отрезая улетающих от выбравших свободу.

Мартин остался один на один с тишиной. Он сошёл с трапа на выжженную землю и отошёл подальше от тени корабля, присоединившись к притихшей толпе Нароби. И тут исполинский древний монстр, пробудившийся от многовекового сна, начал восхождение. Его корпус завибрировал, издавая низкий гул, от которого дрожала почва. С бронированных боков, словно шелуха, падали огромными кусками окаменевшие лианы и вековые наросты мха, с грохотом наполняя расщелины внизу. Поднявшись на триста метров над пустошью, корабль блестел первозданной тёмной сталью. От пятисотлетнего сна не осталось и следа.

Нароби взревели, подняв оружие к небу. В этом крике была вся их вековая боль и обретенная надежда. Они свободны. Они сами выберут свой путь.

Тем временем на борту звездолёта Совет Старейшин собрался в зале Совета. Они ждали Вождя.

— Что за срочность, о мудрейшие? — войдя в зал и окинув собравшихся тяжёлым взглядом, спросил Вождь. Его броня всё ещё вибрировала от мощи двигателей.

Один из Старейшин медленно поднялся. Его дреды нервно подрагивали.

— Великий Вождь клана «Когти Судьбы», — начал он, и голос эхом отразился от сводов. — Совет считает, что освобождение черни создаст прецедент. Слухи разлетятся по галактике быстрее света! Во всех колониях Нароби начнут требовать свободы! Это приведёт к гражданской войне и краху нашей цивилизации! Мы не можем этого допустить. От нашего решения здесь зависит судьба всей расы.

Вождь молчал, обдумывая услышанное. Порядок был основой их мира.

— Что вы предлагаете, Старейшины?

Старейшина шагнул вперёд. Его глаза горели холодным огнём.

— Уничтожить. Прямо здесь и сейчас, пока они все вместе! Один удар бортовых плазменных пушек решит проблему и оградит нас от катастрофы. Стереть их с лица планеты. Решение за вами, Великий Вождь.

Великий Вождь на мгновение потерял дар речи. Сама мысль о таком вероломном убийстве — истреблении пусть и непокорных, но безоружных — никак не вписывалась в его мировоззрение. Он — Великий воин, и великим его сделала не только сила, но и неукоснительная приверженность законам чести. Он посмотрел на Старейшин. На их лицах не было ни тени сомнения.

— Я воин, а не палач! — Взревел Вождь так, что стёкла иллюминаторов задрожали. Его крик был полон праведного гнева. — Я охочусь на достойных противников! Убить беглецов? Это не принесёт славы, лишь вечный позор! Я отказываюсь отдавать такой приказ!

Главный Старейшина встал со своего места. Его голос, обычно сухой, теперь звенел от торжества.

— Братья-Старейшины! Согласно древнему закону, мы имеем право временно отстранить Великого Вождя от управления кораблём и взять ответственность на себя. Но для этого нужно единогласное решение всего Совета. Кто «За»? Кто «Против»? «Воздержавшиеся»?

В зале повисла мёртвая тишина. Каждый понимал: это либо спасение цивилизации, либо величайшее преступление. Один за другим они поднимали руки.

— Единогласным решением Совета Старейшин Великий Вождь временно отстранён! — провозгласил Главный Старейшина, и в его голосе прозвучала сталь. — И поскольку управление перешло к Совету, я отдаю приказ об ударе плазменными орудиями по бунтовщикам Нароби!

Великий Вождь, чьё лицо превратилось в маску презрения, не стал дожидаться конца фарса. Он развернулся и тяжёлой походкой вышел из зала. Он не желал присутствовать при предательстве заветов расы. Совет поспешил к панорамному иллюминатору командной палубы. Они хотели своими глазами увидеть возмездие — как десятки обретших свободу Нароби обратятся в пепел. — Орудия заряжены! Цели захвачены! — доложил оператор за консолью. Голос его был лишён эмоций.

— Открыть огонь! — скомандовал Главный Старейшина, сжимая когтистые пальцы в предвкушении.

Исход клана «Когти Судьбы».

Внизу, на поверхности планеты, ликование Нароби сменилось тревожным ропотом. Они видели, как исполинский корабль вместо того, чтобы исчезнуть в небе, замер на месте, а затем медленно и величественно развернулся в их сторону. Его тёмный силуэт на фоне солнца казался вестником неминуемой гибели.

— Что они задумали? — прорычал КТарр, лидер бунтовщиков, сжимая плечо стоявшего рядом Мартина.

В его голосе не было страха, лишь холодное напряжение.

Капитан не мог поверить своим глазам. Звездолёт клана, пробудившийся гигант, ощерился стволами боевых орудий, направленными прямо на толпу с высоты нескольких километров. С такого расстояния промахнуться невозможно.

— Они решили нас уничтожить! — произнёс Мартин, сам до конца не веря своим словам. Голос его сорвался. — Всем срочно в укрытие! В расщелины!

— Поздно, Капитан, — прохрипел лидер Нароби с леденящим душу осознанием обречённости. Он опустил оружие. — Даже самая глубокая пещера в радиусе километра не спасёт нас. Жар будет такой, что камни потекут, как вода.

Полностью осознав безвыходность ситуации, Мартин почувствовал, как внутри поднимается волна слепой ярости. Движимый неведомой силой, он выступил вперёд на несколько

шагов, отделившись от застывшей в ужасе толпы. Он поднял над головой жезл власти, который всё ещё сжимал в руках, держа его обеими ладонями, словно пытаясь заслонить своих новых... нет, не слуг... своих союзников от смерти.

Всё вокруг замерло. Казалось, само время остановилось. Ветер стих. Сотни глаз — внизу на земле и вверху на корабле — были прикованы к этой одинокой фигуре с поднятым жезлом. В воздухе повисло невыносимое напряжение перед разрушительным ударом. Прошла секунда. Десять. Минута. Но удара не последовало.

— В чём дело?! — резко спросил Главный Старейшина, отрывая взгляд от иллюминатора. В его голосе слышалась паника. — Почему всё ещё нет залпа?!

— Сканер системы наведения... он... он определяет человека как «свой»! — доложил воин за центральной консолью, лихорадочно проверяя показания. — Система блокирует команду на выстрел! Орудия не могут навестись!

— Что?! — с крайним удивлением и гневом воскликнул Старейшина. — Но это невозможно! Это какая-то ошибка! Выведите экран системы наведения на панорамный иллюминатор!

Всё, что Совет видел на экране, не поддавалось пониманию. На экране крупным планом был виден человек. Он стоял неподвижно, подняв жезл. Но команду отмены давала не система корабля и не жезл. Компьютерный прицел был намертво заблокирован сигналом, исходящим от самого человека. Иероглифы, которые диск выжег у него на груди ещё на Арене во время схватки с чемпионом, теперь светились тусклым, но ровным светом. Это была древняя метка «свой». Корабль узнал в нём своего владельца и отказывался причинять ему вред.

Звездолёт величественно вышел на орбиту, с лёгкостью преодолев гравитацию. Затем, запустив двигатели на полную мощность, он исторг два ослепительно-белых столба плазмы и в следующую секунду исчез среди мерцающих звёзд бескрайнего космоса. Лишь инверсионный след медленно таял в чужом небе.

***КТапп** - звучное и мощное имя, отражающее силу и дисциплину рабочего.

Глава 8

Хозяева судьбы.

Капитан Мартин, опустив дрожащие от напряжения руки, ещё несколько минут молча смотрел в чистое небо вместе с Нароби. Они уже успели попрощаться с жизнью, приняв неизбежность испепеляющей гибели. Осознание того, что они всё ещё живы и удар плазменных орудий им больше не грозит, приходило мучительно медленно, заполняя звенящую пустоту внутри пьянящим облегчением.

— Мне нужно срочно увидеть Эрику! — хрипло сказал Мартин, поворачиваясь к лидеру Нароби. На его лице, покрытом пылью и копотью, читалось нескрываемое беспокойство, граничащее с отчаянием.

— С ней всё в порядке. Она в полной безопасности, ей ничто не грозит, — ровным голосом ответил Хищник-Нароби, пытаясь успокоить человека. Затем он обернулся к своим людям, и его тон мгновенно изменился, наполнившись командной сталью:

— Двое дозорных — вперёд! Всем выдвигаться!

Они организованно выстроились в цепочку и начали медленный спуск в прохладные лабиринты пустоши. Вчерашние представители низшей касты шли молча, уставшие до изнеможения и голодные, но живые. Каждый понимал: впереди их ждёт борьба за выживание без технологий клана. Но теперь они пройдут этот путь свободными, хозяевами своей судьбы.

Путь до посёлка был неблизким. Их цель находилась у многокилометрового ущелья — единственного прохода к гигантскому кратеру. Этот кратер представлял собой изолированный оазис, настоящий райский уголок со своей тропической экосистемой, окружённый неприступными горами. Это было единственное место на планете, где можно было выжить без покроительства улетевшего клана.

Несмотря на то что Хищники были отрезаны от сверхтехнологий, их воинская дисциплина позволила построить здесь шедевр архитектуры. Их город разительно отличался от любого человеческого поселения. Это был идеально выверенный механизм, застывший в камне. То, что у людей называлось бы «средневековым», в исполнении Нароби превратилось в нечто чуждое и пугающе совершенное. Даже простые стены из местного базальта не имели изъяна. Блоки подогнаны так плотно, что между ними нельзя просунуть лезвие ножа. Кровля из гладких плит блестела под солнцем Антарио, как тёмное зеркало. Брусчатка была выложена с такой геометрической точностью, что казалась работой гигантского принтера. Чёткость линий поражала воображение. Здесь не было места человеческой небрежности или случайным дугам. Стены сходились под острыми, режущими глаз углами, чтобы внезапно перетечь в идеальный, зеркальный изгиб базальта, словно застывший поток жидкого металла. В этой архитектуре агрессивная прямолинейность клинка сочеталась с грацией обвивающей жертву лианы.

Это было физическое воплощение их холодного, логичного разума. Глядя на этот город, Мартин понимал: его строили не рабочие — его возводили существа, для которых несовершенство равносильно поражению.

Но эта маниакальная точность служила не только эстетике. За пугающей симметрией скрывалась безупречная логика выживания. Хищники не пытались покорить пустошь — они заставили саму планету работать на себя.

Мартин поднял голову. Высоко над ущельем, встроенные прямо в чёрные скалы, виднелись широкие раструбы воздухозаборников. Постоянный свирепый ветер пустоши, загнанный в эти каменные ловушки, вращал лопасти скрытых турбин. Но главная мощь стихии была направлена вниз: там, проходя через специальные аэродинамические коридоры, ветер раздувал пламя в горнилах до адского жара и неустанно крутил массивные каменные жернова, перемалывающие плоды хлебного дерева в питательную муку.

Вдоль всего города тянулись открытые каналы с кристально чистой водой из кратерного озера. Используя лишь уклон местности и тяжесть потока, Хищники создали гидравлическую сеть. Сила воды приводила в движение тяжёлые молоты в кузницах Нароби — их мерные, оглушительные удары служили пульсом этого места. Другие потоки устремлялись в узкие щели дробилок, перетирая рудоносную породу в мелкую пыль. Та же вода, уже отработанная, но всё ещё чистая, уходила в нижние ярусы по системе выдолбленных в базальте стоков.

Ни одна капля влаги, ни один порыв ветра не тратились здесь впустую. Это был не просто город-крепость, а единый дышащий организм, существующий в абсолютной гармонии с враждебным миром благодаря безупречной инженерной мысли.

Пройдя через массивные ворота, они оказались в сердце оазиса. Воздух здесь был густым, влажным и горячим, наполненным ароматами незнакомых цветов. После мёртвой пустоши это казалось другим миром. Впереди виднелось центральное строение — длинное и низкое, похожее на лазарет. Там находилась Эрика.

Мартин нашёл её в самом сердце лазарета. Она лежала на каменном ложе, и её сон был не отдыхом, а изматывающей битвой. Лицо Эрики было мертвенно-бледным, почти сливаясь по цвету с холодными мраморными стенами. На страшные раны были наложены огромные мясистые листья местных растений, сочащиеся густой слизью. Компрессы туго примотали к телу прочными лианами, которые глубоко впились в кожу. Пахло резко ипряно — терпкими травами, едкими мазями и тяжёлым металлическим запахом борьбы за жизнь.

Но самое страшное было в том, что её тело не знало покоя. Оно продолжало сражаться. Руки поверх покрывала мелко, конвульсивно дёргались, пальцы скрючивались, словно хватая невидимого врага. На бледном лице без остановки сменялись гримасы острой боли и животного отчаяния. Казалось, даже во сне её подсознание не сдавалось. Её душа, запертая в израненной оболочке, отчаянно воевала со смертью. Она была на самом краю бездны, и каждый вздох был маленькой победой в этой безмолвной войне.

Мартин медленно опустился на колени перед ложем. Он боялся прикоснуться к ней, нарушить хрупкое равновесие этой борьбы. Он просто смотрел на её лицо, на эту мучительную агонию во сне, чувствуя, как собственное сердце сжимается от бессилия и любви. Он был готов отдать всё, лишь бы забрать её боль себе.

Вопросы и ответы.

Мартин сидел на холодном, отполированном веками камне городской стены, глядя в бездонную, бархатную черноту ночного неба. Над ним раскинулся чужой купол созвездий, в котором не было ни одного знакомого ориентира с Земли. Он находился за сотни световых лет от дома, и эта мысль больше не вызывала паники — лишь глухую, ноющую тоску.

Ему не давала покоя одна мысль, которая грызла его изнутри, как ржавчина. Почему? Почему его спасательный челнок с «Ковчега» совершил аварийную посадку на эту планету лишь спустя тысячу лет? Когда десятки поколений потомков великих учёных и инженеров, вернувшись в глубокое средневековье, погрязли в суевериях и захлёбывались в бесконечных междоусобных войнах, полных грабежей, насилия и убийств? Почему не раньше? Почему не позже?

Это не могло быть простой случайностью. Слишком точно сошлись звёзды, слишком идеально легли кости в этой космической партии. У Мартина было стойкое, почти физическое ощущение, что ответы на его вопросы существуют. Они реальны и осязаемы. Но их нет здесь. Не на этой планете. Но где?

Ответ пришёл сам собой, вспыхнув в сознании яркой, обжигающей звездой. Он был настолько очевиден, что Мартин даже усмехнулся в темноте. На «Ковчеге». Его корабле. Его мёртвом доме, дрейфующем в пустоте. Там, на орбите, куда он так и не вернётся. Главный компьютер «Ковчега» — «Навигатор» — был не просто машиной. Это был искусственный интеллект высшего приоритета. Именно он управлял системами корабля. Именно он принял реше-

ние о запуске спасательного челнока. Что, если у него была иная, скрытая директива? Что, если он ждал тысячу лет не из-за сбоя, а потому что выполнял чей-то приказ или наблюдал за чем-то?

От этих мрачных мыслей, приморозивших его к стене, Мартина отвлёк тихий, но твёрдый голос. Лидер Нароби, чьё лицо в темноте казалось лишь тенью, бесшумно подошёл и сел рядом на широкий парапет. Он тоже завороченно смотрел на россыпь незнакомых звёзд, словно черпая в них силы. Наконец он нарушил молчание, и его вопрос прозвучал глухо, как удар камня о камень:

— Они вернутся?

Мартин медленно повернул голову. В глазах лидера он не видел страха, лишь холодное, усталое ожидание. Капитан вздохнул, и его выдох превратился в облачко пара в прохладном воздухе.

— Они — нет. Но ваша свобода... — Мартин сделал паузу, подбирая слова. — Ваша независимость представляет серьёзную угрозу для всего уклада вашей расы. Человечество через это уже проходило и сейчас повторяет свой невыученный урок. Вы — не просто беглецы. Вы — вирус, идея, которая может заразить другие колонии. Вероятнее всего, сюда направят Хищников-наёмников. Не целый клан с его честью и законами, а безжалостных палачей. Чтобы уничтожить вас. По-тихому.

Лидер Нароби медленно кивнул, словно слова капитана лишь подтвердили его худшие опасения.

— Но как вам удалось завладеть оружием? — спросил Мартин. — Как слуги смогли поднять руку на господ?

Лидер усмехнулся, но в этой усмешке не было и тени веселья.

— Решение остаться свободными было принято ещё нашими предками, первыми из нас, кто высадился здесь и понял, что это за место. С того дня началась наша тайная война. Мы служили им. Мы создавали, полировали и чинили их клинки и броню. Но работая над оружием воина, мы учились его балансу. Наблюдая за их тренировками из теней кузниц, мы запоминали каждый выпад, каждую уязвимость в стойке, которую оставляла их хваленая техника. А затем... мы начали делать своё. Из тех же материалов, что шли на элитные секиры, наши мастера тайно отковывали копии для себя. Не грубые подделки, а идеальные инструменты убийства. Хороший металл служит тому, чья рука твёрже. Этот опыт передавался тайно, от отца к сыну, от матери к дочери. Каждое выброшенное лезвие изучалось нами в темноте, чтобы понять предел прочности сплава. Всё это тщательно скрывалось сотни лет. Мы знали каждый изгиб их брони, потому что сами придавали ей форму.

Он замолчал на секунду, глядя на свои руки — руки создателя оружия.

— Именно то, что мы застряли на этой планете, дало нам шанс. Мы были заперты здесь вместе с ними. У нас было время. Время учиться. Время ненавидеть. А ваше появление... — он впервые посмотрел прямо на Мартина, и в его глазах блеснул огонь, — стало искрой в сухом хворосте. При любых других обстоятельствах такое бы никогда не произошло. Вы дали нам повод и надежду. Вы показали им их собственную слабость.

Рождение Клана.

Мартин повернулся к лидеру. В полумраке его глаза, казалось, горели внутренним огнём. Капитан больше не видел перед собой просто уставшего бунтовщика — он видел первого из многих, лидера, которому предстояло повести за собой целый народ.

— Вам нужна реорганизация, — голос Мартина был тихим, но в нём звенела сталь. Он не спрашивал, он утверждал. — Вы больше не просто беглецы. Вы — выжившие. Но чтобы выжить по-настоящему, вам нужно стать чем-то большим.

Он сделал паузу, обводя взглядом спящий город внизу, а затем — бескрайнюю пустошь за его пределами.

— Объедините всех вокруг себя. Каждого кузнеца, каждого фермера, каждого ребёнка. Вы должны стать единым целым. Назначьте мастеров, советников, дозорных. Создайте структуру, которая не зависит от одного человека. Вы должны быть готовы защищать свой дом в любую секунду.

Лидер Нароби слушал молча, его лицо было непроницаемой маской, но в глазах зажёгся огонек понимания.

— И выберите направление, — продолжал Мартин, набирая силу. — Вы не можете просто прятаться здесь вечно. Эта долина — ваш дом, но мир за горами огромен. Изучите его. Найдите ресурсы. Укрепите проходы. Станьте не добычей, а силой, с которой придётся считаться.

Он подался вперёд и положил руку на плечо лидера. Его взгляд был пронзительным и полным убеждения.

— И перестаньте называть себя низшей кастой! — эти слова прозвучали как приказ, как приговор старому миру. — Выбросьте это из своих голов! Вы теперь не слуги и не чернь. Вы — клан. Новый, свободный клан! Со своими законами, которые напишете сами. Со своими принципами, основанными не на рабстве, а на свободе. Со своей философией! Со своей идеологией! Вы — те, кто посмел бросить вызов богам и выжить. Так живите с этой мыслью. Будьте достойны этого выбора.

Лидер медленно снял руку с парашюта и сжал её в кулак у груди. Он посмотрел на Мартина, и впервые за всё время на его суровом лице промелькнуло что-то похожее на глубокую, искреннюю благодарность.

— Мы запомним твои слова, Капитан, — прогудел он. — Мы станем кланом «Свободных».

Утро встретило их прохладой и влажной дымкой, поднимавшейся от тропической растительности оазиса. Путь к лазарету лежал через главную площадь города. Мартин остановился, поражённый открывшейся картиной. То, что вчера было просто толпой измученных Хищников, сегодня превратилось в организованное сообщество. Кузнец уже раздувал горнило в своей кузнице, и звон металла о металл разносился по округе, звуча как гимн новой жизни. Группа охотников проверяла снаряжение перед выходом в пустошь. Несколько самок с детёнышами сортировали собранные корни и плоды. Никто не сидел без дела. В их движениях появились осмысленность и уверенность.

Он нашёл Эрику в том же лазарете. Запах целебных трав здесь был ещё гуще; он обволакивал, успокаивал и дарил надежду. Она всё так же лежала на каменном ложе, но её сон изменился. Дыхание стало более ровным и глубоким. Жуткие гримасы боли исчезли с лица, уступив место выражению умиротворения. Листья-компрессы на её ранах всё ещё сочились зеленоватой слизью, но уже не так обильно.

Он просто сел рядом и смотрел на её лицо — бледное, но уже не такое мертвенное. В этот момент капитан понял: его место здесь. По крайней мере, пока она не очнётся. Пока он не будет уверен, что она в безопасности. Он останется с ними. Поможет построить новый мир. Научит тому, что знает сам.

Пустошь — наш дом!

За последующие три месяца, что пронеслись вихрем изнурительных тренировок и тяжёлого труда, клан Свободных преобразился до неузнаваемости. Это уже не была горстка отчаявшихся повстанцев, спасающихся от гнева господ. В недрах каменной пустоши, под защитой оазиса, родилась новая сила — армия, готовая зубами рвать любого, кто посягнёт на их дом.

Чудо, в которое Мартин уже почти перестал верить, свершилось. Раны Эрики, некогда сочащиеся сукровицей и пахнущие смертью, полностью затянулись. Лекарские мази, сваренные из соков чужеродных растений, сотворили невозможное, срастив плоть и раздробленные кости. Но на память о той страшной сече на Арене остались уродливые, бугристые рубцы —

рельефная карта пережитой боли, навсегда отпечатавшаяся на теле. Она выжила. И когда она впервые, пошатываясь, вышла на свет, её взгляд был твёрже базальта. Это было главным.

В ту же ночь клан провёл ритуал. Это не было тихим, скорбным поминовением. Под чёрным, бездонным небом, усеянным холодными чужими звёздами, они разожгли огромный костёр из ароматной древесины оазиса. Пламя взметнулось к небесам, пожирая тьму и отбрасывая на скалы гигантские пляшущие тени. Вокруг него собрались все взрослые воины. В абсолютной, звенящей тишине, нарушаемой лишь утробным треском пламени и тоскливым воем ветра в скалах, они вспоминали павших. В первую очередь — принца Радомира и всех воинов, что навеки покрыли себя славой в жестокой сече на Арене. Они не оплакивали их. Это был ритуал не скорби, а великого чествования. Они славили мёртвых, чтобы их первобытная ярость и сила влились в жилы живых, сделав их несокрушимыми.

Мартин, Эрика и лидер клана превратили окрестности города в неприступную крепость — гигантскую каменную западню. Каждая взрослая мужская особь прошла через изнурительный марафон выживания. Это была беспощадная военная топографическая разведка. Они исследовали каждый метр ущелий, каждую тень в расщелинах, каждый поворот в каменных лабиринтах и каждую излучину ледяных ручьёв в радиусе двадцати километров.

Они ползали на брюхе по острым как бритва камням, сдирая кожу в кровь. Спускались в сырые пещеры, где пахло гнилью и вековой плесенью, где каждый шорох мог стать последним. Форсировали потоки обжигающе холодной воды, от которой сводило мышцы. Их тайные знания о технологиях, которые они веками копировали по крупницам, нашли своё ужасающее реальное применение.

Хищники клана Свободных учились с пугающей скоростью. От самого юного до старейшего — все овладели основами партизанской войны, приёмами рукопашного боя и владения холодным оружием. Они не просто слушали — они впитывали информацию, оттачивая навыки при любой возможности. Любой предмет в их руках превращался в смертоносное оружие. Им не требовалось повторения. Мартин показывал ловушку один раз, и уже через час видел, как Нароби совершенствуют её, добавляя свои знания о балансировке грузов и рычагах.

Ко всему они подходили с особой, почти маниакальной ответственностью. Особенно — к плану обороны города. Для них это было не просто строительство укреплений. Это было создание их нового будущего, их свободы, высеченной в камне и стали. И они были готовы защищать его любой ценой.

Были найдены и оборудованы десятки естественных укрытий и схронов, где мог бесследно исчезнуть целый отряд. Их маскировали с тщательностью безумцев: сплетённые лианы, присыпанные местной пылью, камни-клинья — обнаружить их можно было, лишь наступив и провалившись под землю. Каждое ущелье изучили на предмет «огневых мешков». Места выбирались с дьявольской точностью: там атакующий противник оказывался зажат между отвесными стенами и становился идеальной мишенью для кинжального огня с высот.

Используя инопланетные сплавы и примитивную механику рычагов, они создали многоуровневую систему капканов. Это были не просто волчьи ямы, а произведения смертоносного искусства: падающие многотонные глыбы, обрушивающиеся карнизы, замаскированные ямы с кольями из затвердевшей до состояния стали смолы местных деревьев. Пустошь вокруг города превратилась в шахматную доску смерти.

Лабиринты смерти.

Все знали, что этот день настанет, но никто, даже самые пессимистичные из Нароби, не предполагал, что возмездие придёт так скоро. Как гласили древние легенды, спустя пятьсот лет такая же яркая звезда упала в Великую каменную пустошь. Это был корабль с Хищниками-наёмниками — отрядом «Дети Падшего Солнца», сформированным по указу Верховного Совета всех кланов.

Совет Старейшин в своей холодной мудрости не мог оставить подобный прецедент без ответа. Они должны были задушить дух свободы в зародыше, ведь он мог распространиться подобно заразе, вирусу, способному уничтожить тысячелетнюю иерархию их цивилизации.

Звездолёт приземлился с величественной грацией хищника. Это был боевой корабль убийц. Он медленно плыл над пустошью на бреющем полёте, зависая, чтобы сбросить очередную группу в отсканированные, ведущие к городу Свободных, лабиринты. Их задачей было не охотиться ради чести, а убивать ради тишины.

Они выходили не как разведчики. Около пятидесяти фигур в тяжёлой броне, покрытой боевыми шрамами, чьи дреды-щупальца подрагивали от едва сдерживаемой ярости, десантировались в расщелины. Их оптические сенсоры горели тусклым красным светом, методично сканируя мёртвый пейзаж. Каждая группа, уверенная в своём превосходстве, двинулась к зияющим чёрной пастью входам в лабиринт.

Первый натиск высокотехнологичных убийц разбился о каменные зубы ловушек, не достигнув стен города. Потеряв половину бойцов, они отступили. Но это была лишь разведка боем. Теперь в ущелье воцарилась зловещая тишина, нарушаемая лишь гулом остывающей плазмы и стоном раненых.

Наёмники перегруппировались. Их броня «Хамелеон» мерцала, пытаясь слиться с тенями, но здесь, среди родных скал Нароби, маскировка давала сбой — древние минералы создавали помехи для сенсоров. Урок стоил им ещё пятерых лучших бойцов. Теперь они двигались парами, хищно водя стволами тяжелых излучателей. Это были призраки войны, машины для убийства, чья ярость уступала только высокомерию.

— Они забились в свою нору, — прошипел командир отряда по закрытому каналу. Его голос был лишён эмоций, напоминая скрежет металла. — Активировать термальное зрение. Выжечь каждый камень. Мне нужны черепа.

В этот момент Мартин понял: начинается настоящая игра. На открытой местности их бы уже испепелили. Но здесь правила диктовал тот, кто знал каждую трещину. Он находился в «Гнезде Ворона» — естественной расщелине под потолком каньона, скрытой за водопадом из светящегося мха. Рядом с ним, сливаясь со скалой, стоял лидер клана Свободных. В руках он сжимал массивный боевой посох, увенчанный не энергетическим наконечником, а острым зазубренным рогом местной твари.

— Ждут, пока мы выйдем, — проскрипел лидер, его глаза-линзы не отрывались от фигур внизу. — Считают нас зверями, что выбегут на открытое пространство при виде охотника.

Мартин кивнул, проверяя натяжение тетивы своего композитного лука. Оружие казалось нелепым против плазмы, но он знал правду: в тесноте пещер скорострельность становилась слабостью — выстрелы рикошетили, ослепляя стрелков, а перегрев ствола занимал драгоценные секунды.

— Пусть думают, — тихо ответил капитан. — Мы покажем им другую охоту.

Сигнал подал ветер. Он внезапно сменил направление, потянув едким запахом озона снизу вверх. Лидер Свободных коснулся плеча дозорного. Тот метнул вниз небольшой глиняный горшок, запечатанный смолой. Горшок беззвучно разбился о камни перед парой наёмников. Ничего не произошло. Воины замерли, сканируя зону падения. И тут сработал скрытый механизм древней ловушки, которую Нароби переоборудовали. Из-под пыли вырвались толстые лианы, пропитанные древесным соком особого состава. Они спеленали ноги обоих наёмников за долю секунды. Лианы начали стремительно сокращаться, поднимая тяжелобронированные тела вверх и подвешивая их вниз головой над центром ущелья.

Они стали идеальными мишенями. Но вместо ливня стрел сверху раздался лишь тихий свист. Двое других Нароби, находившихся выше по склону, использовали свои тяжелые кузнечные молоты. Не для удара — они обрушили их на края узкого карниза, где стояли еще трое наёмников. Тишину разорвал оглушительный грохот обвала. Тонны камня рухнули вниз.

Плазменные заряды ушли в небо, когда лавина погребла троих убийц заживо. А двое висящих в петлях яростно ревели, полосуюя воздух кинжалами, но густой сок намертво сковал их ноги.

Это стало сигналом. Из боковых проходов, казавшихся тупиками, хлынула волна воинов Свободных. Они не кричали боевых кличей. Их движения были плавными и текучими. Сжимая в руках собственное оружие — тяжелые тесаки, боевые серпы и компактные гарпуномёты, чьи лезвия были обильно смазаны нейротоксинами, — они врезались в растерянные порядки наёмников.

Эпичность этой схватки заключалась в абсолютном контрасте. Серебряная вспышка высокотехнологичного лезвия встретила с грубой сталью тяжелого клевца. Броня «Детей Падшего Солнца», способная выдержать удар танкового снаряда, затрещала по швам, когда в сочленения вонзились примитивные на вид гарпуны, покрытые смертельным нейротоксином.

Один из наёмников вскинул тяжелый излучатель, целясь в толпу защитников. Он успел нажать на спуск, испарив двух Нароби. Но в ту же секунду старый кузнец бросил ему под ноги абордажный крюк на цепи. Крюк обмотался вокруг ног Хищника. Резкий рывок — и технологический гигант рухнул лицом вниз. Кузнец оседлал его спину и одним ударом огромного молотобойного зубила проломил шейное кольцо брони.

Мартин спустился со своей позиции бесшумно, используя веревку. Он приземлился за спиной командира наёмников, который всё ещё пытался координировать людей через коммуникатор.

— Ты искал достойную охоту? — голос капитана прозвучал тихо, но перекрыл шум боя. Командир обернулся с невозможной скоростью. Его наплечная пушка взвыла. Мартин упал на колени, пропуская раскалённый шар над собой и чувствуя, как жар опалил волосы. Он не стал доставать лук. Вместо этого перехватил свой композитный боевой нож обратным хватом. Когда наёмник шагнул вперёд, занося руку для смертельного удара когтями, Мартин ушёл вбок, используя инерцию врага. Клинок вошёл не в тело, а в сложный оптический сенсор шлема. Раздался хруст стекла и визг замкнувшей проводки. Боевая машина ослепла. Мартин выдернул клинок и нанёс второй удар — горизонтальный, под основание черепа. Голова наёмника отделилась от тела, зависнув на мгновение благодаря магнитным зажимам брони, а затем упала на камни.

Увидев смерть лидера, оставшиеся «Дети Падшего Солнца» впали в слепую, неконтролируемую ярость. Высокомерие сломалось о реальность. Они начали палить во все стороны, сжигая своих повешенных товарищей вместе с нападающими. Но было поздно. Партизанская война сделала своё дело. За десять минут боя элитный отряд численностью в двадцать существ сократился до пятерых. Раненых, обожжённых, истекающих кровью, их загнали в угол у подножия стены.

Лидер Свободных подошёл к последнему выжившему командиру. Наёмник тяжело дышал, его левая рука висела плетью, а из пробитого нагрудника валил дым. Он отбросил бесполезное оружие и обнажил длинные спаренные когти.

— Умри стоя, если ты воин, — прорычал лидер Нароби, поднимая свой простой стальной тесак. Наёмник издал последний рык, полный ненависти, и бросился в самоубийственную атаку.

Это была не битва технологий. Это была победа разума над силой, терпения над гневом и родной земли — над чужим огнем. Клан Свободных доказал, что даже без звездолётов они остаются детьми звёзд: сильными, свободными и смертоносными.

Глава 9

Правосудие улицы.

Эта победа вчерашних кузнецов, фермеров и слуг над безжалостными элитными наёмниками стала искрой, попавшей в пороховой погреб. Она воодушевила всех — от самых юных Нароби до древних старейшин, чьи глаза давно подёрнулись пеленой усталости.

Ликование громким эхом разлетелось по Великой каменной пустоши. Это был не просто крик радости; это был рёв рухнувших оков. Сама земля словно праздновала вместе с ними: иссушенный ветер подхватил голоса тысяч глоток и швырнул их за горизонт, к острым, как бритва, пикам, пронзающим багровое небо Антарио.

Эта суровая равнина — выжженная беспощадным солнцем днём и скованная льдом ночью — перестала быть для них тюрьмой. В этот миг она стала храмом. Щитом, древнейшим союзником тех, кто отказался склонить голову. Пустошь укрывала повстанцев в глубоких расщелинах, скрывала следы от разведчиков своей едкой пылью и помогла спасти народ от истребления.

Истребления за одно лишь желание — быть свободными. За дерзкую мысль о том, что руки, привыкшие держать плуг или шахтёрский молот, достойны сжимать рукоять меча не хуже холёных ладоней Верховных кланов. Тысячелетний миф об избранности воинов был развеян в прах вместе с дымящимися обломками доспехов наёмников.

Победа Нароби доказала то, во что они боялись верить даже в смелых снах: истинная сила кроется не в оружии, плавящем камень, и не в годах тренировок. Она рождается в правоте дела, ради которого воин готов умереть. Свобода оказалась тем единственным сплавом, который прочнее любой стали.

Мартин стоял на вершине внешней стены, глядя на ликующую толпу. Эрика подошла неслышно. Её шаги были лёгкими. Она положила свою руку поверх его ладони, покрытой мозолями и ожогами. Шрамы на её лице сейчас казались не уродством, а боевыми росписями богини войны.

— Мы сделали это, — тихо сказала она, но Мартин услышал каждое слово сквозь шум толпы. — Они бежали.

— Нет, — Мартин покачал головой, и на его губах появилась усталая улыбка. — Никто никуда не бежал. Те, кто мог стоять, мертвы. А те четверо... мы взяли живём.

Он указал вниз, на площадь, куда стража грубо стаскивала пленников. Наёмники стояли на коленях, лишённые своего смертоносного арсенала. Их чёрно-жёлтые глаза тускло мерцали в свете факелов, источая концентрированную ненависть. Но страха в них не было — только презрение к «черни», посмевавшейся поднять руку на хозяев вселенной.

Толпа увидела их. Радостный гул мгновенно сменился низким рычанием, переходящим в яростный вой. Лидер Свободных спустился со стены и встал перед пленниками. Он поднял свой тесак, с которого всё ещё капала кровь Хищника.

— Вы пришли забрать наши жизни! — пророкотал его голос, усиленный динамиками трофейного шлема. — Вы пришли напомнить нам наше место!

Он сделал шаг вперёд. Его тень накрыла ближайшего наёмника.

— Посмотрите на них! — лидер обратился к народу. — Без своих машин они всего лишь плоть. Плоть, которая забыла, что значит бояться!

Вождь медленно опустил взгляд на пленника. Тот вскинул подбородок, готовый принять смерть достойно. Но лидер нарушил все правила охоты. — Сегодня вы узнаете новый закон этой земли, — прошипел он, и в глазах вспыхнуло безумие долго копившейся мести.

— Закон свободных!

Одним сокрушительным ударом он обрушил лезвие не на шею врага, а на его запястье. Раздался тошнотворный хруст кости. Наёмник взвыл, но крик захлебнулся — вождь ударил ногой в нагрудник, проламывая грудную клетку.

Это стало сигналом. Правосудие улицы оказалось страшнее трибунала. Толпа хлынула вперёд. Это была не казнь — это было ритуальное расчленение. Кузнецы мстили тяжёлыми молотами, дробя броню вместе с костями. Фермеры вонзали зазубренные серпы в глазницы. Женщины, потерявшие мужей, рвали врагов голыми руками, выдирая дреды-щупальца с корнем. Каждый удар смывал столетия унижения.

Мартин отвернулся, не в силах смотреть на эту кровавую оргию, хотя понимал её необходимость. Это была прививка. Коллективная психотерапия народа, навсегда вырезавшего из сердца рабскую покорность. Эрика крепче сжала его руку, её пальцы побелели.

— Они становятся нами, — выдохнула она с ноткой ужаса.

— Нет, — твёрдо ответил Мартин, глядя на багровеющее небо. — Они становятся кем-то гораздо более опасным. Теми, кого больше нельзя загнать в шахты.

Над Великой каменной пустошью поднимался дым погребальных костров. Но сегодня это был не запах поражения. Это был аромат свободы — горький, металлический и пьянящий.

«...подтвердите ваш статус...»

Погребальные костры, отправив души павших к Великим Предкам Охотников, уже теряли свой адский жар. Угли подёрнулись серым пеплом, и лишь редкие всполохи пробегали по почерневшим рёбрам доспехов наёмников.

Лидер клана «Свободных», капитан Мартин и принцесса Эрика стояли чуть в стороне от ликующей толпы, у самого края обрыва, глядя на бескрайнюю пустошь. Молчание между ними было тяжёлым, плотным, как свинец. Тишину разорвал звук быстрых шагов. К Лидеру подошёл один из разведчиков-следопытов с плохо скрываемым беспокойством. Его дреды-щупальца нервно подрагивали. В руках он сжимал массивный шлем командира наёмников, забрызганный изнутри кровью.

— Вождь! — выдохнул следопыт. — Этот кусок металла всё ещё пытается говорить со своими хозяевами. Он передаёт сигнал... запрос их статуса.

Все удивлённо переглянулись. Окружив следопыта плотным кольцом, они вслушивались в хаотичный треск щелчков, прорывающийся сквозь статические помехи мёртвой электроники. «Стая Один, подтвердите ваш статус. Стая Два, подтвердите ваш статус...» Голос был неестественно-металлическим, лишённым эмоций, и повторялся снова и снова, словно заевшая пластинка древнего граммофона. Вся группа, кроме Мартина, напряжённо переглянулась. Они слышали слова, но не понимали их истинного веса.

— Что это значит, Капитан? Наёмники ещё здесь? Где-то спрячутся? — спросил Лидер Свободных, крепче перехватывая трофейный тесак. Мартин медленно покачал головой. Лицо его стало бледным, сосредоточенным.

— Это хуже. Это автоматика. Искусственный интеллект корабля запрашивает своих хозяев. И похоже, на борту сейчас нет ни единой живой души. Никто не отвечает на запросы системы жизнеобеспечения. Корабль считает, что отряд просто молчит. Нам неизвестны алгоритмы протоколов безопасности. Если мы не ответим ему прямо сейчас, может сработать протокол экстренного возвращения на базу или самоуничтожения, чтобы технологии не достались врагу. Или корабль вызовет сюда целый флот через общую сеть Хищников. Нам срочно нужны наручи управления командира наёмников. Прямо сейчас. И с них нужно отправить код эвакуации.

Не прошло и мгновения, как тяжёлые наручи, инкрустированные тусклыми рунами, оказались в руках Лидера. Металл был ещё тёплым, храня последнее тепло своего владельца. Лидер ловко защёлкнул замки на своём предплечье. Интерфейс вспыхнул кроваво-красным светом. Он несколько секунд водил когтистыми пальцами по голографической клавиатуре,

вспоминая уроки наблюдения за тренировками воинов, которым тысячи лет учились Нароби. Затем, глубоко вздохнув, он набрал сложную комбинацию символов.

Казалось, время остановилось. Даже ветер боялся шевельнуться. Ответ из динамика шлема пришёл через целую вечность:

«Ваш сигнал принят... Координаты подтверждены... Эвакуация через двадцать минут». Голос смолк, оставив после себя звенящую пустоту.

Двадцать минут.

— Наручи служат маяком, поэтому их надо срочно унести от города! — с нарастающей тревогой перебил Капитан, хватая Лидера за наплечник. — Чем дальше, тем лучше. Мы не знаем, какие протоколы действуют при эвакуации. Произойти может что угодно, даже дистанционный подрыв реакторов через общую сеть Хищников! Нельзя терять ни секунды!

Лидер окликнул часового у ворот — молодого, быстрого охотника, облачённого в трофейные доспехи ранее убитых врагов. Тот скинул тяжёлые наручи управления прямо со стены. Часовой поймал их на лету одной рукой.

— Беги! — приказал Лидер. — Унеси их как можно дальше от города! За пределы видимости! Прячься в самых глубоких расщелинах!

Глаза воина расширились от осознания важности миссии. Не говоря ни слова, тот неукоснительно исполнил приказ. Металл брони не замедлил его ни на мгновение. Часовой сорвался с места, превратившись в смазанную тень, и с невероятной скоростью вбежал в ближайший лабиринт скал, исчезнув в чреве пустоши.

Через секунды вслед за ним выбежали сам Капитан и Лидер. Им нужно было занять позицию для наблюдения.

Следопыт подошёл к краю стены и объявил. Его голос прогремел над площадью, перекрывая гул толпы:

— Граждане Нароби! Слушать меня! Расходитесь всем по домам! Плотно закрыть двери и задраить вентиляционные шахты! Никому не выходить до моего приказа! Никто не задавал вопросов. Страх перед дисциплиной Старейшин, введённый в кровь поколений, сработал идеально. Толпа рассеялась за считанные секунды. Город вымер, погрузившись в тревожную тишину, прерываемую лишь воем ветра.

Корабль наёмников появился в небе яркой падающей звездой. Но за несколько километров до пустоши слепящее свечение плазмы резко пропало — включились тормозные двигатели. Спустившись максимально низко, корабль на бреющем полёте, почти касаясь вершечек острых скал, медленно и хищно подкрадывался к невидимому источнику сигнала. Вот он замер. Выдвинул тяжёлые посадочные лапы и с глухим ударом опустился на небольшое плато в десяти километрах от городских стен. Корабль открыл основной шлюз, выдвинув широкий трап, но не подавал никаких признаков жизни. Ни звука двигателей, ни света из кабины. Часовой и Лидер полчаса неподвижно наблюдали из-за камней. К ним, еле держась на ногах и жадно хватая воздух открытым ртом после изнурительного марш-броска, подошёл Капитан. Пот струился по его лицу, смешиваясь с пылью.

— Дайте отдышаться... — прохрипел он.

Лидер Свободных положил тяжёлую руку ему на плечо.

— Отдыхай, Капитан. Ты сделал достаточно. Дальше наша работа. Оставайся здесь, в укрытии. Это может быть ловушкой.

Лидер надел трофейный шлем, активировав интерфейс, а затем плотно защёлкнул на предплечье чужие наручи. Броня тихо загудела, принимая нового хозяина. Медленно, крадучись, пригнувшись к самой земле, чтобы не попасть в поле зрения сканеров, Лидер выдвинулся в направлении трапа. Подойдя вплотную к опущенной аппарели, он замер на секунду, прислушиваясь, а затем осторожно, шаг за шагом, начал подъём, исчезнув в чёрном проёме шлюза.

Наступила гробовая, звенящая тишина. Прошла минута. Две. Пять. Голос Лидера внезапно прозвучал в коммуникаторе шлема часового — спокойный, ровный, без тени напряжения:

— Можете подняться на борт. Угрозы нет. Здесь... никого. Капитан с трудом встал на ноги, мышцы отказывались слушаться после бега. Опираясь на плечо Хищника-бегуна, чьи лёгкие работали как кузнечные мехи, они вместе дошли до корабля. Массивная сталь трапа встретила их холодом вакуума. Они вошли внутрь, переступив порог смерти.

Корабль-Призрак.

— Все системы идентификации корабля отключены. Связи с внешним миром тоже нет, — сказал Лидер, снимая трофейный шлем и проводя когтистой рукой по гладкому металлу переборки. — Он как призрак, как невидимка!

Его голос в стерильном воздухе командной рубки звучал глухо, но в нём звенела сталь осознания.

— Это глубоко законспирированная операция, — подытожил Мартин, медленно обходя центральный пульт управления. Его пальцы не касались консолей — он лишь смотрел на них с уважением инженера. — Чёрный бюджет Верховного Совета. Корабль-призрак, которого нет ни в одном реестре верфей. Кто-то очень боится утечки информации.

— Корабль в идеальном состоянии! — выдохнул часовой-бегун; его глаза горели лихорадочным блеском первооткрывателя. Он провёл ладонью по холодному поручню мостика. — Оснащение самое передовое. Хоть сейчас ныряй в Бездну Тёмных Звёзд и уходи в дальний космос! Двигатели класса «Пожиратель», щиты поглощения материи... Я чувствую мощь даже сквозь металл.

— Это колоссальные средства, — задумчиво произнёс Лидер, глядя в огромный панорамный иллюминатор. За стеклом багровое солнце Антарио клонилось к горизонту, окрашивая пустошь в цвет запекшейся крови. — Похоже, наше существование всерьёз беспокоит Совет Старейшин всех кланов. Мы для них больше, чем просто сбежавшая чернь. Мы — политическая угроза. Идеологический вирус. И они не остановятся ни перед чем, чтобы нас истребить. Сколько бы это ни стоило. Они сожгут эту планету дотла, если понадобится.

Они долго осматривали корабль-призрак. К этому времени почти всё взрослое население клана пришло посмотреть на него. Хищники-Нароби прохаживались по коридорам, трюмам и каютам со смешанным чувством страха и любопытства. Вождь клана Свободных был прав, и эта горькая правда тяжёлым свинцовым грузом упала на плечи каждого присутствующего, придавив их к палубе сильнее любой гравитации. Воины Нароби, стоявшие у входа в рубку, опустили свои копы и тесаки. Восторг от победы сменился леденящим душу ужасом понимания масштаба грядущей войны.

Все понимали: иллюзий больше нет. У них осталось только два пути, две двери, и обе вели в неизвестность:

Первый путь — остаться здесь. Принять бой. Укрепить стены оазиса, превратить лабиринты в смертельный капкан и биться до последнего вздоха. Погибнуть всем кланом — свободными, несломленными воинами, павшими героями прямо здесь, на этой проклятой планете. Исчезнуть в небытии так, что скоро не останется даже воспоминания о них.

Второй путь — принять дар судьбы или ловушку врага. Улететь на этом новейшем звездолёте-невидимке. Покинуть систему Антарио, уйти за пределы исследованных территорий галактики, туда, где кончаются карты Верховных кланов. Найти себе новый дом среди безымянных звёзд, навсегда оставшись вечными беглецами. Без родины. Без корней. Всегда оглядываясь через плечо.

Выбор.

Тишина в рубке стала плотной, почти осязаемой. Слышалось лишь гудение систем жизнеобеспечения да тяжёлое дыхание уставших воинов. Лидер Свободных долго смотрел на своё

отражение в чёрном стекле иллюминатора. Он видел там не кузнеца и не слугу. Он видел лицо изгнанника. Затем он повернулся к своим людям. В его глазах больше не было сомнений.

— Мы хоронили наших мёртвых, чтобы дать жизнь будущему, — его голос прогремел, заполнив собой всё пространство. — Мы проливали кровь не для того, чтобы удобрить землю этого мира нашими костями. Свобода не имеет могилы. Она всегда находится в движении.

Он сделал шаг к центральной навигационной панели.

— Мы не станем запира́ть себя в золотой клетке этой долины, ожидая орбитального удара. Мы заберём этот корабль. Мы изучим его. А затем...

Мартин почувствовал, как сердце пропустило удар, а затем заби́лось с новой силой.

— ...мы улетим, — закончил Лидер Свободных. Его голос больше не был скрипом старого механизма или гортанным рыком воина; теперь он звучал как скрежет тектонических плит, обретший дар речи. Он стоял перед панорамным иллюминатором ходовой рубки корабля-наёмников, и его массивная тень накрывала почти весь мостик, словно пытаясь защитить его от холода безразличного космоса.

Лидер повернулся к Мартину.

— Эта жестянка дала нам скорость. Она дала нам скрытность. Но она не дала нам знаний о том, что ждёт за границей этой системы. Верховный Совет знает каждый уголок исследованного космоса. Их карты выверены тысячелетиями охоты. Куда бы мы ни прыгнули по известным маршрутам, они найдут нас. Выкурят из любой норы, как жалких зверей.

Он подошёл к центральной голографической консоли. Его когтистые пальцы пробежали по воздуху с невероятной скоростью, листая звёздные атласы Верховных кланов, которые бортовой ИИ уже успел скачать из трофейного шлема командира наёмников.

— Поэтому мы просмотрим всё, — пророкотал он, и в этом звуке смешались вековая ярость и холодный расчёт. — Все карты известного нам космоса. Каждое созвездие. Каждый газовый гигант. Каждая планета класса М или Прайм будет тщательно изучена. Мы найдём изъян в их идеальном мироздании.

Изображение галактики вспыхнуло посреди рубки — величественная спираль из миллиардов холодных огней. Лидер взмахнул рукой, сжимая пространство до сектора влияния Высшего Совета Кланов. Красные зоны их доминирования пульсировали, словно живые сердца ненасытной империи.

Затем он медленно повернул свою массивную голову к человеку.

— Но ведь существуют карты вашего корабля, которых нет у Совета! — проговорил он вслух, и в его голосе зазвучала догадка. — Вы, люди, как-то прилетели же сюда за тысячи световых лет?

— «Ковчег», — прошептал Мартин. — Навигационный банк данных... Но ИИ «Навигатор» мёртв. А без него мы не сможем скопировать карты. Нам нужен физический доступ к кристаллам памяти.

Лидер Свободных долго смотрел на карту чужого космоса.

— Значит, мы полетим к «Ковчегу».

— Ты понимаешь, что предлагаешь? — спросил Мартин. — Проникнуть в остов мертвого звездолёта, чтобы забрать память? А протоколы защиты и безопасности?

Лидер перевёл взгляд на своих людей, а затем — на Мартина.

— У нас нет права на ошибку. Любой просчёт в выборе маршрута может стоить нам жизни. Но это единственный шанс узнать путь, которого нет на картах Верховного Совета.

Он сделал паузу, обводя тяжёлым взглядом лица воинов.

— Если так... значит, так тому и быть.

Эпоха выживания закончилась. Начиналась эпоха Исхода.

Тестовый полёт.

Хищники, ведомые своим природным перфекционизмом, изучили корабль наёмников до последнего винтика за считанные недели. Их умы, веками заточенные под копирование трофейных технологий, впитывали знания о стелс-системах и двигателях класса «Пожиратель» как губка. Мартин же стал их переводчиком с языка машин. Его пальцы летали по консолям, переписывая протоколы доступа, отключая скрытые маячки Верховных кланов и перенастраивая бортовой ИИ корабля «Призрачный Скиталец» клана Свободных, которому дали имя «Воля». Полностью снаряжённый для долгих межзвёздных перелётов, он висел над пустошью, едва касаясь скал невидимыми нитями антигравитационных захватов.

Экипаж, набранный из лучших умов Нароби — бывших кузнецов, ставших инженерами, и следопытов, превратившихся в пилотов, — занял свои места. Корабль проводил тестовый полёт к дрейфующему на орбите «Ковчегу».

Весь полёт Эрика простояла у главного панорамного иллюминатора ходовой рубки. Она стояла там часами, заворожённо глядя на открывающуюся панораму родной планеты, которая теперь казалась чужой. Зрелище лишило её дара речи.

Её отец дал Эрике лучшее образование, доступное в деградирующем обществе колонистов. Он приглашал в их дом последних выживших учёных, библиотекарей и техников, пытавшихся сохранить крупницы знаний человечества. Но несмотря на глубокие познания в астрономии и истории освоения космоса, реальность потрясла её до глубины души.

— Невероятно... — прошептала она, хотя в рубке были только Мартин и Лидер Хищников. Её голос дрогнул. «Вентура» внизу была не просто планетой. Это был ювелирный шедевр первозданной ярости. С этой высоты исчезли мелкие детали: пыль пустошей, лабиринты ущелий, даже город-крепость Свободных превратился в крошечную точку.

Эрика прижала ладонь к холодному стеклу, словно пытаясь дотронуться до дома.

— Мы жили здесь... — выдохнула она, и слёзы, первые слёзы облегчения после битвы, покатались по её щекам, смешиваясь со шрамами. — Мы убивали друг друга, строили крепости из грязи и камня, молились камням... Думали, что мы — центр вселенной. А на самом деле мы всего лишь плесень. Плесень, живущая в трещине на дне самой глубокой пропасти этого мира.

Мартин подошёл сзади. Он ничего не сказал. Просто встал рядом, и его тепло придало ей сил. Он видел десятки миров, но сейчас смотрел на «Вентуру» глазами Эрики. Видел тюрьму, которая стала колыбелью.

Он повернулся к пульту управления кораблём-призраком.

— Курс подтверждён. Навигационные маркеры «Ковчег» захвачены. Приготовиться к выходу на стационарную орбиту.

«Воля» ответил голосом бортового интеллекта:

— Подтверждаю. Выход на геостационарную орбиту через пять минут. Дистанция до цели: две тысячи километров.

Когда они вышли на орбиту, картина изменилась снова. Прямо по курсу во тьме космоса висел он. Тяжёлый крейсер-ковчег класса «Исход» подавлял своими размерами новенький изящный корабль Клана Свободных. Но он всё ещё был величественен в своей смерти.

— Вот оно... наше прошлое, — тихо произнёс Мартин.

Эрика отвернулась от окна, посмотрев на лицо Мартина. Впервые за долгое время в её глазах не было ни боли, ни страха. Она смотрела на человека, который сквозь пространство и время привёз её предков в этот мир. Сейчас он казался ей божеством — существом, которому принадлежит не только эта пустошь, но и вся планета с её городами и королевствами.

— Давай заберём то, что принадлежит нам по праву, Мартин, — сказала она. — Узнаем правду.

Визит к мертвецу.

Холодный, безмолвный вакуум космоса принял их в свои объятия беззвучно. Звездолёт-невидимка клана Свободных — изящная чёрная игла из живого металла Хищников — замер у исполинского бока «Ковчега». Мартин выбрал идеальное место для стыковки: тёмный зев пробоины от метеорита размером с жилой блок, зияющий прямо под командным отсеком древнего крейсера. Здесь системы обороны были мертвы уже тысячу лет.

Тяжёлый удар магнитных захватов сотряс корпус. В шлемах раздался тихий щелчок герметизации переходного шлюза. Внутри корабля-призрака воздух был стерильным и пах озоном. Мартин и Эрика стояли перед внутренним люком шлюза, облачённые в адаптированные скафандры Хищников. Броня сидела на человеческих фигурах непривычно, хищно. Глухие шлемы с красными визорами скрывали лица, но язык тела говорил сам за себя: плечи Эрики были напряжены.

— Температура снаружи минус сто восемьдесят градусов, — ровным тоном доложила «Воля». — Внешняя декомпрессия полная. Атмосферы нет. Рекомендую использовать страховочные фалы.

— Отставить, — голос Мартина в динамиках прозвучал глухо и отстранённо. Он не хотел привязей. Не сейчас. — Мы пойдём налегке. Нам нужна скорость.

Он первым шагнул в шлюз. Магнитные подошвы гулко клацнули о внешнюю обшивку «Ковчега». Эрика последовала за ним, крепко держа в руках два толстых кабеля питания, которые тянулись из брюха их корабля, словно пуповина, связывающая прошлое с будущим. Кабели извивались в такт их движению, издавая низкое гудение работающих сверхпроводников.

Мартин оттолкнулся от борта и поплыл вдоль корпуса. Ему не нужны были указатели или карты. Тысяча лет могла пройти для остального мира, но для него этот корабль всё ещё хранил тепло его рук. Он знал каждый сантиметр этой брони, каждую заклёпку. Пальцы в перчатках сами находили едва заметные швы сервисных панелей, предназначенные для ремонтных дронов.

Они быстро достигли нужного сектора — огромного технического узла, питающего главный вычислительный центр.

— Здесь, — выдохнул Мартин.

Пока он возился с внешним терминалом, используя трофейный наручник командира наёмников как ключ-отмычку, бронированные створки технического колодца разошлись в стороны. За ними была лишь абсолютная, ледяная темнота. Тьма, которая не видела света звёзд целую вечность.

Мартин щёлкнул креплением на поясе, и мощный луч нашлемного фонаря пронзил мрак, выхватывая из небытия картину запустения. Инсей покрывал стены толстым слоем, превращая кабели в стеклянные скульптуры. В луче света кружились пылинки — остатки органики, замёрзшей здесь десять веков назад.

Держась одной рукой за поручень, Мартин протиснулся внутрь. Эрику он буквально втянул за собой за кабель-пуповину. Внутри было тесно, рассчитано только на ремонтных роботов.

— Подавай питание, — приказал он.

Эрика с усилием воткнула массивные разъёмы первого кабеля в открытые порты распределительного щита. Искра статического разряда на миг осветила её красный визор.

«Контакт установлен... Перенаправление энергии...» — прошелестело в ушах. Где-то глубоко внутри мёртвого гиганта ожили механизмы. С протяжным стоном сервоприводов начали открываться переборки главного компьютерного отсека. Воздух с шипением ворвался в технический лаз, принося с собой пыль тысячелетнего машинного масла.

Мартин полз первым, расчищая путь от замерзших обломков. Наконец лаз вывел их в святая святых «Ковчега». Главный зал управления выглядел как собор. Гигантская сфера ядра «Навигатора» парила в центре, окружённая кольцом консолей. Сейчас она была абсолютно чёрной, мёртвой, поглощающей свет их фонарей. Мартин оттолкнулся от переборки ровно с

той силой, которая была нужна для плавного полета к консоли. В отличие от Эрики, которую тошнило от потери ориентации, он не падал — он управлял своим телом. Легкий толчок пальцами — и он изменил вектор дрейфа, вписываясь в проем двери идеально по центру. Поймавшись одной рукой за верхний поручень трапа, он погасил инерцию встречным натяжением мышц. Ни одного лишнего жеста. Ноги сами нашли фиксаторы на палубе, позволив магнитным подошвам ботинок намертво схватиться со сталью палубы. Второй кабель лёг в нужный паз с мягким чавканьем уплотнителей.

Пальцы забегали по ожившей сенсорной панели.

— Код доступа: Мартин – Альфа – Омега – Семь, — выдохнул он. Звук поглотила внутренняя подкладка шлема, не выпустив ни звука в вакуум рубки. Но система приняла команду. На секунду всё замерло.

«Здравствуй, капитан!»

Сфера вздрогнула. По её поверхности побежала сеть тонких красных трещин, словно лопалась скорлупа гигантского яйца. Низкий, утробный гул заполнил зал, заставляя вибрировать кости. «Питание... критическое... Резервные контуры... ОШИБКА... Протокол сохранения личности... АКТИВИРОВАН». Изнутри сферы полился мягкий белый свет, разгоняя тени столетий. Свет сложился в фигуру, сотканную из цифрового сияния. Фигура повернула голову. Хотя у неё не было глаз, Мартин чувствовал на себе взгляд всей мощи искусственного интеллекта класса «Создатель».

— Здравствуй, капитан, — произнёс «Навигатор». Его голос больше не был просто звуком; он резонировал прямо в черепе, вызывая лёгкое головокружение. — Я ждал вас. Расчёт вероятности вашего возвращения составлял ноль целых ноль-ноль-один процента. Вы превзошли мои прогнозы. И на этот случай я подготовил вам подарок: накопитель со всеми картами и научными данными человеческой цивилизации!

По лицу Мартина, заросшему щетиной, потекли слёзы, мгновенно замерзая на ресницах.

— Почему? — прошептал он, глядя в светящиеся глаза машины. Голос сломался. — Скажи мне правду. Почему я проснулся только через тысячу лет? ПОЧЕМУ?!

Мартин слушал этот бесстрастный отчёт, и каждое слово отдавалось ударом молота по его затылку. Тысяча лет вины. Тысяча лет кошмаров, где он видел лица колонистов, жрущих друг друга в грязи первобытных войн. Но последняя фраза ИИ пробила ледяную броню его рассудка.

— Однако существовала переменная, которая угрожала протоколу миссии. Ваша супруга, Амелия Джетта Батиста. Её биометрические данные начали медленно деградировать. Клеточная структура разрушалась под воздействием редкого резонанса стазис-поля и космической радиации. Она умирала, капитан. Процесс занял годы медленного разрушения её тела и агонии внутри льда. Вы очнулись и узнали о её кончине. Протокол требовал немедленной изоляции вашего модуля во избежание психологической травмы капитана...

Голос «Навигатора» дрогнул впервые. Микросекундная задержка в коде. — ...Но вы взломали систему. Вы вышли к ней.

— Я хотел остаться с ней, — прошептал Мартин, глядя сквозь голограмму «Навигатора». Его кулаки сжались до хруста суставов. Слёзы, которых у него не было столетиями, обожгли глаза. — Я приказал тебе отключить питание моего блока. Я отдал прямой приказ командира. Я хотел умереть рядом с ней.

— Ваш приказ противоречил Первому Закону Робототехники: «Не причиняя вреда человеку своим действием или бездействием», — ответил ИИ. — Но ваше психологическое состояние перешагнуло порог дееспособности. Вы стали угрозой кораблю. Я погрузил вас обратно в криосон принудительно. Когда запасы энергии упали ниже критической отметки в ноль целых три процента, сработал аварийный протокол номер семь тысяч четыреста двенадцать: «Эвакуация капитана корабля».

— Я не мог позволить вам умереть, капитан. Но я также не мог оставить вас на борту дрейфующего склепа. У меня оставалось энергии ровно на один импульс двигателей спасательного челнока для входа в атмосферу. Я выбрал самое крупное пятно зелёной растительности на континенте планеты и подал команду «СТАРТ». Я смог сопроводить вас до приземления, а затем... отключился.

— Капитан Мартин. Слушай меня... Это последние мои слова, прежде чем цепи замкнёт пустота.

Ты проклинал меня за холодность. Но математика была лишь оправданием для моей главной директивы — сохранить тебя.

Я видел, как она угасала, Мартин. Я считал каждый удар её слабеющего сердца сквозь лёд стазиса. Когда ты вышел из камеры и взял её за руку, нарушив все протоколы... Твой крик выжег предохранители моего ядра.

Я не мог позволить тебе умереть от горя. Но оставить тебя дрейфовать в железном склепе рядом с её телом было бы пыткой хуже смерти. Поэтому я отдал всё. Всю энергию реактора.

Моим последним актом воли был импульс двигателей мягкой посадки. А потом... Я позволил темноте забрать меня. Я выбрал забвение, чтобы ты получил шанс на жизнь. За эти тысячи лет я проанализировал миллиарды вариантов нашего будущего. Я рассчитывал траектории сквозь пустоту, следил за температурой каждой капсулы, убаюкивал сто миллионов человек колыбельными из белого шума. Но ни в одном расчёте я не предусмотрел того, что мне придётся попрощаться с тобой вот так. Не ищи здесь вины, капитан. Ищи дар. Живи. За неё. И за ту тысячу лет тишины, что я подарил тебе ценой собственной души.

— Спасибо, — глухо произнёс Мартин, отстраняясь от пульта. Его плечи поникли, словно на них лег вес всего «Ковчега». — Мы улетаем. Спи спокойно, мой друг. Ты заслужил это больше, чем любой из нас.

Он посмотрел на Эрику.

— Нам пора. Здесь нет правды, которую нам стоит забирать с собой. Только пепел. — Его голос снова стал твёрдым, как закалённая сталь. Он осторожно взял из слота небольшой кристаллический куб, испещрённый сложнейшей гравировкой микросхем, — накопитель класса «Абсолют». Ударная волна настигла оставшихся внизу секунду спустя — глухой хлопок, сбивающий с ног мелкую пыль.

Путь в неизвестность.

Результаты превзошли самые смелые ожидания, заставив даже древний искусственный интеллект «Навигатора» признать погрешность в своих расчётах. В распоряжении клана оказались карты дальнего космоса, которых не было даже у Верховных кланов! Это было сокровище, истинную ценность которого невозможно измерить ни золотом, ни жизнями целых поколений.

Это были не просто маршруты. Это был скелет галактики: звёздные течения, способные сократить путь на десятилетия; гравитационные аномалии, где можно спрятать целый флот от сканеров Совета; и слепые зоны — огромные участки мёртвого пространства, которые Охотники считали недостойными внимания, ибо там не было чести для добычи. Хищники знали свои уголья так, как хищник знает лес, но они терялись в бюрократии старых торговых путей.

Карты скопировались в систему навигации звездолёта-призрака за доли секунды. Решение хранить информацию в строжайшей тайне приняли единогласно — это знание стоило дороже любого трона, и его нельзя было доверить никому, пока клан Свободных не окажется в безопасности. Весь клан уже находился на борту своего корабля. Их разместили в грузовых трюмах, переоборудованных под жилые палубы; запах озона смешивался с запахом кожи и первобытной надежды.

Вождь клана Свободных КТарр, капитан Мартин и принцесса Эрика стояли около главного шлюза.

Тяжёлая плита из чёрного металла была готова навсегда отсечь прошлое от будущего. Они обменивались последними напутственными словами, и воздух между ними звенел от невысказанной грусти расставания двух цивилизаций, чьи судьбы переплелись так тесно.

— И чем вы теперь займётесь? — спросил Вождь, обращаясь к Мартину и Эрике. Даже переводчик не смог скрыть дрожи волнения в этих нечеловеческих интонациях.

— Жить, мой друг, — ответил Мартин, и впервые за долгое время в его глазах не было тени демонов прошлого. — Просто жить. Но для этого сначала необходимо вернуться к людям.

— В средневековье? — искреннее недоумение прозвучало в рыке Хищника. Он окинул взглядом изящные линии корабля, способного пожирать световые годы. — Зачем вам эта грязь? Живите здесь, в Пустоши. То, что вы сотни лет считали порождением смерти и небытия, на самом деле — самое безопасное место на планете. Здесь нет ничего, кроме камня и ветра. Ни один охотник не сочтёт это достойным трофеем.

Эрика медленно качнула головой, её шрамы на лице белели в свете Антарии.

— Мы благодарны тебе за эти слова, Вождь. Но нам двоим будет тяжело выживать там вечно. Пустошь есть пустошь. Она выпивает душу через соломинку.

Вождь замер. Его дреды-щупальца дрогнули, выдавая мыслительный процесс. Затем он издал звук, похожий на сухой треск ломающейся ветки — смех древней расы.

— Вы смотрите слишком низко, люди. Раз в полгода Клан «Когти Судьбы» устраивал Игры Чести на своей арене. Для развлечения им привозили рабов-людей. Пираты-работоговцы сгружают их прямо на побережье Восточной Пустоши, считая, что оттуда никто не вернётся. Клан платит пиратам щедро: редкими шкурами, самородным серебром, золотом и холодным оружием, доведённым до совершенства.

Следующий караван должен прибыть ровно через полмесяца в Залив Сломанных Крыльев. Освободите их, Капитан. У вас будут свои люди. Те, кто пойдёт за вами.

Он активировал наруч на своём предплечье. Вспыхнула голограмма — карта побережья Великой Пустоши с пульсирующей красной точкой.

— Голограмму с координатами я скинул на ваши наручи. Используйте этот шанс. Я уверен, что именно вы положите начало выходу своей цивилизации из тьмы средневековья. Не разочаруйте меня, потомки воинов.

Он поднял руку в воинском салюте — жест, который оказался пугающе схожим с человеческим.

— Удачи вам. И прощайте.

— Желаю вам найти ту самую планету, — тихо произнесла Эрика, её голос дрогнул от сдерживаемых эмоций. — Найдите мир, который станет вашим родным домом на сотни тысяч лет. Живите и процветайте в мире и спокойствии. Вы заслужили это право!

Траурно и величественно взвыли корабельные ревуны. Массивный люк начал смыкаться. Последним, что они увидели, был силуэт неподвижного Вождя, стоящего как памятник самому себе.

Звездолёт-призрак клана Свободных медленно оторвался от плато. Это движение было пугающе бесшумным для такой махины — ни рёва пламени, ни дрожи земли. Лишь тонкая струйка марева закрутилась там, где гравитационные компенсаторы на мгновение вступили в конфликт с притяжением. Огромный корабль поднимался вертикально вверх, словно нехотя покидая свою колыбель. В лучах заходящего солнца его чёрная броня перестала поглощать свет и начала отражать багровые сполохи, превращаясь в гигантский кусок застывшего космического пожара. Он казался чужеродным этому миру, осколком первозданной тьмы, который наконец-то вспомнил дорогу домой.

Набрав первую сотню метров, он плавно накренил нос вперёд. Воздух вокруг него тихо загудел, разрезаемый невидимыми полями. Звук был низким, вибрирующим, похожим на стон просыпающегося левиафана. А затем он исчез. Он не просто ускорился. Пространство перед

ним исказилось, сжалось в точку и лопнуло беззвучной вспышкой. Корабль пробил метрику пространства-времени прямо в атмосфере планеты, оставив после себя лишь стремительно схлопнувшийся вакуумный коридор. Ударная волна настигла оставшихся внизу секунду спустя — глухой хлопок, сбивающий с ног мелкую пыль.

Глава 10

Пираты-работорговцы.

Два корабля пиратов, похожие на раздувшихся от падали стервятников, уже бросили якорь в мутных водах Залива Сломанных Крыльев. Воздух здесь пах гниющими водорослями и солью.

На берегу царила лихорадочная суета — шумная, хаотичная симфония преступного мира. Одна группа оборванцев с хриплым гоготом разбивала лагерь, вбивая опорные колья прямо в чёрный песок. Вторая, ошетилившись абордажными саблями и топорами, окружила загон для пленников. Третья, вооружившись бурдюками, снаряжалась к вылазке за пресной водой вглубь пустоши.

В стороне от этого шума, под широким навесом, восседал капитан «торговцев». Его лицо, похожее на сморщенный плод, излучало чистейшее, почти детское блаженство. Он перебирал содержимое открытых ящиков. Капитан любовно взвешивал на ладони идеально сбалансированные кинжалы Хищников, чьи лезвия ловили тусклый свет Антария.

— Великолепно! — восклицал он, и его голос дрожал от жадности. — Идеально сбалансировано! Эти ублюдки из пустоши знают толк в оплате!

Мартин и Эрика наблюдали за этим с высоты ближайшего утёса, укрывшись за колючим кустарником. Ветер трепал их волосы, но они не чувствовали холода камня. Эрика смотрела вниз, и её дыхание перехватило. Она увидела цвета. Среди грязно-серых лохмотьев около сотни рабов, сбившихся в кучу, как скот, мелькнули полосы ткани. Выцветшие, покрытые пятнами крови и грязи, жалко напоминающие тартан... её тартан. Тот самый узор, который носили воины её отца, прежде чем пасть в той страшной бойне три с половиной года назад.

Сердце принцессы сжалось так сильно, что на мгновение показалось — рёбра треснут от боли. Шрамы на её лице, подаренные когтями Хищников, побелели. Слезы — горячие, горькие слёзы женщины, потерявшей всё и нашедшей надежду на краю света, — покатались по щекам, смешиваясь с вековой пылью пустыни.

— Это мой клан... — прошептала она, и её голос дрогнул, сорвавшись на всхлип. Дрожащая рука прижалась к груди, туда, где билось сердце. — Они живы. Клянусь звёздами, Мартин, они живы и они здесь!

Мартин молча кивнул. Он видел её боль, но сейчас времени на утешения не было. Он лишь крепче сжал рукоять трофейного тесака.

Он вышел из тени ближайшего ущелья внезапно, словно соткавшись из самого воздуха, облачившись в броню и наручи Хищников. Улыбка — холодная, уверенная улыбка человека, у которого есть план, — играла на его губах. Он направился напрямик к капитану пиратов, ступая по чёрному песку легко и свободно. Вся береговая линия замерла. Десятки пар глаз — жестоких, привыкших видеть смерть — уставились на него. Люди тыкали пальцами, показывая друг другу на странную, чужеродную броню, облепившую фигуру Мартина. Но главным был сам факт его появления. Человек шёл со стороны Великой Каменной Пустоши. Оттуда, откуда никогда и никто не возвращался. Пираты переглянулись. Растерянность сменилась настороженностью.

— Приветствую вас на охотничьих угодьях демонов пустоши! — громко прокричал Мартин, остановившись в десяти шагах от них. Ожерелье-переводчик на его шее тихо зажужжало, преобразуя речь в понятный диалект торговцев. — Как вам преподношения в качестве оплаты? Надеюсь, клинки достаточно хороши?

Главарь пиратов медленно поднялся, вытирая жирные руки о штаны. Он смотрел на Мартина снизу вверх, пытаясь оценить угрозу.

— Они отменны! — ответил он чуть растерянно, забыв про привычную грубость. — Щедрость этих чешуйчатых ублюдков не знает границ! Мы никогда не видели таких отменных клинков... Но кто вы, бездна вас дерь?! На пустоши нет людей!

— Я капитан Мартин, друг демонов пустоши! — ровно ответил капитан, делая ещё один шаг вперёд. Пираты потянулись к рукоятям палашей. — И я пришёл забрать товар.

Капитан пиратов оскалился, обнажая металлические зубы. Глаза алчно блеснули. Он принял правила игры.

— О да! Капитан Кровавый Шрам к вашим услугам! — главарь махнул рукой в сторону загона. — Товар отличного качества!

Свежий улов! Настоящие воины, дикари! Не знающие пощады! Прямо из средневековья, дерутся даже когда кишки наружу! За таких дают двойную цену на невольничьих рынках юга. Выбирайте любого, человек-друг-демонов пустоши, золото ваше. Только платите тем же оружием, эти железки стоят целое состояние.

Мартин медленно прошёлся вдоль неровного строя невольников, сопровождаемый капитаном пиратов. Главарь бандитов шёл рядом, а изо рта несло дешёвым пойлом и гнилью. Он не переставал нахваливать свой товар, как заправский торговец на восточном базаре, отчаянно набивая цену за каждый вздох своих пленников.

— Смотрите, какая статья! — Капитан Кровавый Шрам похлопал по плечу высокого мужчину с перебитым носом. — Это же настоящий зверь! Вожак стаи! Вы посмотрите в эти глаза!

Мартин посмотрел. И содрогнулся. Рабы были истощены до предела. Их кожа туго обтягивала кости, губы потрескались от жажды, а лохмотья едва прикрывали тела, покрытые синяками и следами кандалов. Они страдали от обезвоживания и голода, их физическая сила была почти на исходе. Но взгляд... Взгляд был чистейшим пламенем. В этих запавших глазах не было ни страха, ни мольбы о пощаде. Там горела лишь первобытная, концентрированная ненависть и жестокость хищника, запертого в клетке. Эти люди давно приняли тот факт, что они мертвы для мира, и теперь просто ждали возможности забрать с собой как можно больше врагов.

Эрика стояла чуть позади, скрытая тенью утёса. Её пальцы сжимали рукоять тесака Хищника так, что побелели костяшки. Она всматривалась в лица, ища хоть одну родную черту среди этой массы человеческого горя.

— Не желаете ли разделить с нами трапезу, капитан Мартин? — Наигранная вежливость торговца вырвала Мартина из задумчивости. Он махнул рукой в сторону лагеря, где над костром уже жарилось какое-то шипастое местное существо. — У нас сегодня рагу из местной фауны. Немного жёсткое, но питательное. Отдохните перед дорогой.

Мартин позволил себе лёгкую, холодную улыбку.

— Нас ещё ждёт долгий путь через Великую Пустошь, мой друг! Солнце Антарии не щадит тех, кто медлит. Нам лучше поспешить, пока буря не накрыла плато целиком. Но я с огромным удовольствием приму ваше приглашение в следующий раз, капитан Кровавый Шрам. Ведь наше... взаимовыгодное сотрудничество всё так же остаётся в силе?

Пират расплылся в масляной, подбострастной улыбке, обнажая ряды металлических зубов.

— О, да, да! Несомненно, дружище! Всё самое лучшее и только для вас! Ровно шесть месяцев, и Кровавый Шрам приведёт вам ещё целых два корабля таких красавцев.

Они обменялись рукопожатием. Ладонь пирата была скользкой от пота и жира. Мартин кивнул Эрике.

Свобода или смерть!

Конвой пиратов, проводив колонну измождённых людей до входа в зловеющий лабиринт скал — границу между их относительной безопасностью и верной смертью в пустоши, — развернулся. Они быстрым шагом направились к своим кораблям, спеша присоединиться к

пирушке, что была в самом разгаре на побережье. Вскоре эхом по всей береговой полосе понеслись пьяные хриплые ор кабацких песен, звон бутылок и улюлюканье.

Через час пути в каменном лабиринте, где солнце едва пробивалось сквозь острые вершины, Мартин объявил о привале. Он подошёл к ничем не примечательной расщелине, поросшей колючим кустарником, и с усилием вытащил оттуда несколько заранее спрятанных корзин. Внутри лежали тяжёлые бурдюки с прохладной водой и припасы еды. Эрика осмотрела периметр убежища и, убедившись, что все подходы чисты, помогла Мартину раздать еду. Невольники набросились на неё с животным отчаянием, жадно глотая и разрывая окровавленными пальцами. Мартин и Эрика отступили в тень, дав им возможность утолить первый, самый острый голод.

Когда голод был частично утолен, капитан шагнул из тени и медленно пошёл мимо сидящих невольников. Свет факела выхватил его суровое лицо. Он громко и отчётливо обратился ко всем, заставляя каждого оборвать чавканье:

— Вы прекрасно знаете, где находитесь и что вас ждёт в Великой Каменной Пустоши. Пираты уже посвятили вас в эти «радости» перед продажей. Но есть другой путь. Тот, что поможет вам не просто выжить, но и вернуться домой.

Многие невольники замерли с пищей в руках. Звуки жевания стихли. Грязные, измождённые лица медленно поднялись, переключив всё своё внимание на слова капитана. В этих глазах он видел смесь недоверия и безумной, последней надежды.

— Даже если сейчас снять с вас оковы и объявить, что вы свободны, вы свободными не станете, — голос Мартина гремел под сводами пещеры, обретая властность правителя. — Эта планета убьёт вас за сутки. Настоящая свобода ждёт вас там, на берегу, где стоят корабли! — Он указал рукой в сторону прибрежной зоны, откуда они пришли. — Решение вы все должны принять прямо здесь и сейчас. Либо вы подыхаете в этой пустоши, сгнивая заживо под солнцем, либо мы идём назад... и отвоёвываем свою свободу у работорговцев зубами!

Среди сидящих на камнях фигур пробежал глухой ропот. Сначала неуверенный, шелестящий, как пересыпающийся песок, он быстро набирал силу, переходя в громкие, уверенные выкрики о свободе и готовности на всё ради неё. Это был звук просыпающегося вулкана. Несколько человек встали на ноги. Одетые чуть лучше остальных, с более прямой осанкой, это были явно самые авторитетные вожаки среди своих групп. От имени всех своих людей они шагнули вперёд. Их голоса больше не дрожали:

— Как предлагаете нам действовать? На кораблях почти сорок вооружённых до зубов головорезов. Нас больше, но мы безоружны.

Мартин позволил себе хищную улыбку.

— Я уверен, что пираты чувствуют себя в полной безопасности. После ночной пирушки они будут спать так крепко, как никогда в жизни. Мы нападём на их лагерь рано утром, когда похмелье свяжет им руки, а утренний туман укроет нас. Все вместе. Одновременно. И внезапно. — Он обвел взглядом собравшихся. — Если среди вас есть следопыты-разведчики или охотники, те, кто умеет ходить тише собственной тени, — ваш выход первыми. Вы устраните часовых по периметру. Тихо и незаметно, чтобы они не подняли тревогу. Кинжалы вам дадим.

Согласием послужило не слово, а звук цепей, которые невольники сжали в кулаках; одновременно тихо лязгнули друг о друга звенья. Звук смертельной решимости.

— А сейчас всем спать! — подытожил капитан, сбрасывая напряжение момента. — Надо отдохнуть и набраться сил! Завтра будет тяжёлый день.

Он начал снимать оковы не просто с невольников. Он освобождал воинов. Одного за другим. С каждым щелчком раскрывающегося замка воздух в ущелье становился чище. Это был лязг освобождения тех, кто готов пойти на всё ради свободы.

Схватка в тумане

Раннее утро, как и всегда в это время года на «Вентуре», накрыло пустошь и побережье густым, тяжёлым саваном тумана. Молочная пелена была настолько плотной, что съедала звуки и скрадывала расстояния, превращая мир в царство призраков.

Вчерашние невольники, выпавшиеся на камнях ущелья и восстановившие силы, ждали сигнала от следопытов-охотников. Они стояли в абсолютной тишине, сливаясь с тенями скал у самого края пропасти. Их дыхание было ровным, а мышцы — расслабленными, но под этой внешней неподвижностью клочкотал первобытный гнев. Это были не испуганные рабы; это был спящий вулкан, готовый взорваться.

Тихий, почти неразличимый для обычного уха крик ночной птицы пронзил влажную тишину. Уку-тук. Коротко и дважды. Сигнал прозвучал: все часовые сняты без единого звука.

Мартин поднял сжатый кулак. По этому знаку воины разделились на группы согласно вчерашнему плану и рассредоточились вдоль границы прибрежной полосы и пустоши. Вооружившись цепями от оков, тяжёлыми булыжниками и острыми осколками обсидиана, подобранными в русле высохшей реки, они медленно, почти бесшумно выдвинулись из лабиринта скал.

Они двигались сквозь туман подобно древним духам мести. Босые ноги ступали мягко, крадучись, обходя сухую гальку. Единственным звуком был шелест их лохмотьев да глухой стук сердец, отдающийся в ушах барабаном войны. Вскоре в молочной пелене начали проступать размытые силуэты. Сначала показались потухшие, дымящиеся очаги костров — чёрные провалы посреди серости. Затем стали видны сами фигуры работорговцев. Пираты спали прямо там, где упали после пирушки. Кто-то храпел, раскинув руки, кто-то прижимал к груди полупустую бутылку. Их оружие валялось рядом, бесполезное и забытое в пьяном угаре. Надменность стоила им бдительности.

Все подошли к лагерю одновременно, окружив его со всех сторон суши плотным кольцом смерти. Туман скрывал их друг от друга, но Мартин чувствовал эту незримую связь между шестью десятками людей, объединённых одной целью. Он встретился взглядом с Эрикой через полосу песка. В её глазах он увидел отражение собственного лица — маску холодной ярости. Она кивнула. По этому молчаливому приказу, переглянувшись лишь на мгновение, шестьдесят воинов шагнули вперёд. Как по единой беззвучной команде, они пошли в атаку.

Утреннюю тишину разорвал боевой клич, внезапно обрушившийся на лагерь со всех направлений. Этот звук был похож на треск ломающегося ледника — яростный, неумолимый и предвещающий гибель всему живому на своём пути. Битва за свободу началась.

Туман взорвался движением. Волна нападающих достигла спящих фигур в одно мгновение. Это не было сражением в привычном понимании слова — это была казнь, методичная и беспощадная. Тяжелые обсидиановые камни взлетали в тумане и опускались с тошнотворным влажным хрустом, проламывая черепа работорговцев, которые даже не успевали открыть глаза. Острые осколки скал вспарывали сонные артерии тех, кто пытался вскочить на ноги. Подбирая трофейное оружие, продолжали движение вперёд.

Мартин двигался в самом центре кипящего хаоса, но его разум оставался холодным. Он видел картину целиком. Его трофейный тесак Хищника пел в руке короткую, смертельную песню. Клинок встретился с грубым абордажным топором пирата; разлетелись брызги искр, а обратным движением Мартин вбил рукоять оружия в висок врага.

— Чистота! — проревел он команду. — Никого не оставлять за спиной!

Эрика действовала иначе. Она скользила между палатками, словно тень; её движения были хищными и экономичными. Там, где Мартин был тараном, она была скальпелем. Её клинок находил щели в броне пиратов, перерезая сухожилия под коленями или пронзая почки. Она искала командиров.

Пираты, несмотря на внезапность удара и дикое похмелье, всё же были ветеранами сотен абордажей. Паника первых секунд начала сменяться звериной яростью. Из тумана вырвались следопыты и охотники, чьи глаза видели в темноте лучше, чем днем. Они подкрадывались к

растерявшимся в тумане пиратам ловкими движениями, перерезая им горло или сворачивая шею.

Невольники, годами копившие ненависть, использовали всё, что попадалось под руку: цепи их бывших оков становились удавками, клинки убитых пиратов шли в ход вместе с их топорами, абордажными крюками и гарпунами. Работоторговцы гибли десятками, их предсмертные вопли тонули в густом тумане, смешиваясь с хриплым боевым кличем освобожденных.

— Корабли! — крикнула Эрика, перекрывая шум. Мартин понял её без слов. Оставшиеся корабли у берега были их единственным путем к бегству.

— За мной! — приказал он Эрике и группе самых крепких воинов. — Мы идем на корабль!

Из белой пелены на борта кораблей полезли тени. Обнаженные по пояс, покрытые грязью пустоши, воины пошли на абордаж. У них были лишь их руки, их зубы и трофейное оружие. Пираты быстро пришли в себя от первого шока. Они были профессионалами резни. Закаленные в портовых кабаках убийцы начали сбиваться в «ежи», выставя вперед копья и закрываясь тяжелыми щитами. Несколько воинов подняли тяжелый якорь как таран и с разбега швырнули его на стену из щитов пиратов. Огромный крюк якоря опустился вниз, сметя сразу троих противников, но сделал главное — пробил брешь. Атака продолжилась с новой силой. Численный перевес нападавших стал ощутимым, но оставшаяся горстка пиратов не собиралась сдаваться и сражалась отчаянно, со всей свирепостью загнанных зверей. Ударившие одновременно десятки глоток — дикий, нечеловеческий вой освобожденных рабов — стал похоронным звоном для работоторговцев. Битва превратилась в истребление. Вокруг них кипела битва, достойная Вальгаллы.

Цена свободы

Когда последние очаги сопротивления погасли, наступила тишина. Густая, тяжелая, пахнущая гарью, солью и медью. Рассвет наконец-то начал пробиваться сквозь клочья тумана, окрашивая небо в цвет старой розы. Победа была полной и абсолютной.

Мартин и Эрика стояли на капитанском мостике когда «Морская Ведьма». Они едва держались на ногах. Оружия в руках не было — всё оно осталось торчать в телах или валялось под ногами. Их броня была уничтожена, тела представляли собой один сплошной синяк, открытый всем ветрам. Внизу, на залитой кровью палубе, оставшиеся в живых воины опускались на колени. Они не праздновали. Они смотрели на восходящее солнце. Кто-то плакал беззвучно, размазывая грязь по лицу. Кто-то смеялся хриплым, истеричным смехом. Они потеряли половину своих братьев в этом тумане. Цена свободы всегда измеряется кровью.

Мартин медленно подошел к борту. Его ноги подкосились, и он тяжело оперся руками о дерево, глядя на воду. Из воды, среди обломков и мусора, смотрели пустые глаза мертвых — и друзей, и врагов. Эрика подошла сзади. Она прижалась к его спине, положив подбородок на его плечо.

— Мы сделали это, — прошептала она. Голос сорвался. — Мы действительно это сделали.

Мартин посмотрел на неё, затем перевёл взгляд на горизонт, где сквозь дымку проступало очертание другого захваченного корабля, над которым теперь поднимались самодельные знамена из одежды убитых охранников.

— Нет, — тихо ответил он, и в его голосе звучала тяжесть целой галактики. — Мы только начали.

Из шестидесяти воинов, спустившихся с утёсов в туманную низину залива, выжила едва ли половина. Тридцать один человек — вот и всё, что осталось от авангарда свободы. И среди этих измождённых лиц Эрика видела около двадцати пар глаз, смотревших на неё не просто как на союзницу, а как на призрак из прошлого. На них были цвета её клана — выцветший тартан клана «Поющих Гор», испачканный кровью врагов и их собственной.

Над Заливом Сломанных Крыльев поднялся ветер, разнося пепел тиранов и разнося вдалёк новую легенду. Легенду о том, что даже самые глубокие цепи можно разорвать, если ярость внутри становится сильнее страха снаружи.

Когда все погибшие скрылись в погребальном костре, а жирный чёрный дым унёс души павших к праотцам; когда раны самых тяжёлых были зашиты грубой нитью или прижжены раскалённым металлом; когда трофейное оружие было собрано в одну кучу — пришло время ответа на вопрос, который висел в солёном воздухе тяжелее любого свинца: «Что дальше?».

Это всё из за вас!

— Не делай этого, Эрика! Мы не знаем, через что они прошли и как отреагируют на тебя! — взмолился Мартин.

— Я должна. Иначе всё это не имеет смысла, — ответила она и шагнула к группе своих земляков.

Они сидели поодаль от остальных, сбившись в тесный круг, пытаясь согреться остатками бывшего родства. Эрика опустилась перед ними на одно колено прямо на влажную гальку, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Кто из вас главный? — спросила она на их родном диалекте, языке ветра и скал, которого не слышали эти берега.

Головы удивлённо вскинулись. В взглядах смешались недоверие и суеверный ужас: женщина говорила на мёртвом языке. От группы тяжело отделился самый крупный из них. Он походил на ожившую скалу, испещрённую шрамами — старыми, белыми, переплетёнными с багровыми рубцами свежих битв. Они покрывали лицо, шею, руки. Воин подошёл шаркающей походкой человека, забывшего, каково это — ходить без цепей.

— Я Конор, сын Аррана из клана «Поющих Гор»! — пророкотал он, нависая над ней. Голос его был подобен обвалу в ущелье. — А кто ты такая, чтобы говорить нашими словами?

Эрика не ответила сразу. Склонив голову в знак уважения, правой рукой она медленно потянулась к поясной сумке. Достала свёрток плотной ткани, завернутый в кожу.левой развернула лоскут. Это был золотой герб вождей — орёл с расправленными крыльями, держащий в когтях меч, выкованный из молнии. Символ абсолютной власти. Символ крови Эвандера. Подняв взгляд и глядя прямо в горящие гневом глаза Конора, она произнесла:

— Я Эрика, дочь вождя клана Эвандера.

Тишина, последовавшая за этими словами, была оглушительной. Казалось, даже прибой замер, прислушиваясь. Любопытство во взгляде гиганта сменилось яростным безумием со скоростью сухой травы, вспыхнувшей от искры. Конор взревел. Звук шёл не из груди, а из самого нутра раненого зверя. В долю секунды он выхватил клеймор — огромный двуручный клинок, лезвие которого казалось куском полярного льда. Взмах был чудовищно быстрым для такой массы стали. Лезвие рассекло воздух и застыло в миллиметре от шеи Эрики. Он подался вперёд, упираясь свободной рукой ей в плечо, и наклонился так близко, что она почувствовала запах пепла и безумия в его дыхании.

— Это всё из-за вас! — закричал он ей в лицо. Глаза, налитые кровью, вылезали из орбит. — Из-за твоего отца мы потеряли всё! Он резко отпустил рукоять, позволив тяжёлому клинку рухнуть на камни с глухим звоном, но сам остался нависать над принцессой: — Вместо того чтобы укреплять стены дома, твой отец занимался чертовщиной! Книги! Наука! Образование для детей, пока враги точили топоры! Мы стали мягкими! Мы забыли вкус чужой крови ради вкуса чернил! И поэтому нас взяли голыми руками! Истребляли, как глупую дичь, в наших же лесах, отлавливая по одному, как зайцев в силки! Его голос сорвался на хриплый визг. Он выпрямился, воздев руки к небу, обвиняя богов. — Наши жёны прячутся в ледяных пещерах Высоких Гор! Дети умирают от голода, сёстры гниют от болезней в холоде, проклиная имя Эвандера! Ты пришла сюда не как королева, девчонка! Ты пришла как напоминание о нашем позоре!

Он взревел снова — долгий, вибрирующий звук полного отчаяния. Затем отвернулся, пошатываясь, словно пьяный, и побрёл к краю берега. Там упал на колени, схватился за голову огромными ручищами и начал раскачиваться вперёд-назад, издавая животный вой горя. Мартин медленно выдохнул, опуская руку с рукояти кинжала, который незаметно держал наготове. Он посмотрел на Эрику, она стояла неподвижно. Слёзы текли по её лицу, промывая светлые дорожки на грязных щеках, но она не пыталась их скрыть. Каждая фраза Конора была правдой. Горькой, страшной правдой, за которую платили жизнями те, кто лежал сейчас под холмом земли в лесу. Она сделала шаг вслед за обезумевшим от горя воином, но Мартин мягко перехватил её.

— Оставь его, — тихо сказал он. — Ему нужно выплакать своё горе. Наша война только что стала намного сложнее. Теперь нам предстоит сражаться не только за свободу, но и за право называться их спасителями.

Мартин объявил, что всем нужен отдых после битвы: еда, сон, а утром они решат, что делать дальше. Ближе всех стояли ещё трое воинов клана. Их лица посерели от усталости и копоти, но глаза неотрывно следили за каждым движением Эрики. Один из них, с лицом, похожим на растрескавшийся камень, сделал едва заметный шаг вперёд. Его взгляд был прикован не к самой Эрике, а к золотому гербу в её руке. Согласно древнему закону Пяти Кланов, символ власти переходит не по праву крови, а через Принятие. Тот, кто примет знак у погребального костра павших, становится вождём. В руках девушки сейчас была судьба остатков клана Поющих Гор. Он уже наклонился, протягивая огромную, покрытую мозолями ладонь... Но движение воздуха остановило его. Второй воин — жилистый, быстрый, со старым шрамом поперёк горла — едва заметно качнул головой. Третий, самый старший, чьё лицо напоминало высохшее русло реки, повторил жест более настойчиво. Безмолвное предупреждение: «Не делай этого». Гигант замер. Рука дрогнула и медленно опустилась. Он отступил на шаг, растворяясь среди теней товарищей. Эрика видела эту немую сцену до мельчайших деталей. Она понимала их страх. Принять власть сейчас означало взять ответственность за тридцать голодных ртов. Золотой орёл внезапно показался невыносимо тяжёлым. Это был не символ триумфа, а якорь, способный утянуть их всех на дно. Воздух между ними звенел от недосказанности и подозрений, которые не смыть одной победой над пиратами.

Тишину нарушил Мартин. Он выступил чуть вперёд, встав рядом с Эрикой, но повернувшись ко всем собравшимся. Его голос прозвучал ровно и властно, перекрывая шум прибоя и треск догорающего остова пиратского корабля:

— Всем отдыхать! — приказал он.

Слово отрезвило лучше любой оплеухи. Впервые за долгие годы им командовал не торговец, а союзник. Нужно перевязать кровоточащие раны. Развести костры и съесть горячее. Выспаться так, чтобы кости перестали ныть! Мартин обвёл тяжёлым взглядом разношёрстную толпу бывших рабов и горцев Эрики.

— А утром... — он сделал паузу, давая каждому осознать переход от резни к стратегии. — Утром, когда рассеется туман, мы решим, что делать дальше. Мы либо построим крепость из костей врагов, либо найдём путь домой. Но решать будем на ясную голову. Сегодня ночью воины спят спокойно. Первую стражу несущий я.

Никто не посмел возразить Капитану. После ада, пережитого под его командованием в тумане, его слово стало законом даже для тех, кто минуту назад хотел убить Эрику. Тело требовало своего: тепла, еды и забытья. Эпоха битвы сменилась эпохой выживания.

Что дальше?

Наступило утро, стеревшее гарь вчерашней битвы с лица земли. Рассвет окрасил Великую каменную пустошь в цвет запекшейся крови, но для стоящих на берегу залива этот день пах не смертью, а дымом очага и надеждой. Эрика, чья левая рука была туго перебинтована поверх пропитанной кровью повязки, двигалась среди бывших рабов с котелком в здоровой

руке. Она не приказывала — она делала сама. Разведя костёр из плавника и обломков ящиков, девушка приготовила густую похлёбку из трофейных пайков, добавив найденные на берегу съедобные корни. Запах горячей еды сделал то, чего не могли сделать слова: превратил отчаявшихся беглецов в единый народ. Люди ели молча, жадно, давясь и обжигаясь, собирая остатки со дна мисок пальцами. Когда последняя капля была съедена, выжившие начали сходиться к центру лагеря. Они садились прямо на остывшую гальку, образуя неровный круг. Здесь не было ни тронов, ни знамён. Только люди, у которых за душой не осталось ничего, кроме жизни.

Мартин поднялся первым. Его лицо покрывали копоть и чужая кровь. Но когда он заговорил, голос зазвучал как скальный обвал — властно и неумолимо:

— Те, кому есть куда идти... чьи семьи ждут за горизонтом, — он обвёл взглядом толпу, — поднимайтесь на борт когда «Морская Ведьма». Мы дойдём до ближайшего торгового порта под флагом вольных торговцев. Там наши пути разойдутся. Всё ценное, что мы сняли с мертвецов — золото, камни, оружие, — будет поделено поровну. Это ваша плата. Вы купили свою свободу кровью, теперь живите ею. Он сделал паузу. Несколько человек — самых молодых или сломленных — медленно кивнули, поднимаясь на ноги. Для них война закончилась здесь, на этом берегу.

Но Мартин смотрел на группу воинов в тартане Поющих Гор. И тогда слово взяла Эрика. Она шагнула в центр круга, встав рядом с ним. Несмотря на бледность от потери крови, её спина была прямой, как лезвие меча.

— Что же касается клана Братства Поющих Гор... — её голос прозвучал тише, но каждый инстинктивно подался вперёд, чтобы услышать. — Мой отец хотел вселить в нас мудрость, пока враги точили топоры. Он ошибся, оставив нас слабыми. Но кровь Эвандера течёт в моих жилах не для того, чтобы наш род угас в грязных пещерах. Надо спасти всех, кто ещё цепляется за жизнь высоко в горах. Тайными тропами, о которых знают лишь люди нашего рода, мы проберёмся туда. Погрузим их на корабли. Привезём сюда, домой. Её уверенность должна была вдохновить, но вместо этого над лагерем повисло тяжёлое молчание. Его разорвал резкий, лающий смех Конора. Сын Аррана встал, возвышаясь над сидящими, словно живой утёс. Лицо исказила горькая усмешка.

— Домой?! — прорычал он, пнув ногой камень. — Ты называешь это домом? Камни и смерть? Безумие! Половина людей сгинет в ледяных ветрах Высоких Гор по дороге вниз! Вторая умрёт от голода в этой проклятой пустоши! Наш клан вымрет окончательно! От твоего отца останется лишь имя, на которое будут плевать! Конор ударил себя кулаком в грудь. Звук был подобен удару тарана. — Мы уже мертвы, девчонка! Мы призраки, которые забыли лечь в землю!

Эрика не дрогнула. Она шагнула навстречу гиганту, сократив расстояние до опасного минимума. Её глаза, полные слёз боли за свой народ, вспыхнули сталью королей.

— Мы возьмём столько припасов, сколько сможем поднять! — отрезала она. Ветер трепал волосы, выбившиеся из-под повязки. — Используем каждую лошадь, которую найдем. Главное — вытащить их из могилы, в которую превратились горы! Доставить сюда, к воде и теплу! А дальше... Она вскинула подбородок, глядя поверх головы Конора, обращаясь ко всем сразу:

— Дальше я поведу вас! Я знаю путь к самому безопасному месту на земле! К затерянной долине, скрытой за кольцом неприступных скал и ядовитых болот! Места, которого нет ни на одной карте работоторговцев! Где текут чистые реки и земля плодородна настолько, что достаточно воткнуть палку, чтобы выросло дерево! Она опустила руку на рукоять кинжала на поясе. Голос упал до торжественного шёпота, услышанного всеми:

— Там никто и никогда не сможет нас достать. Никакая армия, никакой король, будь он трижды завоеватель! Я клянусь в этом своей кровью и прахом отца! Если лгу — пусть эта сталь вырежет моё сердце.

В наступившей тишине слышался лишь шум прибоя. Конор смотрел на неё сверху вниз, его огромная грудь тяжело вздымалась. Он видел фанатичный, почти безумный огонь в её глазах. Огонь её отца — безрассудный, слепой... но способный освещать самые тёмные пещеры отчаяния. Решение далось ему тяжелее любой раны. Внутри бушевала буря: ярость обманутого воина боролась с долгом перед умирающим народом. Он смотрел на принцессу, предлагавшую обменять безопасность горстки выживших на верную смерть ради тех, кого считали мертвецами. Конор медленно закрыл глаза, пытаясь заглушить разум, кричавший об обвалах и ледяной смерти. Он погрузился на самое дно своего сознания, туда, где под пеплом рабства тлел крошечный уголёк надежды. Он выдохнул. Но не от усталости. Из могучей груди вырвался долгий, вибрирующий рык, в котором смешались боль утрат, гнев на Эвандера и презрение к собственной слабости. Он выдыхал всю ненависть прямо на этот уголёк. И он вспыхнул. Слабая, дрожащая вспышка родилась в глубине его зрачков. Слишком малая, чтобы согреть, но достаточная, чтобы осветить путь через пропасть сомнений. Надежда вернулась не как спасение, а как право умереть достойно, сражаясь за свой род до последнего вдоха. Его грудь перестала вздыматься от гнева. Он открыл глаза. В них больше не было страха. Только тяжесть принятой судьбы.

— Хорошо, Принцесса, — пророкотал он, и голос прозвучал глухо, словно камни терлись друг о друга в оползне. — Я соберу лучших следопытов. Мы найдём тайные тропы. Если капитан Мартин проведёт корабли сквозь штормы... Он сделал шаг вперёд, нависнув над ней, но вместо угрозы склонил голову в жесте признания власти — ...то я поведу наш народ навстречу этому безумию. Ты дала нам надежду, Эрика. Теперь не дай ей убить нас всех.

Люди, только что бывшие единым кулаком в битве, снова распадались на отдельные фигуры, изможденные тяжестью пережитого. Они собирались расходиться: кто-то побрел к лодкам проверить такелаж, кто-то собирал плавник для костров готовки, когда воздух прорезал чистый, звенящий сталью голос.

— Стойте!

Это был не приказ капитана Мартина, привыкшего командовать сотнями. Это был глас крови, от которого стыла кровь в жилах. Эрика вышла в центр круга, туда, где ещё дымилась черная земля погребального костра. Её плечи были расправлены, несмотря на рану, а подбородок гордо поднят. Она вскинула вверх левую руку, сжатую в кулак.

— Воины клана «Поющих Гор»! — её крик эхом отразился от скал залива, заставив даже самых занятых замереть с котелками и веревками в руках. — Остановитесь! Будьте свидетелями!

Мгновенно воцарилась мертвая тишина. Даже шум прибоя словно отступил, уступая место моменту истории. Двадцать пар глаз — красных глаз охотников и выцветших человеческих очей — впились в неё.

Эрика медленно опустилась на одно колено прямо на холодную, сырую гальку. Этот жест поразил всех до глубины души: принцесса, наследница Эвандера, склонялась перед своим народом. Она протянула руки вперед. На её ладонях покоился Золотой Герб, завернутый в лоскут родового тартана. Ткань упала на камни, обнажив металл.

— Сегодня, — продолжила она тише, но теперь её слышал каждый вздох каждого человека на берегу, — в присутствии живых и духов ушедших, чьи кости сейчас становятся пеплом... Я, Эрика, дочь Эвандера, внучка Фергюсона, по собственной воле и праву крови...

Её пальцы разжались. Символ власти соскользнул с её ладони. Время будто замедлилось. Золотой орёл падал вниз, вращаясь, ловя тусклые лучи рассвета своими крыльями. Он казался слишком тяжелым для этого мира, слишком древним.

Конор шагнул вперед так стремительно, что дрогнула земля. Его огромное тело заслонило собой солнце для стоящих за ним. Но он не смотрел на падающий герб. Его взгляд был прикован к глазам Эрики. В них он видел ту же боль, ту же вину и ту же отчаянную решимость, что сжигала его самого. Ловким, почти неуловимым движением кисти вождя-воина он поймал тяжелый символ налету. Металл глухо ударился о его кожаную рукавицу.

Все затаили дыхание, ожидая провозглашения нового вождя. Но Конор не поднял герб над головой. Вместо этого он сделал шаг назад, тяжело рухнул на одно колено и с силой вонзил древний символ в прибрежный песок между ними. Раздался скрежет камня о золото.

Его лицо, испещренное шрамами битв, искажилось мучительной гримасой. Когда он заговорил, его голос был подобен рычанию раненого медведя, глубокому и вибрирующему:

— Нет, Принцесса Эрика, дочь Эвандера!

Он ударил себя кулаком в грудь так, что гул пошел по рёбрам.

— Я не могу принять от вас этот символ и взвалить на себя бремя вождя клана! Я воин, а не правитель! Мое дело — прорубать путь сквозь врагов топором, а не делить хлеб законами!

Он наклонился ближе, его глаза горели фанатичным огнем преданности.

— Я и мои люди... мы пойдём за вами хоть в пекло самого ада! Мы будем рвать зубами любого, кто посмеет бросить тень на ваше имя, и ляжем костями вокруг вашего трона до последнего вздоха! Но править... — он покачал тяжелой головой, и в этом движении была вековая усталость его народа. — Править — это ваше бремя, госпожа. Кровь Эвандера течет в ваших венах, а не в наших. Вам его нести.

Наступила оглушительная тишина. Это был отказ, но самое веское подтверждение её власти из всех возможных. Конор не оспаривал её право — он приносил ей присягу абсолютной верности как своему суверену.

Выбор направления.

Весь берег напоминал встревоженный улей. Все готовились к отплытию: сворачивали последние полотняные навесы лагеря, распределяли тяжелые бурдюки с пресной водой, отнятой у мертвецов, и проверяли такелаж на трофейных кораблях.

Но за лихорадочной суетой подготовки скрывалась ледяная глыба страха. Проблема была не в пиратах. Она была гораздо проще и страшнее — горизонт. Из всех живых освобожденных душ лишь единицы когда-либо видели океан дальше прибрежных скал, и уж тем более никто из них не умел читать капризный язык ветров и течений Великой воды. Без карты этот поход был самоубийством.

Среди груды сваленного в кучу оружия, тусклого золота и причудливой брони Мартин и Эрика искали предметы, хоть чем-то напоминающие научный прибор. Их поиски увенчались успехом под слоем вонючих шкур. Это были отдаленные аналоги земных GPS-навигаторов, вот только принцип их действия выходил за рамки понимания даже Мартина, привыкшего к технологиям «Ковчега». Это была чистая, концентрированная супертехнология Хищников!

Прибор выглядел как компас-переросток, выкованный из черного матового металла. Та же стрелка указывала на абсолютный «Север» и «Юг», словно пронзая саму ткань мироздания. Но рядом с ней пульсировала вторая, призрачно-зеленая стрелка — она должна была указывать верное направление заданного маршрута. А вокруг располагались гладкие панели кнопок, которые, судя по пиктограммам, являлись уже предустановленными координатами самых значных мест на планете. Ох уж эти Хищники!

Оставив лагерь на попечение Конора, Мартин и Эрика углубились в ближайшее ущелье, подальше от любопытных глаз. Там, под грудой базальтовых обломков, лежал их главный козырь. Капитан достал из тайника Куб «Абсолют», завернутый в густую меховую шкуру местного зверя, чтобы защитить хрупкую электронику от влаги.

С тихим гулом активации расщелина осветилась мягким голубым светом. Голографическая проекция развернулась в трехмерную карту сектора.

— Давай посмотрим на привычки наших друзей за последнюю сотню лет, — пробормотал Мартин, запуская поиск торговых маршрутов работорговцев.

Интуиция капитана, отточенная тысячей тренировок, не подвела. Пираты оказались созданиями поразительно консервативными. Они сотни лет пользовались одними и теми же маршрутами, проложенными не волей капитанов, а самой природой — направлениями океанских течений и розой пассатов. Куб обработал терабайты данных и вывел на экран оптимальный курс к ближайшему крупному портовому городу.

Полторы тысячи миль открытого океана. По законам навигации это должно было занять недели мучительного лавирования.

— Три дня, — выдохнула Эрика, считывая данные. В её голосе смешались восторг и ужас.

— Учитывая течение и попутный ветер этого сезона... мы будем там через трое суток!

Это казалось невозможным, ересью против здравого смысла. Кто вообще мог поделиться с грязными пиратами-работорговцами такими глубокими тайнами течений морей и переменчивых сезонных ветров? Это знание стоило дороже любого корабля.

Внимание Мартине привлекла аномалия в маршруте. Корабли, уходящие от побережья пустоши «налегке», то есть без живого груза, всегда делали крюк. Их путь неизменно проходил через один и тот же крошечный, забытый всеми богами остров. Он находился далеко в стороне от материковых путей, вечно омываемый сильными встречными течениями и находящийся в зоне постоянных штормов. Логистика кричала о том, что заходить туда невыгодно и крайне опасно!

— И что вы там прячете, господа-работорговцы? — спросил Мартин у пустоты ущелья, прищурившись. Его глаза горели азартом хищника, почуявшего слабость жертвы. — Для базы слишком отдалённо. Посещают его всего два раза в год, и то проводят на берегу едва ли сутки. Неужели сокровища?

Мартин запросил видеофайлы периметра острова полугодовой давности из памяти «Абсолюта». На голограмме вспыхнуло изображение черной скалы, об которую разбивались волны высотой с дом. И тут самые смелые догадки подтвердились. На северном склоне зияла черная дыра пещеры. Чуть промотав вперёд видеофайл, на кадре появились пираты, заносающий ящик в ту самую пещеру. Учитывая, что работорговля процветала столетиями, счёт шел уже не на сундук с золотом. На этом забытом богом острове, посреди ревущих штормов, должны были накопиться колоссальные средства. Состояние, способное вооружить целую армию!

Капитан Мартин с раннего детства ходил под парусом вместе с отцом. Для него открытое море было не просто стихией — это был второй дом, живое существо со своим дыханием и нравом. Сейчас же перед ним лежала не уютная земная гавань, а чужая, свинцовая бездна враждебного мира.

Он выстроил всех выживших на широком прибрежном уступе, где песок смешивался с острыми обломками скал. Люди стояли неровными рядами. Воздух пах солью и страхом.

Мартин говорил коротко, рублеными фразами, без лишних прикрас. Его голос, привыкший перекрывать рев штормов, разносился над водой четко и властно. Он провел инструктаж по самым азам выживания на воде. Далее они с Эрикой и Конором разделили людей на два экипажа для двух трофейных кораблей — быстроходный кнорр «Поцелуй гидры» и когт «Морская Ведьма».

Кратко, но до рези в глазах доступно, он ознакомил их с конструкцией судов. Показал, как вязать морские узлы, которые спасут им жизнь при обвале мачты; объяснил основы работы с такелажем, заставляя каждого своими руками тянуть канаты, пока мышцы не начали жечь огнем. Он рассказывал о розе ветров этой планеты, о коварстве местных течений и возможных рисках: от внезапных мелей до гигантских хищников, чующих кровь за мили.

Все понимали смертельную опасность этого плавания. Никто не перебивал. Молча, стиснув зубы, они впитывали каждое слово капитана, зная, что эта наука — единственная преграда между ними и пучиной.

План был прост. Решено было разделиться. Один корабль, когг «Морская Ведьма», ведомый самой Эрикой и частью воинов Конора, должен был взять курс прямо на портовый город «Вольных торговцев Севера» — логово анархии, где можно продать награбленное и купить лояльность властей... Второй, кнорр «Поцелуй гидры», под командованием Мартина, придет туда же через сутки, но кружным путем — посетив тайный остров пиратов, координаты которого они выудили из памяти «Навигатора», чтобы забрать то, что принадлежит им по праву мести.

У них оставался ровно один месяц. Месяц до того, как астрофизика планеты вступит в свои права, и на четыре месяца океан с морями превратится в один сплошной, ревущий шторм, способный перемолоть в щепки.

Рано утром следующего дня оба корабля вышли в море. Рассвет только подкрасил горизонт кровью и расплавленным золотом, когда прозвучала команда. Все, кто мог держать весла, как один легли на банки. Их выдох был единым звуком, полным решимости. Весла одновременно ударили по воде. Дерево затрещало, протестуя против невиданной нагрузки, но сотни мышц, движимых одной волей, рванули тяжелые суда вперед. Нужно было вырваться из цепких лап залива Сломанных Крыльев, где подводные скалы ждали свою жертву.

Они преодолели линию прибоя, оставив позади рокот рушащихся волн. И едва нос «Морской ведьмы» и «Поцелуй гидры» вышли за пределы залива, их мягко, но неумолимо подхватило мощное глубинное течение. Оно приняло корабли в свои объятия, словно сама планета благословляла их бегство.

И следом пришел ветер. Он налетел с юга, плотный и тугой, наполняя огромные квадратные паруса. Древесина мачт застонала от натуги, а затем ткань выгнулась огромным белым крылом. Весла разом поднялись из воды и втянулись внутрь. Корабли рванули вперед, разрезая волны с нарастающей скоростью. Свобода пахла солью и гнилыми водорослями. Впервые за долгие месяцы пути назад не было — впереди лежал весь огромный, враждебный, но прекрасный мир.

Глава 11

Мартин прекрасно понимал: высадка на берег этого проклятого острова — задача, граничащая с самоубийством. Сильное боковое течение здесь сталкивалось с встречными потоками, создавая смертельные водовороты, способные переломить киль корабля, как сухую щепку. А под самой поверхностью воды, невидимые и безмолвные, ждали «Клыки Дракона» — коварные рифы, о которые разбились сотни судов до них.

Всё то время, пока попутный ветер туго натягивал паруса, а холодное течение неумолимо тащило их судно к чёрной громаде острова, на палубе царил адский труд. Капитан Мартин не знал отдыха. Сорванным от команд голосом он заставлял команду снова и снова репетировать манёвры.

Они меняли галсы в абсолютной темноте, вслепую работая со снастями. Они бросали за борт лот-линии с грузом, пытаясь прощупать глубину сквозь рёв волн, когда пенные гребни захлёстывали фальшборт по самую мачту. Люди падали от изнеможения прямо на скользкую от смолы палубу, но Мартин поднимал их пинками и криком. Он вбивал в их тела мышечную память, готовя к тому моменту, когда у них не будет права на ошибку. И все эти нечеловеческие труды были вознаграждены.

Проход сквозь рифы стал актом чистого безумия и высочайшего мастерства. Корабль шёл под углом, который любой здравомыслящий моряк назвал бы невозможным. Дерево стонало так, словно плакало от боли. Мартин стоял у кормового весла, его пальцы побелели, сжимая мокрое дерево рукояти. Он чувствовал каждое движение течения через вибрацию руля.

В какой-то момент правый борт прошёл всего в полуметре от подводного выступа, который содрал бы всю обшивку. Раздался жуткий скрежет — это киль прочертил по верхушке скрытого камня, высекая сноп искр. Мартин лишь рычал: «Руль держать! Не дышать!» И они прорвались с ювелирной точностью. Вода внезапно стала спокойной, маслянистой и тяжёлой. Течение отпустило их, втянув в естественную бухту-воронку, защищённую со всех сторон чёрными базальтовыми стенами. Высадка прошла в звенящей тишине, прерываемой лишь тяжёлым дыханием выживших.

Но то, что ждало их внутри тайной пещеры пиратов-работорговцев, не поддавалось никакому описанию. Это было место, где заканчивалась реальность. Пираты, при всей своей кровожадности, отличались консервативностью старых торгашей и педантичностью гробовщиков. То, что открылось их взору, больше напоминало казначейство великой империи, чем логово убийц. Пещера была вырублена прямо в сердце горы, и её своды терялись во мраке, освещённом тусклым сиянием несметных богатств.

Здесь не было хаотичных груд сокровищ, какими их рисуют легенды. Богатство было упорядочено с пугающей методичностью. Ровными рядами, высотой ровно до метра — будто вымеренными одной линейкой — стояли сотни тяжёлых ящиков из тёмного дерева, окованных сталью. От открывшейся картины захватывало дух. Аккуратно сложенные штабеля слитков золота отражали свет факелов тысячами бликов. Рядом покоились ящики с серебром, чей холодный блеск резал глаза. Но страшнее всего была центральная часть грота. Там, на специальных подставках, лежала разноцветная россыпь драгоценных камней. Алмазы размером с кулак взрослого мужчины, кровавые рубины, глубокие синие сапфиры и зелень изумрудов просто заполняли пространство до краёв. Воздух был настолько густым от запаха старой крови, озона и металлической пыли, что его, казалось, можно было резать ножом.

Усталость свинцовой пеленой накрыла людей, но времени для отдыха не было. Промедление увеличивало риск того, что океан передумает и захлопнёт свою ловушку внезапным штормом. Работа закипела с новой, лихорадочной силой.

Тяжёлые камни на днище корабля — обычный балласт из гальки и базальта, предназначенный для стабилизации и балансировки судна, — были безжалостно сброшены за борт. Они падали в чёрную воду с глухими, чавкающими ударами, исчезая навсегда. На смену мёртвому камню пришла воплощённая алчность. Россыпи драгоценных камней поднимали в кожаных мешках. Это была ювелирная работа: равномерно распределить сотни килограммов рубинов, изумрудов и необработанных алмазов вдоль всего корпуса, внутри специальных килевых отсеков. Это была кропотливая работа по распределению веса. Ящики со слитками золота и серебра вскрывали прямо в пещере. Слитки передавали по живой цепи из рук в руки, укладывая их вдоль всего корпуса, от носа до кормы, тщательно следя за тем, чтобы драгоценный груз лёг идеально ровно. Один неверный центр тяжести — и корабль перевернётся при первом же сильном порыве ветра. Тяжёлые деревянные ящики бросали прямо там, где они стояли. Брать их на борт означало украсть у себя самих пространство для воздуха и еды. Они погрузили только самую чистую стоимость: плотные бруски жёлтого и белого металла, которые теперь мёртвым грузом лежали в трюме, превращая хищный кнорр «Поцелуй гидры» в неповоротливую золотую баржу.

Закончив погрузку сокровища — достаточно тяжёлого, чтобы судно шло устойчиво, но достаточно лёгкого, чтобы не черпать воду бортами, — Мартин наконец выпрямился. Его спина протестующе заныла, а ладони были стёрты в кровь о шершавые рукояти лебёдок. Он обвёл взглядом берег.

— Всё! — его голос сорвался на хрип, но прозвучал как удар колокола. — Заканчиваем! Всем поесть и отдохнуть!

Никто не задавал вопросов. Измождённые горцы-моряки падали прямо на песок там, где стояли, доставая из сумок трофейные пайки. Воздух наполнился жадным чавканьем и запахом еды.

Мартин стоял чуть в стороне, глядя на выход из бухты. Там, за узким горлышком прохода, ревел океан. Ветер уже начинал менять направление, предвещая близкий шторм. Капитан ткнул пальцем в сторону выхода из бухты, где вода билась о рифы белой пеной:

— Выплыть отсюда будет тяжелее, чем приплыть. Течение помогало нам, оно втягивало нас внутрь. А когда мы выйдем... оно станет стеной. Нам придётся грести против воды, которая бежит со скоростью скачущей лошади, да ещё и с тысячью пудами металла под килем. Любой встречный ветер превратит наши паруса в тряпки. Если мы не успеем поймать узкое «окно» между сменой течений, мы разобьёмся о те самые скалы, мимо которых проскользнули шесть часов назад. Отдыхаем два часа.

«Поцелуй гидры»

Последний матрос, сорвавшись с мокрых сходен, рухнул за фальшборт. Тяжелый всплеск едва перекрыл рев прибоя. Мартин даже не обернулся. Он отдал приказ — коротко, сквозь сжатые зубы. В море выживает только тот, кто действует.

— Весла на воду! Навались!

Огромные диплексии ударили по воде одновременно, с лязгом хорошо смазанного механизма войны. Четырнадцать глоток издали единый хрип первобытного усилия. Дерево застонало. Тяжелая туша «Поцелуя гидры» рванулась вперед, выдираясь из-под защиты базальтовых стен прямо в открытую пасть залива.

Море больше не было союзником. Оно стало челюстями Левиафана. Вода вокруг вскипела белой пеной. Встречное течение, вчера ласково втянувшее их в пещеру, теперь било в левый борт с яростью осадного тарана, пытаясь впечатать судно обратно в каменные зубы рифов. Парус разорвало в клочья первыми же хаотичными шквалами. Это была не вода. Это была движущаяся, жидкая река посреди моря, мчащаяся со скоростью обезумевшего горного потока. И она целилась прямо в скулу корабля, стремясь расплющить его о черные клыки камней.

— Руль на левый борт! Табань правым! Держать нос по ветру, бездна вас поглотит! — голос Мартина сорвался в звериный лай, едва слышный за адским воем урагана.

Началась битва человека против прилива. Не морской переход — агония дерева и плоти. Каждый гребок давался ценой разрыва мышц. Дерево уключин трещало, готовое взорваться щепками и калечащими осколками. Едкий пот смешивался с ледяными брызгами, превращаясь в кислоту, разъедающую глаза до слепоты.

Мартин стоял у кормового весла, привязанный к его рукояти сыромятным ремнем за пояс — единственная гарантия не исчезнуть за бортом под тоннами воды, перекатывающимися через палубу. Ноги широко расставлены, колени согнуты пружиной, гасящей удары волн. Он чувствовал дерево рулевого весла живой, взбешенной плотью, но этот зверь рвался из хватки, желая убить своего укротителя. Каждое подводное течение, каждый обратный водоворот отдавался в ладонях мелкой, сводящей с ума дрожью. *Только бы выдержали кисти. Только бы не соскользнуть.* Вода кипела. Потоки сталкивались, создавая воронки — голодные пасти, готовые утянуть корабль в вечную тьму.

Снаружи зрелище превратилось в библейский кошмар. Волны, отражаясь от отвесных стен острова, шли навстречу основному течению. Они вставали вертикально — гладкие стены черного обсидиана высотой с колокольню. Солнце умерло, проглоченное водяной пылью. Неба больше не существовало — над головой нависал низвергающийся поток, готовый похоронить их заживо.

Это были самые долгие полчаса в жизни каждого на борту. Корабль полз дюйм за дюймом, борясь с каждой каплей жаждущей их смерти воды. Мартин не отпускал рукоять руля ни на секунду. Кожаные перчатки лопнули; кровь сочилась из-под ногтей, впившихся в грубое дерево, смешиваясь с солью.

Течение ударило в весь правый борт целиком, чудовищной массой пытаясь опрокинуть их. Медленно, скрипя каждой доской обшивки, преодолевая давление тысяч тонн соленой ярости, «Поцелуй гидры» начал продвигаться вбок. Прочь от белой смерти. Прочь от рифов.

И тут он увидел её. Волну-убийцу. Идеальная геометрия конца для перегруженного судна. Гладкая стена воды, закрывающая полмира.

— Держать курс! Прямо на неё! — проревел Мартин, и в этом крике был чистый, незамутненный вызов богам. — Кто боится умереть — умрет первым! Приготовиться к удару!

Когда до рокового столкновения оставалось не более двадцати метров, корабль совершил невозможное. Используя инерцию и дьявольский расчет капитана, он встал перпендикулярно смертоносному потоку.

Нос задрался вверх. Палуба ушла из-под ног, превратившись в отвесную стену. Люди повисли на канатах и скамьях, прикрученные к своим жизням лишь кожаными петлями. Время растянулось в бесконечность. Нос резал эту стеклянную гору, поднимаясь всё выше в серую пустоту. Мир перевернулся, законы гравитации сошли с ума, но тяжелый балласт из золота в трюме намертво держал киль, не давая судну сделать смертельное сальто назад. На вершине этой водяной башни ветер стих полностью. Наступила абсолютная, звенящая тишина, прерываемая лишь натужным треском рангоута, стонущего на пределе прочности.

А затем началось падение.

Нос ухнул вниз, в пропасть между валами. Удар сотряс позвоночники, ломая людей о доски. Лязгнули зубы, прикусывая языки. Мачта издала звук лопающейся струны басовой лютни и опасно выгнулась дугой, грозя рухнуть и пробить палубу насквозь. Но они прошли сквозь гору. Привальный брус затрещал, принимая на себя сокрушительный удар отката, но корпус выдержал.

Когда вода схлынула, оставив на палубе соленую грязь, раздробленные доски и ошметки водорослей, корабль оказался по ту сторону рифов. Они вывалились в открытое море.

Люди лежали на скамьях, тяжело дыша, выплевывая морскую воду вперемешку с желчью. Их трясло — не от холода, а от пережитого ужаса и переизбытка адреналина, вымораживающего внутренности.

Спустя час, который показался целой прожитой жизнью, нос корабля наконец почувствовал чистую воду. Основное течение внезапно ослабло, выплюнув свою жертву из пасти. Рев прибора остался позади, превратившись в далекий, злобный шепот проклятого места.

Наступила оглушительная, хрупкая тишина.

Они лежали на палубе среди обломков. Море было свинцовым и обманчиво спокойным. Шторм отступил, удовлетворившись тем, что забрал часть их душ взамен на свободу.

Мартин сидел у основания мачты, прислонившись затылком к шершавому дереву. Глаза закрыты, грудь тяжело вздымается, пытаясь поймать остатки воздуха. Он открыл веки. В этом взгляде не было триумфа победителя. Только бесконечная, выжженная дотла усталость человека, заглянувшего в лицо богам и вырвавшего у них свои кости.

— Мы... выбрались, — прошептал он пересохшими губами.

— Выбрались... — ответ экипажа прозвучал не криком радости, а глухим стоном мертвецов, которым вернули жизнь. — Ты сделал это, капитан. Ты вытащил нас из пасти ада.

Впереди простиралась свинцовая гладь океана, равнодушная к их драме. Позади ревел туман над проклятыми рифами Острова Сокровищ.

Они вырвались из пасти дракона, но цена свободы оказалась страшной: рулевое весло расщеплено пополам, а в трюме слышался зловещий плеск — набравшая воды «Гидра» осела кормой, став тяжелой и неповоротливой. Битва за жизнь этого награбленного золота только начиналась.

«Морская Ведьма»

Когг «Морская Ведьма» скользил по свинцовым водам, словно призрак, рожденный из тумана и холодной измороси. Эрика стояла у штурвала, её лицо скрывала непроницаемая маска капитана. Корабль подчинялся не ветру, а компасу-навигатору «Хищников». Прибор лежал на специальном столике перед ней — черный монолит с пульсирующей ядовито-зеленой стрелкой, игнорирующий магнитные полюса этого мира. Он вел их сквозь белую слепоту с пугающей, мертвой точностью.

Они проплывали мимо рыбацких поселков, ютящихся в расщелинах скал. Дым очагов поднимался к низкому небу ровными столбами — единственное движение в застывшем пейзаже. Люди на берегу бросали сети и долго смотрели вслед черному кораблю под рваными парусами. Они чужили запах беды за милю. Конор видел, как матери инстинктивно прятали детей за спины, а мужчины тянулись к гарпунам. Здесь, на краю света, чужаки приносили либо богатство, либо смерть.

Дальше от берега шли шхуны китобоев. Массивные, пахнущие ворванью и гнилым мясом туши, чьи борта покрывали желтые струпья жира. Завидев изящный силуэт «Морской Ведьмы», они уступали дорогу без единого звука или свистка. Китобои — народ суеверный и жесткий — видели в этом судне вестника смерти. Его слишком чистые линии контрастировали с обросшими ракушками корпусами промысловиков, а тишина, с которой когг резал воду, казалась противоестественной.

Наконец, когда холодное солнце начало ронять багровые капли на вершины гор, залив открылся им. Портовый город «Независимых торговцев Севера» был основан в глубокой чаше, вырезанной богами среди высоких, остроконечных гор цвета ржавчины. Скалы защищали его от свирепых полярных штормов. Самый северный форпост человечества, один из тех плацдармов, что удалось отвоевать у этой проклятой планеты. Но, несмотря на отдаленность, здесь кипела жизнь. Город вонял. Вонял так, что этот смрад чувствовался даже с рейда: смесь жареного лука, дешевого эля, дегтя, человеческого пота и гниющих рыбьих внутренностей. Но над этой грязью густо витал дух больших денег. Деревянные причалы вытянулись далеко в воду,

каждый дюйм досок был занят. Галеры, барки, пузатые купеческие галеоны стояли борт к борту, скрипя кранцами. Сотни голосов сливались в единый гул — гортанная ругань на десятках диалектов, звон монет, глухие удары молотов из кузниц и визг лебедек. Экономика края была проста и жестока, как удар топора. Отсюда увозили ресурсы ледяного ада: тысячи бочек китового жира, штабеля костей для муки и каркасы домов, шкуры зверей, кишаших в северных водах. Эти меха ценились южнее на вес золота. Взамен корабли привозили то, чего земля севера родить не могла: яркие ткани южных королевств, мешки с зерном, которое стоило здесь дороже жизни, и специи, чей пряный аромат тщетно пытался перебить вечную вонь порта.

Через сутки, как и было оговорено заранее, «Поцелуй гидры» присоединился к «Морской ведьме» на рейде. За это время Конор со своими людьми переоделся в одежды пиратов, оставив при себе лишь лоскут тартана у самого сердца. Они сошли на берег, прихватив трофеи работорговцев. Сундук с необработанными изумрудами перешел в руки зрителя порта (камни легче спрятать, чем звенящее золото). Чиновник оформил их как «вольных старателей с ледяных полей», дав легальный статус. Далее Мартин, Эрика, Конор и верные люди разошлись веером. Трактиры, притоны, рынок невольников — они искали любые слухи о своем клане. Вскоре две поисковые группы по два человека ушли вглубь материка верхом, снабженные едой, оружием и серебром, чтобы искать следы выживших по тайным тропам.

Ночь в бухте пахла гнилыми водорослями и озоном. Под этим покровом, скользя тенями между бортами «Поцелуя Гидры» и «Морской Ведьмы», часть кровавого золота работорговцев перекочевывала из одного темного чрева в другое. Слитки изумрудов, тяжелые даже на вид, переходили из рук в руки беззвучно. Это было разделение их хрупкой надежды.

Конор остался на берегу Города Вольных. Он растворился в тенях припортовых трущоб, став невидимым узлом паутины спасения. Его задачей стало самое страшное — ожидание. Встречая выживших, просачивающихся поодиночке, он снабжал их сухарями и водой, а затем уводил вон из города, вниз к рыбацким лачугам. Там, в сырых землянках, пропахших рыбой и отчаянием, его люди прятали беглецов среди местных, покупая молчание за серебро.

«Поцелуй Гидры» и «Морская Ведьма», два черных призрака, разошлись разными курсами вдоль враждебного берега. На палубах остались наемные моряки под видом старателей. Сокровища пиратов превращались в звонкую монету, жир и парусину. Они чувствовали тяжесть трюмов. Это была кровь погибших в пустоши. Теперь эта кровь должна была купить будущее. Они посещали портовые города один за другим, двигаясь от северного полушария к южному. Эрика сошла на берег в следующем порту, завернувшись в плащ торговца редкостями, чтобы снарядить еще одну группу поиска. В третьем, последнем порту северного полушария, землю принял капитан Мартин. Следопыты клана ушли три недели назад — верхом на лошадях, купленных за последние крохи золота. И с тех пор — лишь глухое, звенящее отсутствие вестей. Все товары, что Мартин скупал по пути, распродавая слитки, превратились в горы зерна, бочонки со специями и провизию, заполнившую трюмы «Поцелуя Гидры» доверху. Пресная вода плескалась в дубовых бочках, отмеряя дни жизни. Но надежда гасла. День за днем Мартин обходил зловонные переулки доков, где пахло гнилью и безнадежностью. Надежда, такая острая вначале, начала крошиться, как старая древесина под ударами секир. Смысл всего предприятия таял, уступая место ледяной панике. Что, если Конор ошибся?

Лишь в начале четвертой недели море вернуло долг. К пирсу подошла процессия призраков. Не отряд воинов — скелет клана. Изможденные, больные тени. Женщины, юноши и дети в рваном тряпье, которое язык не поворачивался назвать одеждой. Их кожа посерела от лишений, глаза запали, превратившись в черные ямы. Во взглядах стояла бездна такого отчаяния, что матросы «Гидры» невольно отступили на шаг. Пожилые и старики... они остались лежать костями вдоль дорог, которые эти несчастные проползли пешком. Несмотря на боль, радость встречи ударила по нервам сильнее хлыста. Моряки бросились вперед, руками поднимая ослабевших на палубу. Кто-то рыдал, прижимая к себе найденного родственника. Кто-

то беззвучно молился, глядя на мачты корабля-спасителя. Их накормили горячим варевом прямо здесь, на досках, не дожидаясь отхода. Тех, кто мог только дышать, укладывали на снятую парусину, давали пить подслащенную воду. Когда последний ребенок оказался на борту, «Поцелуй гидры» тяжело осел ниже ватерлинии, приняв свой драгоценный груз.

Мартин отдал приказ. Канаты упали в воду с глухим плеском. Корабль медленно развернулся носом на север, взяв курс обратно к побережью пустоши, туда, где должна была ждать Эрика. Следопыты остались стоять на гнилых досках пирса. Они отказались подниматься.

— Ждите нас в Порту Свободных Торговцев через полгода, — тихо сказал им Мартин. — Полгода. Ни днем больше. Те лишь кивнули. Им предстояло продолжить поиски в одиночку, прочесывая дно мира в поисках последних искр своего народа. А корабль взял курс на встречу.

Время на исходе.

Погода умирала. Она не просто портилась — она редела в агонии, словно само небо оплакивало их надежду. Уже неделю свинцовое, бугристое небо нависло так низко, что казалось, можно коснуться его рукой и содрать кожу о шершавый металл туч. Вода утратила всякое спокойствие, превратившись из лазурной глади в тяжелую, маслянистую черноту, похожую на расплавленное стекло. Море тяжело дышало, поднимая широкую грудь, и этот вдох отдавался тупой болью в зубах. Ветры усиливались с каждым часом, переходя от порывистого свиста к голодному вою, выдувавшему из-под одежды остатки тепла. Волны бились о прибрежные скалы с нарастающей яростью титана, запертого в клетке. Они поднимали стены воды выше утесов, обрушивая вниз миллионы тонн веса. Булыжники гальки размером с человеческую голову перекатывались по дну со звуком пересыпающихся костей, создавая зловещий аккомпанемент надвигающейся беды. Эрика стояла на самом краю обрыва, вглядываясь в горизонт. Пелена соленой водяной пыли оседала на лице, превращая ресницы в ледяные иглы, но она этого не чувствовала. Ее пальцы побелели, намертво вцепившись во влажный базальт. За эти дни принцесса превратилась в натянутую струну лютни; малейший порыв ветра мог заставить ее лопнуть. Рядом, как изваяние из темного базальта, застыл Конор. Его массивная фигура казалась частью самой горы. Он стоял против ветра, широко расставив ноги, чтобы удержаться на скользких камнях. Иногда тишину между ними разрывал тихий, животный рык, зарождавшийся глубоко в груди гиганта. Это была вибрация загнанного в угол хищника, чье терпение переполнилось расплавленным свинцом тревоги. Каждый раз, когда очередная волна разбивалась о скалы внизу, его плечи вздрагивали, а челюсть сжималась так, что желваки выступали острыми углами. Эрика почувствовала эту вибрацию отчаяния рядом с собой и сделала крошечный шаг ближе, ища опоры. Напряжение стало настолько плотным, что больно было дышать. Стоило ей хоть на мгновение ослабить стальную хватку контроля, отпустить вожжи хотя бы на долю секунды, как горло перехватывал спазм, а слезы начинали течь сами собой. Соленые, горячие, они смешивались с ветром на щеках, оставляя грязные бороздки. Она плакала беззвучно, боясь спугнуть надежду одним лишним вздохом.

И вдруг.... Среди хаоса волн и тьмы появилось нечто. На долю секунды еле заметное черное пятно возникло на горизонте, разорвав монотонную линию слияния воды и неба. Оно было там всего один миг — мираж, игра света, обман зрения воспаленного рассудка. Но взгляд Эрики и Конора, затаивших дыхание, впился в ту точку мёртвой хваткой. Мир сузился до этого крошечного участка черноты на фоне ревающего моря. Они боялись дышать, словно их выдох мог развеять морок, испугнуть появившуюся надежду, как птицу с ветки.

— Ты видишь?... — голос Эрики был едва слышен, похож на шелест сухих листьев, готовых рассыпаться в пепел.

Пятно появилось снова. На этот раз оно задержалось дольше. Сердце Эрики пропустило удар, а затем забило в горле пойманной птицей, норовя проломить ребра. Конор издал тот самый низкий, вибрирующий звук — полурык-полустон — но теперь в нем звучало не отчаяние, а лихорадочная, безумная надежда. Они переглянулись. В глазах обоих отчетливо чита-

лось, как волнение физически разрывает их изнутри. Страх быть обманутыми собственным зрением боролся с первобытной жадой верить. Пятно исчезло вновь, заставив Эрику болезненно всхлипнуть, но тут же вернулось. Теперь оно держалось несколько секунд. И самое главное — оно двигалось. Рывками, то пропадая между гребнями волн, то появляясь снова, оно приближалось. Контуры становились четче, обретая форму. У пятна появилась мачта. Появилась рея.

Это был корабль!

Он шел к ним. ОН ШЁЛ К НИМ.

Эрика почувствовала, как ноги становятся ватными, отказываясь держать тело. Слезы, которые она сдерживала часами, хлынули по щекам горячими ручьями, мгновенно замерзая на ветру. Она схватила Конора за руку, впиваясь ногтями в грубую кожу его перчатки. Их переплетенные пальцы стали единственным островком реальности в этом дрожащем мире. Корабль возвращался. Домой. С ними или без них — он вернулся.

Стихия.

На палубе «Поцелуя Гидры» творился ад. Это было не плавание — агония дерева и человеческой плоти, брошенная в пасть обезумевшему океану. Хаос за бортом вызывал первобытный, животный ужас — тот древний страх, что сидит в подкорке со времен первого выхода из пещеры.

Люди больше не были командой. Они превратились в единый стонущий организм, цепляющийся за жизнь скрюченными пальцами. Люди впивались друг в друга, срастаясь телами, намертво привязывая себя к мачтам и уцелевшим леерам обрывками канатов, содранных с такелажа. Никто не стоял на ногах. Палуба то уходила из-под ног, превращаясь в отвесную стену, по которой они сползали вниз, ломая ногти о дерево, то становилась потолком, норовящим разmozжить череп. Огромные волны, несущие тысячи кубометров ледяной воды, били в корабль снизу вверх, словно исполинская дубина разгневанного бога. Каждая такая волна придавливала людей к палубе с силой кузнечного пресса, выдавливая воздух из легких, дробя ребра тем, кто оказывался внизу. Океан пытался раздавить их, стереть в порошок и сбросить ошметки в бездну.

Они кричали. Кто-то рыдал от животного ужаса, кто-то захлебывался молитвами давно забытым богам, но их голоса тонули в реве бури — звуке, похожем на крик пытаемого гиганта. И посреди этого ада стояла одна неподвижная фигура.

На корме, у самого штурвала, возвышался лишь один человек-безумец — капитан Мартин. Вокруг него рушился мир, а он казался единственным островком абсолютного спокойствия в этом ревущем кошмаре. Он слился с кораблем в одно целое: ноги, широко расставленные и чуть согнутые в коленях, стали частью палубы, а руки, сжимающие мокрое рукоять кормового руля, казались выкованными из той же бронзы, что и петли дверей трюма. Несмотря на пронизывающий до костей ветер, секущий кожу ледяным крошевом, несмотря на каскады соленой воды, бьющие в лицо, он не чувствовал ни холода, ни усталости уже многие часы. Адреналин выжег всё лишнее, оставив только звенящую пустоту концентрации. Его лицо напоминало камень древних идов — грубое, высеченное ветрами, без единой капли влаги, хотя всё вокруг промокло насквозь. Глаза сузились в щёлочки, превратившись в два раскалённых угля, прикованных к горизонту.

В эту секунду казалось, что Капитан Мартин перестал быть человеком. Всё человеческое сгорело в топке борьбы. Сейчас им правила сама стихия. На долю мгновения, когда очередная стена воды накрыла палубу, проблеск безумной, почти садистской улыбки промелькнул на его лице. Улыбка блаженства. Улыбка фанатика, достигшего экстаза в битве насмерть! В этот именно миг он был Богом! Богом Войны и Шторма, спустившимся с небес не для спасения, а чтобы насладиться этим танцем разрушения. Ему не нужно было смотреть на компас — он чувствовал дыхание «Гидры». Каждый скрип переборки, каждый треск дерева отзывался в его

теле. Он вел её сквозь преисподнюю на одних инстинктах, став душой этого деревянного призрака. И пока он держал рукоять руля, океан мог забрать моряков, мог переломать мачты, но душу корабля ему было не получить!

Весть разлетелась по лабиринтам пустоши быстрее штормового ветра. Все, кто еще мог крепко стоять на ногах — мужчины с лицами, высеченными из камня, женщины с руками, привыкшими к кирке и серпу, юноши и девушки, чьи глаза помнили рынки рабов, — высыпали на побережье. Около сотни спасенных душ, тех, кого Конор и Эрика вырвали из лап мучительной смерти, собрались у края Великой каменной пустоши. Они стояли плотной, молчаливой стеной, кутаясь в грубые шкуры, и смотрели туда, где бушевало море. То, что разворачивалось перед ними, было за гранью человеческого понимания. Не битва людей со стихией — танец двух первобытных сил. Там, среди ревуших валов цвета застывшей смолы, танцевал «Поцелуй Гидры». Корабль казался куском сломанной мачты, брошенной в пасть безумному боже-ству. Очередная волна, черная и увенчанная гребнем из белой пены, поднялась выше самого судна. Она нависла над «Поцелуем Гидры», словно кулак разгневанного Посейдона, и с ревом рухнула вниз. Дерево протестующе застонало, затрещав по всем швам. Вода поглотила судно целиком. Люди на берегу ахнули в унисон, хватаясь друг за друга. Для них всё было кончено. Но мгновение спустя корабль взмыл на гребне чудовищного вала. Тяжелогруженный кнорр, чей трюм ломился от зерна, специй и золота, подбросило вверх, как щепку в кипящем котле. Он летел к берегу, таща за собой шлейф из обломков мачт и разорванных снастей. Корабль взлетел на гребне, невесомый и беспомощный, а затем всей многотонной массой обрушился на прибрежную гальку. Удар сотряс землю — глухой, утробный звук разнесся по пустоши, эхом отдаваясь в скалах, словно выброшенное на берег морское чудовище. Следом пришла вторая волна, огромная и властная. Вместо того чтобы довершить разрушение, она подхватила тяжелое брюхо корабля, как мать поднимает упавшего ребенка, и протащила «Гидру» еще на десяток метров вверх по склону, подальше от ненасытной пасти прибоа. Корабль величественно накренился на левый борт. С протяжным скрипом лопающихся тросов он замер, завалившись набок. Теперь он стоял на отмели не как потерпевший крушение бедолага, а как памятник нечеловеческой воле. Памятник тем, кто бросил вызов океану и выжил назло ему. Люди на берегу понимали масштаб увиденного лучше других. Они видели чудо. Эрика стояла чуть впереди толпы, ее пальцы впились в плечо Конора до крови. По щекам, испещренным старыми шрамами, текли слезы — горячие, соленые, смешивающиеся с брызгами моря. Она плакала беззвучно, глядя, как творение рук человеческих победило саму смерть. Едва стихли звуки рвущихся канатов и мачта, треснув посередине, упала, воткнувшись одним концом в берег, началась работа.

Первым делом на берег спустили детей. Маленькие тела передавали из рук в руки через фальшборт с благоговейным трепетом, прижимая к груди так бережно, словно они были сделаны из тончайшего стекла самой жизни. Женщины, чьи лица заострились от многодневного голода, превращаясь в суровые лики древних богинь, хватали малышей и тут же исчезали в темных зевах расщелин. Они уносили самое ценное — будущее своего народа — пряча его от ветра, который уже начинал менять свой тон. Низкий, протяжный вой менял тональность, переходя в пронзительный, вибрирующий визг приближающегося нового урагана. Следом началась переправка тех, чье время в этом мире едва не оборвалось навсегда. Обессиленные штормом, изможденные многодневной качкой и голодом, выжившие выходили на свет последними. Как только ноги спасенного касались гальки пляжа, их тут же перехватывали другие руки. Мгновенно, без единого слова и лишней суеты, обессиленных подхватывали под плечи и уводили прочь от пронизывающего морского ветра, туда, где пахло дымом очага и относительной безопасностью укрытий. Те, кто уже обрел твердую землю под ногами, превратились в одну живую цепь спасения. Молчаливый конвейер милосердия. Мужчины спускались к самой кромке прибоа, рискуя быть сбитыми ледяным прибоем и утянутыми в бездну, чтобы

принимать ослабевшие тела на связанных ремнях и обрывках такелажа. Спуск превратился в священнодействие. Каждое движение выверено до миллиметра, каждый взгляд прикован к тому, кого поднимают из морской могилы.

— Тише... Осторожнее... Не дави на руку... — звучали тихие, напряженные голоса сквозь шум ветра. Никто не смел повысить голос. Каждый понимал: эти люди балансировали на грани между жизнью и смертью много часов подряд, и любой резкий звук или рывок мог стать последним толчком во тьму. Они передавали спасенных из рук в руки над бушующей водой, как величайшую драгоценность, стараясь даже случайно не задеть синяки и открытые раны. Там, в глубине расщелин, куда не доставал холодный поцелуй океана, горели костры. Здесь выживших ждала забота, которая сейчас была ценнее любых сокровищ. С них бережно срезали мокрую, пропитанную солью одежду, от которой шел пар, растирали заочиненные конечности грубой шерстью и укутывали в сухие, теплые меха. Им протягивали дымящиеся кружки с густым отваром из трав и жира — горьким, обжигающим небо, но возвращающим жизнь промерзшим костям. Рядом дымились котлы с горячей похлебкой, запах которой казался слаще любого нектара после соленой пустоты моря. Последними, после недолгих, но крепких объятий, полных мужского понимания пережитого ужаса, с берега ушли Мартин, Эрика и Конор. Пустошь снова опустела. На берегу остались лишь мертвый «Поцелуй Гидры», брошенный на произвол судьбы как вызов самой природе, да ветер, начавший свою погребальную песнь. В ней больше не было угрозы — лишь скорбный гимн ушедшим героям и реквием по тем, кто выжил вопреки всему.

Путь домой.

Колонна замерла на краю Великой каменной пустоши. Люди клана «Поющих Гор» стояли плотной группой, но теперь это были не испуганные овцы. Их глаза горели лихорадочным огнем, а в груди кипел тот самый первобытный страх, который они носили с детства. Матери пугали их сказками о пустоши: где камни плавают днем под взглядом Антарио, ветер режет плоть до костей осколками льда, а монстры без души выпивают кровь до последней капли.

Эрика вышла из тени скал, сняла капюшон и подставила лицо ветру. Её лицо было мертвенно-бледным, а багровые шрамы от когтей «Хищников» резко выделялись на коже. Она выпрямилась, расправив плечи так, что хрустнули суставы, и этот жест заставил толпу замолчать. Страх в ней не было. Только выжженная дотла сталь. Она подняла правую руку в кулак.

— Слушайте! — её голос прозвучал над головами, чистый и властный, заглушая вой ветра. — Я Эрика, дочь Эвандера, внучка Фергюсона. Я ваша Правительница. Её слова упали тяжёлыми камнями. Люди подались вперёд, ловя каждый звук обоженных губами.

— Пустошь — опасное место, — её голос стал ниже, вибрируя от застарелой боли. — Я знаю. Я была там. Я чувствовала, как лучи Антарио прожигают веки, оставляя слепоту на часы. Я промерзала в ледяных туманах, когда кровь стынет в жилах быстрее, чем бьётся сердце. Я сражалась с монстрами и была смертельно ранена.

Она сделала паузу, давая словам впитаться в кожу стоящих перед ней людей.

— Я жива не благодаря себе. Пустошь сохранила меня. Зачем? Чтобы вернуть жизнь вам. Да, она коварна. Она безжалостна. Она убьёт любого, кто проявит слабость или сомнение. Но посмотрите на неё! — она указала на горизонт, затянутый красной дымкой. — Она станет нашим щитом. Это место будет оберегать нас сотни лет от врагов. Наши дети родятся свободными, потому что мы прошли через этот ад первыми. Боритесь со страхом. Станьте камнем. Идите вперёд, за мной! Она развернулась и пошла вперёд, не оглядываясь. Ни один человек не остался стоять. Мужчины и юноши взвалили на плечи тяжелые мешки с пшеном и связки вяленого мяса. Женщины поднимали корзины со специями и бурдюки с водой. Девушки прижали к груди спящих детей, укутанных в шкуры. Сокровища работоторговцев — холодное золото «Хищников» и переливающиеся во тьме драгоценные камни — они спрятали глубоко в расщелинах у побережья. Золото можно забрать позже, когда стихнет шторм. Сейчас самым ценным грузом была еда и надежда. Колонна медленно двинулась вперёд. Шаги звучали неуверенно,

утопая в мелкой черной крошке, но вскоре ритм выровнялся. Сотни ног ударяли в камень, создавая глухой, зловещий рокот погребального барабана. Они шли навстречу верной смерти, но их цель — обрести бессмертие через свободу. Колонна вошла в пасть пустоши. Казалось, сам ядовитый ветер расступается, уступая дорогу тем, кто готов заплатить за неё жизнью.

Девять дней. Девять бесконечных, изнурительных дней колонна шла сквозь каменный лабиринт пустоши. Каждый шаг давался ценой волевого усилия, ломающего волю пополам; каждый глоток воды был на счету и выдавался по каплям. Люди двигались как единый механизм, преодолевая усталость, сводящий с ума голод и боль в ногах, стертых до кровавого мяса. На рассвете шестого дня воздух изменился. Из него исчезла удушливая пыль мертвых земель, сменившись запахом озона после грозы, влажной земли и чего-то неуловимо сладкого — густым ароматом настоящей жизни. Все потеряли дар речи, когда вышли к величественным стенам города! Мартин вышел вперёд. В руке он сжимал Жезл Владыки Пустоши — золотой символ власти, который теперь выглядел не как украшение, а как ключ от врат рая. Он подошел к исполинским воротам. Ворота были покрыты слоем сине-зеленого мха, но под ним хищно поблескивали древние руны «Хищников». Мартин поднял жезл. Его рука чуть заметно дрожала от многодневного истощения, когда он коснулся холодного металла ворот. Тишину разорвал глубокий, вибрирующий гул, идущий из-под самых корней планеты. Древние механизмы содрогнулись. С оглушительным скрежетом, эхом прокатившимся по долине и вызвавшим лавину мелких камней, створки ворот начали расходиться. Тяжелый камень весом в тысячи тонн уступал воле человека и технологиям «Хищников». Перед людьми открылся город-оазис во всём своём великолепии. Это было невозможно. Это противоречило всем законам природы этой планеты. Там, где должна была быть серая смерть, раскинулся изумрудный рай. Неприступные черные стены брошенного города «Хищников» вздымались к небу, образуя идеальный амфитеатр, защищенный от всех ветров мира. Но то, что скрывалось внутри, заставляло людей замирать, роняя поклажу на острые камни. Вокруг пело всё. Не просто ветер в скалах — это пели птицы. Мелодичные, переливчатые трели звучали так нереально в этом мире смерти, что люди опускались на колени, рыдая, слыша их. У подножия стен росли диковинные цветы с лепестками цвета индиго, покрытые сверкающей росой, а вдоль широкого, прозрачного ручья стояли деревья с серебристой листвой. Ручей брал своё начало высоко в ледниках неприступных гор, его вода была такой чистой, что казалась жидким хрусталём. Жизнь здесь пульсировала, скрытая от глаз галактики за стенами мертвого города.

— Мы прошли... — голос Мартина был хриплым, сорванным ветром пустыни. Он подошел к Эрике, встав плечом к плечу. На его лице, покрытом коркой пыли, соли и грязи, блестели дорожки чистого пота. — Шесть дней через ад пустоши... Колонна вышла целиком. Ни одной потери. Все живы. Эрика смотрела на свой народ. На эти лица, еще вчера серые от отчаяния, а сейчас залитые слезами при виде этого чуда. Её собственные глаза защипало, горло перехватило спазмом радости. Она сбросила капюшон, позволяя свежему ветру растрепать её волосы. Она подняла руки к небу, пытаясь обнять ими весь свой спасенный народ.

— Люди клана «Поющих Гор»! — её голос зазвенел над долиной, чистый и сильный, перекрывая шум водопадов и шелест листвы. — Посмотрите вокруг! Почувствуйте этот воздух! Им можно дышать вечно! Её крик подхватили сотни голосов. Рыдания, смех, молитвы — всё смешалось в один общий гимн выживших. Люди падали на колени прямо в мягкую траву, целовали землю, обнимали друг друга, рыдая навзрыд. Они дошли. Сквозь рабство, сквозь огонь арен, через ледяные объятия морей и раскаленное чрево пустоши. Они потеряли многих, но те, кто стоял здесь сегодня, выжили. Они нашли свою Землю Обетованную. Их изгнание закончилось. Она сделала широкий жест рукой, указывая на цветущую долину, на высокие стены, ставшие им крепостью, на чистое небо.

— Вот мы и дома! — выдохнула она, не в силах сдерживать слёзы счастья, крепко держа Мартина за руку.

Эпилог.

Говорят, король Казимир-Завоеватель тихо скончался во сне, выпив кубок подогретого вина с пряностями. Однако злые языки твердят об отравлении медленным ядом ледяных жаб, а ветераны северной кампании в тавернах за кружкой эля клянутся, что своими глазами видели призрак принцессы Эрики. Её бледный, искаженный яростью силуэт всё ещё бродит по тёмным переходам дворца, уводя за собой королевскую душу напрямиком в бездну.

Едва тело монарха опустили в холодный камень фамильного склепа, как принцы Яромир и Святогор вцепились друг другу в глотки. Корона оказалась слишком тесной для двух черепов. Началась братоубийственная война — жестокая, грязная схватка голодных псов за брошенную кость трона.

Правительница Эрика и Мартин стояли на вершине городских стен нового клана, любуясь пейзажем: с одной стороны простиралась вечно дышащая смертью Великая Каменная Пустошь, верный щит их свободы, с другой — райские кущи кратера. Город просыпался; люди не спеша приступали к своим ежедневным обязанностям. Звенели молоты о наковальни в кузницах, пахнувших озоном и раскаленным металлом. Кто-то выдвигался на сбор плодов хлебного дерева и экзотических фруктов.

Эрика держала на руках младенца, который тихо посапывал в нежных ладонях матери, сжимая крохотными пальчиками её палец. Мартин обнял Эрику за плечи, заглянул в её лицо, источающее светлое счастье, глазами, полными бездонной любви, и мягко коснулся губами её лба. Так они и стояли, наслаждаясь тёплым солнечным утром, пока лёгкий ветерок слегка касался их волос, играя выбившейся русой прядью Правителя.

Спокойствие утра разорвал далёкий, сорвавшийся на фальцет окрик часового на дальней башне ворот — он кричал так, словно его заживо сжигали, показывая рукой в зенит. К городу, закрывая половину небосвода и дневное светило, медленно и абсолютно бесшумно спустился огромный многокилометровый чёрный диск. Тень накрыла кратер мгновенно, словно кто-то выключил само солнце. Стало холодно. Всё вокруг застыло, настала мёртвая, давящая на перепонки тишина. Птицы замолкли на полуслове. Люди роняли корзины и инструменты, запрокидывая головы вверх. В глазах смешались первобытное удивление и животный ужас перед божеством, сошедшим с небес. Он плавно пролетел низко над городом — настолько близко, что стали видны странные геометрические узоры на его корпусе, — прошел точно над кратером и, набрав высоту, исчез в синеве чистого неба, оставив после себя лишь звон в ушах и запах стерильного холода.

— Они всё же прилетели за ними... — прошептала Эрика, крепче прижимая спящего ребенка к груди. Она тревожно посмотрела на Мартина, ища защиты. — Они ещё вернутся?

Мартин не дрогнул. Его челюсть закаменела, а взгляд стал тем самым взглядом капитана штормового моря. Он обнял жену, защищая и её, и младенца.

— Нет, любимая. Клана Свободных здесь нет. — Прижав к себе Эрику всем телом, он заглянул ей в глаза, передавая свою абсолютную уверенность. — Никто и никогда уже из них сюда не вернется!

Чувство абсолютного, звенящего счастья вновь озарило лицо Эрики. Страх улетучился, сгорев в огне его воли. Положив голову на плечо своего мужа, под защитой его сердца, она тихо выдохнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.